

Дарья ДОНЦОВА

www.dontsova.ru

СЕРИАЛ
*
«Любимица
Фортуны
Степанида
Козлова»

Презентация
ящика
Пандоры

Annotation

Да уж, такого кролика язык не повернется назвать «зайка моя»! Некто в веселом рекламном костюме, помахивая длинными мохнатыми ушами, ворвался в бутик «Бак» и открыл огонь из пистолета. А следом за «косым» в магазин забежал очаровательный «утенок» с лимонно-желтым клювом и направил оружие на одну из покупательниц. Милые «зверушки» грабили магазин непринужденно, но в строгом соответствии с законами вооруженного налета. Просто чудо, что Степанида Козлова, ставшая свидетельницей ограбления, не схлопотала пулю.

Очнулась Степа в больнице, где узнала, что во время налета получила травмы кассирша Наталья Сытина и умерла одна из покупательниц. Козловой показалось крайне странным, что бутик решили ограбить в полдень, когда в кассе почти не было выручки. Ее подозрения усилились после того, как она увидела Сытину с перебинтованной головой и фингалом под глазом. Опытный стилист Козлова сразу определила, что синяк – имитация, нарисован с помощью грима. Но это были только цветочки...

-
- [Дарья Донцова](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Дарья Донцова

Презентация ящика Пандоры

© Донцова Д.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

– Если молодая жена будет три года бережно хранить лепестки роз, которые в первую брачную ночь раскидал у постели жених, то они превратятся в носки.

Я услышала эту фразу, обернулась и увидела, что около стеллажа с губной помадой стоит женщина с растерянным выражением лица.

– Любовь не длится вечно, – продолжала она, – сначала цветы-конфеты, потом повсюду носки и слова: «Жить с тобой невозможно, где та женщина, на которой я женился?» Глупую фразу здесь написали!

– Где? – не поняла я.

– А вот там, – произнесла незнакомка и показала пальцем вверх.

Я машинально отметила, что на запястье у нее браслет, дешевая бижутерия, которая продается повсюду, подняла голову и увидела под потолком воздушный шар, его украшала надпись: «Купите новинку «Бак» – пудру «Вечная страсть», и муж всегда будет осыпать вас лепестками роз». Из моей груди вырвался стон. Что самое страшное для фирмы? Креативный пиарщик, который без совета с начальством решил устроить рекламную акцию. Ох, найду я сейчас этого Тяпкина-Ляпкина!

– Эй, ты куда? – заорал грубый мужской голос.

Я повернулась на звук. Толстый охранник решительно преградил вход в торговый зал скромно одетой старушке.

– Хочу сделать покупки, – спокойно ответила та.

– Не для нищих магазинов, – заявил секьюрити, – ступай через дорогу, там в подвале «Все по одной цене» подберешь себе кусок мыла.

– Молодой человек... – сохраняя полную невозмутимость, начала старушка.

Но я уже ринулась к хаму и велела:

– Немедленно идите в служебное помещение.

– Етить! – заморгал мужик. – Че не так?

Я улыбнулась старушке и сделала приглашающий жест рукой.

– Мы рады вас видеть. Девиз компании «Бак» – «Наши покупатели – наша семья». Извините охранника, он внезапно заболел, похоже, подцепил какой-то вирус, не понимает, что говорит. Сейчас его заменит другой сотрудник. Алевтина!

Из-за стеллажей выбежала управляющая.

– Слушаю вас, Степанида!

– Помогите, пожалуйста, даме, проведите ее по залам, – приказала я, – на кассе сделайте на весь отобранный ею товар мою личную скидку. Не сомневаюсь, что у покупательницы есть деньги, но я хочу урезать чек как извинение за грубость, которая сейчас прозвучала.

Аля расплылась в улыбке.

– Желаете приобрести кому-то подарок? Или себя побаловать? Чай, кофе, вода, свежевыжатый сок? Не хотите отдохнуть в нашем кафе за счет заведения?

Я с одобрением кивнула. Молодец, тут же поняла, что к чему.

– Спасибо, милые, – поблагодарила нас пенсионерка и улыбнулась, – уж не карайте строго молодого человека, он же заболел, инфекция виновата.

Старушка вместе с Алей направилась в зону шампуней. Я посмотрела на охранника.

– Уходите.

– Куда? – спросил тот.

Я пожала плечами.

– Домой, или в парк, или в любое другое место.

– До обеда еще далеко, – возразил секьюрити.

– Вы уволены, – пояснила я.

– Ну ваще! За что? – заморгал хам.

Я нашла взглядом бейджик на его форме.

– Владимир, причина вашего отстранения проста: вы не пустили в магазин потенциального покупателя.

– Кого? – опешил грубиян.

Я подумала, что малограмотный мужик не знает значения слова «потенциальный».

– Пожилая дама хотела что-то приобрести, а вы остановили ее и стали разговаривать в непозволительном тоне.

Владимир цокнул языком.

– Етить! Дама! Ваще! Бабка из желтого дома! Да таких надо вон тряпкой гнать!

Я постаралась сохранить спокойствие.

– Фирма «Бак» рада всем. Говорить оскорбительные слова не следует даже пьяному парню, вот его нужно притормозить на пороге. А уж к женщине в годах надо относиться с большим уважением.

– Везде, где я работал, велели гнать бомжей, нищих, грязных, вонючих, – перечислил охранник.

– Слушай, прекрати! – не выдержала молодая женщина, которая

сидела за кассой. – Вместо того, чтобы старушке хамить, лучше смотри внимательно за той бабой!

Кассирша показала рукой в сторону женщины, которая стояла спиной к нам у стенда с косметичками.

– Зачем? Ходит себе тихо, – пожал плечами секьюрити.

– Она из дурки удрала, – сказала сотрудница магазина, на груди которой висел бейджик с именем Наталья.

– Не пори чушь, – отмахнулся хам.

– Ну точно, посмотри на ее обувь! – не успокаивалась Наташа. – В психушке очень хороший невропатолог, моя мама после инсульта у нее наблюдается. Я захожу к врачу за рецептами. Все больные бабы там ходят в таких кроссовках, им их выдают!

– Перестаньте спорить, – остановила я беседу, – женщина абсолютно нормальна. Я только что с ней говорила. Да что у нас в магазине творится! Охранник хамит! Кассирша незнакомку, посмотрев на ее обувь, объявляет сумасшедшей! И...

Я замолчала. Степа, не нервничай. Ты не в главном бутике в Москве, это город Фурск, довольно большой, здесь аж два театра есть и населения много. Но магазин «Бак» только неделю как открылся, персонал не вышколен. Я подавила волну гнева и ровным тоном продолжила разговор:

– Владимир! Вы неправильно поняли свои обязанности. Впускать в магазин нужно всех.

– Даже того, кто десять дней не мылся и воняет хуже помойки? – уточнил секьюрити.

– Да, – кивнула я, – но тут же позвоните Сергею или Леониду, кто-то из них выйдет и проведет такого человека по залам. Вероятно, неопрятный покупатель просто грязнуля или не имел возможности помыться, ехал сутки в поезде и сразу к нам явился, или у него на мыло-шампунь аллергия. Но посетитель ведет себя прилично, пришел за подарком для мамы-жены-бабушки. Ему покажут товар, человек-сыр его купит и уйдет.

– Сыр? – удивился Владимир. – Здесь че, продуктами тоже торговать будут?

Я на секунду замолчала. Ехидные французы называют «человеком-сыром» того, кого в России именуют бомжом. Почему? Самый вкусный, выдержанный французский бри пахнет так, что я ем его не дыша. Понятно, да? Но я не стала ничего объяснять секьюрити, просто продолжила:

– Ваши резкие действия потребуются в случае драки, отказа платить, скандала, грабежа. Пока ничего криминального не происходит, нужно радушно встречать любого посетителя. Бедно одетая старушка мало похожа

на буянку, и она возможный покупатель.

– У этой точно бабла нет, – гаркнул Владимир.

– Откуда вы знаете? – вскипела я. – В Париже на бульваре Сен-Жермен у метро «Одеон», возле магазина «Оптика» всегда днем сидит пожилая женщина с белой собачкой. Она вяжет пинетки и продает их по цене «сколько вам не жалко». На вид даме триста лет, кое-кто из наивных туристов верит гидам-шутникам, которые с самым серьезным видом заявляют, что госпожа была ближайшей подругой Марии-Антуанетты, чудом избежала в тысяча семьсот девяносто третьем году казни вместе с королевой и сейчас пытается выжить на копеечную пенсию, которую ей определило жадное правительство. Но на самом деле эта женщина владелица более десятка домов в шестом округе, сдает квартиры, с деньгами у нее полный порядок. Почему она сидит у метро? Потому что одинока, семьи нет и не было, ей нравится находиться в гуще людей. Мадам обожает вязать пинетки, полученные деньги относит в церковь Сен-Сюльпис, которая находится в паре шагов.

– Нищая бабка из желтого дома, – тупо повторил охранник.

– Да хоть из синего! При чем тут цвет дома? – не поняла я.

И тут в магазин вошел человек, наряженный в костюм кролика. Понять, кто он: мужчина или женщина, было невозможно. Мешковатый костюм полностью закрывал фигуру, огромная голова не позволяла судить о реальном росте, на ногах были карикатурно большие ботинки. Примерно полчаса назад «зверь» появился на площади через дорогу от магазина «Бак», там находится торговый центр. «Кролик» бегал на парковке, наверное, он что-то рекламировал, раздавал листовки редким водителям. И скорей всего это девушка, ей захотелось в перерыв посмотреть нашу косметику. Из костюма вылезать трудно, голову самой не снять, на отдых небось положено минут пятнадцать, вот она и притопала в бутик во всей своей красе.

– Вы только приехали, – обиженно загудел охранник, – ничего не знаете, а пытаетесь сразу свои порядки навязать. В желтом доме квартиры получила пьянь, рвань, голытьба, нищета убогая. Копеек на хлеб у них нет! У супермаркета побираются или на автовокзале огрызки гамбургеров ищут. А я живу в красном здании с лучшими людьми города: врачами, бизнесменами и, между прочим, хозяином этого магазина. Могу ему на тебя пожаловаться. Бабку, перед которой ты ковром стелилась, я отлично знаю, ей на кефир не хватает, а она сюда приперлась. Не покупатель она, просто шляется.

– Владелец этого бутика живет в Москве, – вздохнула я, – у меня нет

желания вести далее бесцельную беседу. Уходите.

– Нельзя так с работы увольнять, – разозлился Владимир.

Входная дверь закрутилась и впустила еще одного покупателя, опять ряженого, на сей раз «утенка». Я его ранее на парковке не видела, наверное, он работал у другого входа. Очередная ростовая фигура направилась к стеллажу с надписью «Идеи для дня рождения».

– По закону меня обязаны за две недели предупредить, – продолжал возмущаться грубиян.

– Получите компенсацию, – пообещала я, – уходите.

– Ты не мой начальник, – уперся мужик.

– Соловьев, лучше по-тихому сваливай, – сказала девушка за кассой.

– Молчи, дура! – зашипел секьюрити и показал пальцем на старушку, которая стояла у витрины с губной помадой. – Все я правильно делал! Она придурковатая, живет с тремя кошками, самой жрать нечего, а им покупает мясо...

– Владимир, – повысила я голос, – покиньте торговый зал.

– Понаехала, понимаешь, из Москвы, – пошел вразнос охранник, – решила в моем городе свои правила устанавливать? Так я объяснить могу, что ты не права!

– Вы мне угрожаете? – спокойно спросила я.

Владимир плюнул на пол.

– Да пошла ты!.. Меня на службу брал Вадим Григорьевич! Ты тут никто! ...!

Я вынула мобильный, быстро соединилась с нужным номером, собралась заговорить, и тут «утенок» резко развернулся, в его руке сам собой возник пистолет.

– Всем лечь! – заорал он странным голосом. – На пол!

Мне сразу вспомнилось первое апреля, Роман тогда нарядился жирафом, поймал меня у дома и долго упрашивал купить ножеточку. А я не узнала мужа, потому что он положил за щеку какую-то штуку и говорил так же, как сейчас бандит.

«Кролик» тоже вытащил оружие, он действовал молча, а «Дональд Дак» продолжал:

– Если будете выполнять наши приказы, никто не пострадает! Эй, гони выручку!

Кассирша не шевелилась, грабитель приблизился к ней, оперся ладонями о прилавок. Охранник шлепнулся на пол, закрыл затылок ладонями и завопил:

– Не трогайте меня! Я не работаю здесь, только что уволился!

Стреляйте вон в ту девку, в молодую. Она тут главная! У нее сейф в кабинете, там миллионы.

«Кролик» резко свистнул два раза, «утенок», который смотрел на кассиршу, поднял голову и направил оружие на женщину в длинном платье, ту самую, что рассказывала мне про лепестки роз, превращающиеся в носки. Покупательница, которая почти успела добраться до двери, заговорила:

– Магазин закрывается, я уйти хочу, мне кофе не надо, спасибо, лучше без сахара.

Грабитель сделал резкое движение, стул вместе с кассиршей опрокинулся на пол, прозвучал выстрел. Мне показалось, что время на секунду остановилось. Ростовые фигуры замерли на месте. Посетительница у двери взмахнула рукой и стала падать спиной на пол. Ее затылок ударился о плитку, голова подскочила и снова опустилась, широкая юбка взметнулась и опала на ноги. Меня потянуло вбок, я не пойми как очутилась под столом, на котором были выстроены башней наборы для бани. Я почувствовала резкий аромат лаванды и вроде корицы, слышались беспорядочные выстрелы, топот, хлопок двери. Потом повисла зловещая тишина.

Когда она стала почти невыносимой, я осторожно приподняла голову, увидела прямо перед собой дешевый браслет, который ранее заметила на руке покупательницы. Я зачем-то потянулась к копеечному украшению. Торговый зал завертелся волчком, потолок поехал вниз. Я испугалась и опять уткнулась носом в плитку.

Глава 2

– Уважаемая Степанида, – стараясь быть приветливым, произнес полный мужчина в мятых серых брюках и давно не модной рубашке, которую явно следовало купить на размер больше, – вы знаете, где находитесь?

– Конечно, – кивнула я, – в местной больнице, и могу вас заверить: я совершенно здорова. Вы врач?

– Нет, начальник полиции Фурска, Зиновьев Юрий Петрович, – представился незнакомец. – Что случилось в магазине?

Я села.

– Вам подробно излагать или не очень?

– Желательно со всеми, даже мельчайшими деталями, – уточнил толстяк.

Я нашарила босоножки.

– Зря только койку занимаю. Отлично себя чувствую.

– Значит, сейчас мне все по порядку и доложите, – обрадовался Зиновьев, – а то уж я приуныл, остальные, кто в живых остался, пребывают в истерике.

Я вздрогнула.

– Те, кто в живых остался? Есть погибшие?

Полицейский кашлянул.

– Лучше ответьте: что вы помните?

Я пожала плечами.

– В бутике появились ростовые фигуры, одну я видела ранее на парковке через дорогу, не удивилась, такие рекламу раздают. Решила, что у них обед, вот и зашли на наш товар взглянуть. Когда началась стрельба, я уткнулась лицом в пол и лежала так до тех пор, пока какая-то женщина не завизжала. Лишь тогда я подняла голову, увидела, что охранник и дама у дверей остались лежать на полу, когда остальные: кассирша, управляющая Алевтина, пожилая дама – вскочили. Больше никого не было. На пороге истошно орала какая-то тетка, но она при ограблении не присутствовала, похоже, вошла, когда двое в костюмах уже удрали. А потом в глазах все поплыло, завертелось... Очнулась я здесь.

– Странно, что в большом магазине народа совсем не было, – прищурился Зиновьев, – как правило, в торговых точках толпы снуют.

Я застегнула босоножки.

– Очень хочется кофе, но я не знаю ваши рестораны. Можете посоветовать, где готовят вкусный капучино?

– Доктор намерен понаблюдать за вашим состоянием, – попытался остановить меня Юрий Петрович.

Я схватила сумочку.

– В магазине «Бак» сейчас работают ваши специалисты?

– Точно, – согласился Зиновьев.

– Подскажите адрес хорошего трактира? – поинтересовалась я.

– В соседнем здании есть приличное кафе, – ответил полицейский.

– Пошли, – скомандовала я, – не люблю больницы и чувствую себя совершенно здоровой.

– Еще упадете в обморок, – испугался Юрий Петрович, когда мы очутились на улице, – знаю я таких! Хорохорятся, заявляют: «Да я не испугался нападения». И через минуту бряк, на полу валяются!

– Клиника недалеко, я вешу немного, отнесете меня назад, – хмыкнула я, – надеюсь, там, куда мы идем, кофе не такой мерзкий, как в Париже.

Зиновьев изумился.

– Неужели во Франции варят плохой капучино?

– Отвратительный, – ответила я, – нет, есть места, где кофе прекрасный, но их надо знать. А вот в Италии вам даже на бензоколонке такой латте нальют, что вы стакан вылизете.

– Нам сюда, – скомандовал Зиновьев и открыл дверь.

Я окинула взглядом пустой зал.

– Уверены, что тут хорошая кухня? Отсутствие клиентов во время бизнес-ланча плохой знак.

– Цены у нас московские, – вздохнул Юрий Петрович, – а зарплаты фурские. Налицо перекосяк не в пользу трудящегося человека.

– Давайте сядем не у окна, а в углу, – предложила я.

– В магазине «Бак» тоже почти никого не было, – заметил полицейский, сделав официантке заказ. – По какой причине вы у нас решили торговлю открыть?

Я вынула из кармана мобильный.

– У моего мужа Романа Звягина, владельца фирмы «Бак», есть друг юности Илья Ковригин. Наверное, вы о нем слышали.

Юрий Петрович кивнул.

– Я всю жизнь в Фурске. Здесь родился, учился, пригодился. Помню, раньше в городке одна школа была. Кому ее окончить удалось, те уезжали учиться куда подальше: в Москву, Питер. Отец Ильи Алексеевича был, как теперь говорят, мэром. Он Фурск поднял. Мой отец личным шофером у

Алексея Михайловича служил, мы жили у него на участке, в квартире над гаражом.

Юрий Петрович махнул рукой.

– Все, хватит моих воспоминаний. Значит, ваш муж дружит с господином Ковригиным?

– Да, – подтвердила я, – они в институте учились в одной группе. Потом стали заниматься бизнесом, правда, разным. Илья теперь мэр Фурска.

– Точно, наш нынешний мэр, сын прежнего хозяина города, – улыбнулся собеседник, – чему мы, коренные жители, только рады. Город расцвел! Население к полумиллиону подкатывает, сервис столичный. Одно плохо, понаехали гастарбайтеры, есть нелегалы. С другой стороны, где их теперь нет?

– Илья предложил Роману открыть у вас бутик «Бак», – продолжала я, – место выбрали очень удобное, в самом центре.

– Да уж, – согласился Зиновьев, – зыкое. Фурску много лет, он начинался с Дровяной площади, ее так называли, потому что при Екатерине там торговали поленьями. От нее расходятся лучами улицы. Если на наш город с высоты птичьего полета посмотреть, он похож на раздавленного ежа. Тушка лежит, от него во всех направлениях иголки пырятся.

Я взяла у официантки чашку. А полицейский романтик, сравнить Фурск с несчастным ежиком не каждый додумается.

– Никто из местных или приезжих мимо вас не пройдет, – продолжал Юрий Петрович.

– Очень надеемся, – улыбнулась я, – все наши торговые точки одного дизайна, та, что в Фурске, ничем не отличается от магазина в Москве. Пока покупателей совсем мало, но мы только открылись, сразу большого наплыва мы и не ждем.

– Вы давно замужем? – прищурился мой собеседник.

– Не очень, – улыбнулась я.

– Чего же он вас подальше от себя отправил? – любопытствовал Зиновьев.

Вопрос, конечно, беспардонный, такой даже близкой подруге задавать не рекомендуется. Но мужчина, который сидел напротив меня, не был грубияном, полицейский всегда на работе, даже если он мирно пьет с тобой кофе. Я сделала глоток из чашки.

– До Москвы рукой подать. Я приехала проверить, как началась работа, провести несколько мероприятий, снять рекламный ролик. Командировка на несколько дней.

– Где учились-то? – продолжал допрос Юрий Петрович.

– Когда-то я пришла в «Бак», не имея специального образования, носила чемодан за нашим главным визажистом, гениальным Франсуа Стефано Арни, постепенно научилась у него мастерству. Сейчас заведую департаментом выставок, шоу-показов и рекламы, – ответила я.

– Ух ты! – восхитился Зиновьев. – Хорошо, когда муж начальник.

Я промолчала. Бесплезно объяснять людям, что я сама всего добилась. Мы с Романом долго состояли в дружбе, но почти все в «Баке» были уверены, что я сплю со Звягиным, поэтому и скачу так прытко вверх по карьерной лестнице. Теперь же в спину мне доносится шепоток: «Конечно, Роман Глебович женился на молоденькой, пляшет под ее дудку». Сначала я обижалась, переживала, потом привыкла. Кстати, Звягин не старик, а я талантлива, умна и работоспособна.

– Как кофе? – осведомился Зиновьев.

– Прекрасный, – воскликнула я и не покривила душой.

– Так что случилось в магазине? – снова задал вопрос полицейский.

– В зале на первом этаже бродила покупательница, я с ней поговорила, – начала вспоминать я. – Потом увидела, что охранник не пустил пожилую женщину, стал гнать ее, нахамил старушке. Я уволила Владимира, тот рассвирепел и объяснил, почему прогонял прочь старуху: та живет в желтом доме, а он сам в красном. Бабка, мол, нищета, а он элита. На мой взгляд, это полный и окончательный бред. Ой!

Я осеклась, потом тихо осведомилась:

– Он умер? Пока ехали «Скорая» и полиция, охранник лежал на полу и все время твердил: «Смерть пришла!»

– Жив, – успокоил меня полицейский. – Пуля угодила ему в ногу, да так удачно попала, что ничего важного не задела, ни кость, ни крупные сосуды. Навылет прошла, фигня, а не рана. Значит, охранник скандалил. Дальше что?

– Появилась ростовая фигура, которая на парковке у торгового центра ходила, – повторила я уже один раз сказанное, – я видела ее примерно минут за десять до ограбления из окна. Помнится, я решила, что у «кролика» перерыв, он забежал, не сняв костюма, поглядеть, что в новом магазине да как. Следом возник «утенок», он встал около кассирши, потребовал деньги. «Кролик» свистнул. Кассирша перепугалась, упала вместе со стулом. А та посетительница, с которой я беседовала, оказалась почти у двери. «Утенок» что-то у нее спросил, дама понесла чушь, очень испугалась, похоже. «Утенок» выстрелил. Я упала на пол лицом вниз, голову закрыла, ничего не видела, только звуки слышала. Затем наступила

тишина, а после раздался крик. Все.

Глава 3

– Наташа жива, – сказал полицейский.

– Вы про кассиршу? – обрадовалась я. – Очень милая девушка.

– Знаю ее, – заметил Юрий, – в одном доме когда-то жили. Сытина со всех сторон положительная. В школе хорошо училась, потом в медицинское училище в Москве поступила, работала в столице, но ей вернуться пришлось. Мать у нее инсульт разбил, ухаживать некому было. Хорошо, что Нату не задело. Вот другой женщине не повезло. Она умерла, личность ее пока не установили, документов никаких при ней не было.

– На кредитке обычно фамилия указана, – подсказала я.

Зиновьев начал подбирать пальцем крошки кекса с тарелки.

– Без кошелька она была.

– Странно, – удивилась я, – в магазин зашла, товар рассматривала.

Юрий Петрович засмеялся.

– Неужели вы никогда с такими не сталкивались? Моя благоверная частенько говорит: «Охота отдохнуть, пойду в торговые ряды». Я ее сразу предостерегаю: «Денег лишних нет». Иногда она мне скандал закатывает, но чаще отмахивается: «Не дрожи, не на шопинг собрались, на зыринг». Вот вы можете мне объяснить, в чем тут удовольствие? Бегать по лавкам, вещи мерить, продавцов гонять и ничего не купить?

– Трудно понять женщину, – сказала я, – да и не надо. Каждому свое. Лично я удивляюсь: в чем прелесть сидения с удочкой на берегу? Встать на рассвете, далеко ехать, устроиться на речке, держа в руке палку с леской, и что? И ни одной рыбешки не поймаешь!

– Да ты чего? – отбросил церемонное «вы» полицейский. – Воздух пить можно, тишина вокруг, никто не зудит, не орет, мобильный не работает. Бутылочку у берега зарыл, костер запалил, супец сварил, с друзьями сел, по маленькой хряпнул... Лепота! Домой благостный приезжаешь. А рыба? Так я ее кошке в магазине куплю. А супруга моя возвращается после своего зыринга усталая, потная, злая. На меня налетит, найдет повод скандал затеять. Иззырилась вся! Я после рыбалки довольный, жена, «отдохнув», огнем плюется. И чей релакс лучше? Глупые бабы, однако.

– Так возьмите супругу с собой на рыбалку, – посоветовала я.

Зиновьев замахал руками.

– Ну, нет! Ловля рыбки личный кайф. Не один я такой. Каждому надо

от суженой отдыхать. Пару лет назад я задержал мужика. Через неделю его супружница заявила, давай разрешение на свидание просить. Я пообещал подумать, красотку выпроводил, а сам у подследственного поинтересовался:

– Ты как? Хочешь вторую половину лицезреть?

Он прямо посинел.

– Начальник, Христом Богом прошу, скажи ей: запрещено, карантин в СИЗО, или что у меня запрет за плохое поведение на свиданку. Дай хоть тут от пилы циркулярной отдохнуть.

Юрий Петрович потер шею.

– Не все женщины как Баба-яга или деньгососущий пылесос. Но некоторые! Ничего тебе не показалось необычным?

– В ограблении? – уточнила я. – Потряс сам факт того, что я стала свидетелем происшествия. Выглядело все как в кино, но в реальности намного страшнее, чем на экране.

– Больше ничего? – не удовлетворился моим ответом собеседник.

– Да все непривычно, – воскликнула я, – вы же не думаете, что я каждый день оказываюсь в магазине, на который напали бандиты, лежу лицом в пол, а над головой летают пули. Странно...

– Что? – обрадовался полицейский.

– На дворе полдень, точка всего несколько дней работает, – начала я рассуждать, – логично предположить, что наплыва покупателей пока нет. Инкассация, как правило, приезжает под закрытие. Грабители что, идиоты? Они получили на двоих двадцать тысяч с небольшим.

– Вы знаете, сколько денег было в кассе? – удивился Юрий, который, похоже, никак не мог определиться, как ему ко мне обращаться: на «ты» или на «вы».

– Точную сумму не назову, но могу предположить размер их добычи, – объяснила я. – Рано утром мы с управляющей Алевтиной и моей помощницей обсуждали, куда лучше повесить плакат о начале конкурса «Модель города Фурска». Светлана пошла за скотчем, хотели им баннер прикрепить. Хорошо хоть ее в зале в момент стрельбы не было. Я видела, как несколько человек сделали покупки. Пожилая дама купила для внучки подарочный чемоданчик с набором косметики и плюшевой кошкой. Там много всего лежит, но и стоит недешево, десять тысяч. Мужчина оплатил шампунь, а две девушки приобрели наши косметички. У одной получилось тысячи на три, у другой на пять. Мы придумали такую интересную штуку, можно взять у консультанта пустую сумочку для косметики и самой ее наполнить разным товаром. На все, что туда удастся запихнуть, скидка

двадцать процентов, но есть условие: молния должна закрываться. Одна покупательница положит пару дорогих товаров, другая маленькими пустяками косметичку набьет. Потом я ушла в кабинет, стала звонить по телефону, узнала, что плакат про конкурс сделали намного большего размера, чем мне сказали ранее. Вернулась в зал, увидела в окно ростовую фигуру, потом все началось, меня не было минут десять. Ну вот, посчитайте, сколько денег в кассе осело. Не велика добыча у бандитов, а они серьезно готовились, костюмы приобрели. Столько хлопот, и пшик? Почему они вечером не заявили? Улов тогда был бы больше.

– А спроси их! – поморщился Юрий. – Идиоты! Вот и весь сказ.

– Что за история с красным и желтым домами? – спросила я и подозвала официантку.

Зиновьев закатил глаза.

– Убогость человеческая. Фурск долго поселком считался, статус города получил в конце сороковых годов прошлого века. Здесь построили завод по производству ДДТ. Знаешь, что это такое?

– Нет, – призналась я.

– В народе эту заразу называли дустом, – продолжил Юрий, – им травили вредителей на полях и тараканов, мышей в домах и магазинах. Повсюду его сыпали. Самолет над полем летал, распылял эту дрянь, букашки дохли. А потом коньки отбрасывали те, кто на грядках работал, и местные жители, которые ДДТ просто дышали. Когда выяснилось, что отравы вызывает кучу болячек, ее запретили. Наше население, когда завод построили, сначала туда побежало работать. Я в те времена еще не родился, родители рассказывали. Там платили хорошо, была надбавка за вредность, квартиру давали вне очереди. Поработали наши, плохо многим стало. Народ призадумался: хорошо трешку без очереди у государства откусить, да сколько ты в ней проживешь? Стали массово увольняться. Что делать директору? Городским начальником тогда тут не отец Ильи Алексеевича был. Другой человек, плевать ему на всех было, не особенно переживал за город, он решил пригласить чужаков, прописку им пообещали подмосковную, жилье. На пустыре для «гостей» поставили четырехэтажку желтого цвета. Квартиры там! Норы! Трехкомнатная двадцать семь квадратов, ванны нет, один душ, вместо кухни ниша. Но люди примчались, из всех углов СССР приехали. Дело было после войны, в стране мужиков мало, баб много, они сюда бросились. Москва рядом, надеялись судьбу свою устроить, да и с товарами-продуктами здесь было лучше, чем в провинции. Заселились в желтый дом, и он сразу плохую славу приобрел. Женщины хуже мужиков пили, а уж злобные были! Если дрались, то

на смерть.

В шестидесятых на заводе авария стряслась, чего-то у них взорвалось, закрыли предприятие. Но желтый-то дом с жильцами остался. Лет через десять на пустыре, рукой подать от здания с драчунами-выпивохами, разрешили построить кооператив. Это сейчас тебе таунхаусы-поселки на выбор. А тогда или жди от государства халупу, или с родителями в однушке ютись и мужа туда приводи. Но был еще один вариант для тех, кто деньгами обладал: кооператив. Советские писатели, композиторы, артисты в них жили. Но опять же, ты нехилую сумму внес, а дом поставят там, где исполком решит. Вот так и появилось элитное строение из красного кирпича. Его, словно в насмешку, возвели рядом с желтым.

Зиновьев взял у официантки чашку.

– Ну и понятно, что жильцы друг друга возненавидели. У одних конурки, другие в просторных хоромах живут. «Желтым» на кефир не хватает, у «красных» икра на столе, да не баклажанная. Школа тогда в Фурске была одна, дети вместе учатся. Не дай бог богатому мальчику бедная девочка понравится. Такие пьесы разыгрывались! Шекспир нервно плачет в сторонке, не пришли ему в голову подобные сюжеты. Когда отец Ильи Алексеевича мэром стал, жизнь в Фурске забурлила. И что мы сейчас имеем? Те, кто когда-то в «красном» здании жил, давно оттуда съехали, особняков построили. Но не все, кое-кто спился, дети-забудыги в родительских хоромах кукуют. У «желтых» та же картина, одни из грязи вылезли, денег заработали, бизнес завели, другие как в дерьме жили, так в нем и бултыхаются. Красный дом давно перестал считаться элитным, он, конечно, лучше желтого, да не намного. И там, и там живут неудачники, лентяи, алкоголики плюс немного нормальных людей, которым просто в жизни не повезло. Но что смешно: до сих пор «красные» перед «желтыми» нос задирают, считают себя господами, а тех, кто напротив поселился, нищетой.

У меня зазвонил телефон, я взяла трубку и услышала голос Несси:

– Степа! Мы сегодня к тебе едем?

Я взглянула на часы:

– Да, скоро заберу вас. Простите, Юрий Петрович, мне надо привезти актрису для рекламной съемки! Если что вдруг вспомню, непременно вам расскажу. Девушка, принесите, пожалуйста, счет.

Глава 4

– Очень волнуюсь, – засуетилась Несси, когда я вошла в квартиру, – прямо аж голос пропал.

Я подавила улыбку, чего-чего, а способности говорить Агнесса Эдуардовна никогда не потеряет.

– Нет причин для беспокойства, все чудесно получится.

– Это первый рекламный контракт Магды, – тараторила Несси.

Я посмотрела на собаку, которая в этот момент пыталась достать со стола печенье, и крикнула:

– Эй, эй! Немедленно забудь про крекер.

– Я так горда, что из сотен тысяч псов, которые хотели сняться в ролике, выбрали именно нас, – твердила Агнесса, быстро записывая в сумку все, что попадалось ей под руку. – Вдруг Магда не справится? Ее выгонят с позором! Или главному герою-звезде пёсенька не понравится.

Я открыла сумку и стала проверять, что моя соседка Агнесса Эдуардовна решила прихватить с собой. Мы с ней живем в доме, в котором всего две квартиры, познакомились, когда я решила приобрести собственное жилье. У Несси есть собака Магда, ее породу я вам не назову. В псине, думаю, намешано много разных кровей. Хозяйка величает питомицу рыжебородой горно-пятнистой магерой^[1]. Я могу отличить кошку от немецкой овчарки, но все кисы для меня или пушистые, или нет, а собак я делю по размеру: большие и маленькие. Впрочем, я выделяю из общей массы пуделя, таксу, мопса. На кого похожа Магда? Похожего на нее животного в природе не существует. Представьте письменный стол президента, вы точно видели его, он попадает в кадр, когда телевидение снимает встречу главы государства с каким-нибудь человеком. Мысленно оберните помпезный стол клочкастым серо-буро-коричнево-черным мехом, поставьте на четыре высокие тощие лысые лапы – это туловище Магдюши. С одного конца прицепите ведро, тоже мохнатое, но рыжее, украсьте ушами, которым позавидуют все кролики мира, воткните чуть пониже огромные выпученные глаза, розовый нос (да, да, именно розовый), приделайте усы, за которыми не видно пасти. Это голова Магды. С ее противоположного конца находится хвост, по размеру, да и по виду он смахивает на садовый шланг, имеет колер, как спина молодой мыши. Хвост ведет себя удивительно, он способен скрутиться, как булочка с корицей, задаться вверх наподобие Останкинской башни или уныло волочиться

сзади, как поводья, которые выронил пьяный кучер. К оригинальной внешности псини прилагается прекрасный характер, она всегда весела, люди, кошки, мыши, жабы, короче, все, кто дышит, – ее лучшие друзья. Appetit у Магды отменный, хитрости, ловкости хоть отбавляй, со здоровьем полный порядок. Дурных привычек у Магдюши мало: валяние во всякой грязи, если она попадает на пути, воровство любых продуктов, если их забыли приколотить. Впрочем, и то съестное, что намертво прибили к столу, Магда вмиг отковыряет, разбоем она занимается тихо, быстро и очень ловко. Если я, войдя к Несси, не успеваю сесть на пол, то Магда, несущаяся со скоростью курьерского поезда, чтобы расцеловать меня, собьет девушку Козлову с ног. Но это не из вредности или злости, а от горячего обожания.

Сказать сейчас Несси, что никаких «миллионов собак», мечтающих получить рекламный контракт от «Бак», не было, я не могу. Когда нам пришла в голову идея съемок, то все, кто сидел на совещании, в один голос воскликнули:

– Магда! Второй такой не найти.

И «звезду» в кадр не приглашали, партнером псинки станет неизвестный широкой публике человек. Нет, не буду говорить правду. Агнесса почему-то решила, что ее питомицу выбрали из множества собак, и очень этим гордится.

Я вытащила из сумки банный халат.

– Зачем он вам?

– Ну и вопрос! – удивилась Несси. – А в чем из ванной выйти?

– В гостинице дадут, – заверила я, – и тапочки тоже!

– Не хоча надевать то, что до меня миллион людей носили!

Я попыталась возразить:

– Шлепки одноразовые. Халаты стирают.

– Со своими уютнее, – пробормотала Несси, запихивая вещи назад. –

Ладно, уводи Магду, я спущусь через пять минут.

Усадив псину на переднее сиденье, я увидела Агнессу, которая вытащила из подъезда один чемодан, второй, третий...

– Зачем вам столько багажа? – не выдержала я, спеша на помощь. – Вы уезжаете на пару дней!

Несси показала на громадный кофр:

– Здесь корм Магды, ее одежда, шампунь, лежак, игрушки...

Я молча слушала перечисление всего необходимого. Бесплезно объяснять Захарьиной, что мы отправляемся не в глухую тайгу, куда пару столетий не ступала нога человека, а в Подмоскowie, в большой город с

магазинами. Она все равно поступит как хочет.

– В другом рундуке продукты: сыр, масло, крупа, макароны, – пела Несси, – кефирный грибок! Лекарства.

– Ласты взяли? – поинтересовалась я.

– У меня их нет, не люблю плавать в реке, – серьезно отреагировала соседка, – еще плитка при себе, чайник...

– С голоду мы явно не умрем, – резюмировала я.

– Конечно, нет, – заверила Несси, – я с запасом всего прихватила!

– А что у нас в третьем чемоданчике? – любопытствовала я.

– Вещи Базиля! – оповестила Несси.

Я подпрыгнула.

– Зачем он нам?

– Как? – изумилась Агнесса. – Мальчик не может ехать без вещей!

Я опустила глаза. Возглас «зачем он нам», неожиданно вырвавшийся у меня, относился не к багажу, а к Базилю. Кто он такой? Внук Агнессы Эдуардовны. Вес «малыша» давно зашкалил за центнер, а возраст перевалил через сорокалетие. Ребеночек, с полтонны теленочек, без зазрения совести сидит на шее у любящей его без границ бабушки... Ох, лучше мне остановиться. Не предполагала, что красавчик отправится с нами. А вот и он, своей собственной персоной подплывает к машине почему-то с кошачьей перевозкой в руке.

Мне совершенно не хотелось менять свою «букашку» на большой джип, но Роман, который никогда не давит на меня, в вопросе выбора автомобиля занял жесткую позицию, заявил:

– Или ты едешь на внедорожнике, который выбрал тебе муж, или катаешься в своей тарантайке, но на заднем сиденье, с водителем за рулем.

Пришлось мне осваивать «танк». Но сейчас я рада машине, которая размером почти с автобус. В мою старую иномарку всей гоп-компанией мы бы не поместились.

– Привет, Степа! – заулыбался Базиль.

– Здравствуй, – сдержанно ответила я, после кое-каких событий не выносившая «малыша». – Извини за любопытство, зачем тебе контейнер для кота?

– Ох! Ты не знаешь! – захлопала в ладоши Несси. – Неделю назад я подобрала Алекса. Магда его обожает! Он такой милый. Хочешь посмотреть на мальчика? Жаль, что ты, Степочка, теперь не живешь постоянно в доме!

– Не переживай, она разведется с олигархом и вернется, – радостно заявил Базиль.

– Укладывай свой багаж, – велела я «мальчику».

– Так спина болит, – заныл Базиль.

– Я сама, сама, – зачастила Несси, пытаюсь вылезти из салона, – мальчик плохо себя чувствует. Сама справлюсь. Господи, высоко-то как!

Я живо схватила чемоданы соседки, запихнула их в багажник и пошла к передней двери.

– Эй! А мои вещи? – заныл Базиль.

– Они мне не нужны, – ответила я.

– Я не поеду с пустыми руками, – выдвинул свое условие парень.

– И не надо! – обрадовалась я.

«Деточка» схватился за безразмерный кофр. Я устроилась за рулем. Через несколько минут джип осел, на заднее сиденье влез Базиль со словами:

– Весь позвоночник в негодность пришел.

– Неприятно, – посочувствовала я, заводя мотор, – придется тебе теперь ползать, как удаву.

– Степа меня совсем не любит, – заныл «крошка», – вечно придирается, ехидничает!

– Не переживай, милый, – возразила Несси, – тебя все обожают.

По салону неожиданно поплыл отвратительный запах.

– Несси! Ты прихватила тухлые яйца, и они разбились? – предположила я.

– Это Алекс пукнул, – ответила Агнесса, – ветеринар сказал: бедняга жил не пойми где, ел не пойми что, вот желудок и пошел вразнос. Сейчас мы лечимся. Скоро это пройдет. Но пока существует небольшая проблемка.

Я открыла окно. Надеюсь, «небольшая проблемка» мигом выветрится. Интересно, с какой частотой кот портит воздух? Хотя во всем плохом нужно найти хорошее. Если на нас сейчас на подмосковном шоссе нападут африканские пираты, Алекса, которого я пока не видела, можно использовать в качестве нервно-паралитической бомбы.

Я нажала на газ, помчалась вперед, радуясь отсутствию пробок, быстро добралась до нужной магистрали, покинула столицу и через несколько километров была остановлена мрачным гаишником, который сурово произнес:

– Добрый день. Сержант Корнев. Документы, пожалуйста. Почему человек на переднем сиденье не пристегнут?

– Он собака, – хихикнула я.

– Фамилия пассажира не важна, – протянул полицейский, – за отсутствие ремня штраф.

- Перед вами пес, – уточнила я.
- Я вижу женщину, – без тени улыбки заявил Корнев.
- Посмотрите на того, кто справа, это собака.

Гаишник обозрел Магду.

- Почему она не пристегнута?

– Покажите, где в правилах указано, что надо пристегивать собаку? – отбила я атаку.

– Четвероногие подлежат перевозке в специальных контейнерах, – не сдался сержант.

– Такого размера клетки не существует, – сказала я. – Магда больше вас. Вот Алекс у нас в перевозке!

– Да, да, да, – подхватил Базиль, высоко подняв пластмассовый домик и тряхнув его.

Дверца открылась, наружу появился... Простите, нет слов, чтобы описать ЕГО! У неведомого создания было тело кота, голова собаки, на лапах перепонки, на спине из шерсти торчал гребень, как у динозавра. Легким движением этот монстр прыгнул на собаку и сел ей на голову. Магда не сопротивлялась, похоже, ей на самом деле нравился новый приятель. А мне стал виден хвост зверюги, мощный, пушистый, словно взятый напрокат у енота.

- Господи! Это кто? – ахнул сержант.

- Алекс, – хором ответили Базиль и Несси.

Корнев громко чихнул, я вздрогнула, Магда залаяла, Алекс поднял хвост...

Сержант зажал нос рукой.

- Проезжай, проезжайте!

Я живо покатила вперед.

– Правда, он милый? – защебетала Агнесса. – И умный! Тихо сидит, понимает, что едет по делу.

Я обрела дар речи.

- Почему вы решили, что это кот?

- А кто? – изумилась пожилая дама. – Не слон же!

- На слона мало похож, – согласилась я.

– Он так плакал на улице, – шмыгнула носом Несси, – лапы ко мне тянул, просил: «Возьми, пожалуйста». Чудо, а не котик.

Я покосилась на монстра, который возлежал на голове Магды, свесив хвост. Да уж, чудо-юдо! Теперь вопрос: пустят ли Несси с Алексом в отель? Собаке там будут рады, это я выяснила заранее.

Глава 5

Алекса я пронесла в номер, замаскировав его «дом» курткой. На рецепшен стояла ярко накрашенная девушка, увидев Магду, она пришла в восторг.

– Красавица! Обожаю собачек. Вот кошек терпеть не могу! Фу! Они злые, царапают мебель!

Сами понимаете, услышав сие программное заявление, я решила сделать из Алекса нелегала. Предупредив Несси, чтобы она молчала про хозяина перевозки, я оставила ее обустроиваться, а сама пошла в небольшое кафе, чтобы в тишине выпить чаю. Представьте мое удивление, когда я увидела в крохотном зале единственную посетительницу: кассиршу Наташу. От неожиданности я вместо вежливого «Добрый день» ляпнула:

– Думала, что вы в больнице.

Сытина смутилась.

– Меня отпустили!

Я без спроса села к ней за столик.

– Безобразие!

Наталья испугалась.

– Ничего плохого я не делала. Вообще! Но если вам Зиновьев наобедничал, что я не помню, как магазин грабили, это правда. Я ужасно перепугалась.

– Я тоже затряслась, – призналась я, – страшно, когда на тебя винтовку нацеливают.

– Пистолет, – поправила Наташа, – я до сих пор дрожу.

Я поманила официантку.

– Наташа, мы остались живы, давайте отметим удачу. Угощу вас тортом.

– Спасибо, – не стала кривляться Сытина, – обожаю сладкое.

– Слово «безобразие» относилось не к вам, а к медикам, – пояснила я. – Ну как они могли отпустить домой девушку, которая пережила сильный стресс.

– Сейчас со мной полный порядок, – прошептала кассирша.

– Простите, не верю, – отрезала я. – У вас на голове большая рана?

– Нет, – пробормотала Сытина.

– А такую повязку наворотели, – всплеснула я руками, – как после трепанации черепа. На гигантскую чалму смахивает.

– Да просто я башкой о пол треснулась, когда упала со стула, – пояснила Ната, – маленькая ссадинка.

Я принялась философствовать:

– Странная штука память. Когда я беседовала с Юрием Петровичем... Он вроде ваш сосед?

Сытина кивнула:

– Был раньше. Мы с мамой на четвертом, а он на шестом этаже жил. Я с его сыном в одной школе училась. Дядя Юра меня любит.

Я продолжала:

– Не получилось в момент разговора с полицейским вспомнить подробности происшествия. А сейчас у меня вдруг возникла четкая картина перед глазами. Бандит достает оружие, а вы падаете вместе с креслом на спину.

– Ой! Кошмар, – поежилась Наташа, – я хотела отъехать от аппарата, чтобы мерзавец сам деньги взял, наверное, слишком резкое движение совершила, вот и грохнулась!

– Как бы субдуральной гематомы не получилось. Вам МРТ головы делали? – заботливо спросила я.

– Вы врач? – удивилась Сытина.

– Нет, – сказала я, – но знаю, что травма мозга всегда опасна. Человек себя вроде отлично чувствует, и бум! Через пару дней после получения травмы умирает. Еще меня настораживает синяк вокруг правого глаза. Как вы его заработали?

– Не знаю, – пробормотала девушка, – доктор сказал, что это от удара. Черепом о пол стукнулась.

– Вы затылком упали, – напомнила я, – а глаза спереди.

– Кровь так потекла, – нашла объяснение кассирша.

– Повязка сползла, – вздохнула я.

– Где? – забеспокоилась Ната и начала ощупывать свою макушку.

Я налила себе из френч-пресса чаю.

– Просто старый анекдот вспомнила. Женщина приходит на работу с замотанной ногой и говорит шефу: «Вчера не смогла явиться на службу, мигрень жуткая разыгралась, до сих пор голова забинтована». «А почему повязка на ноге?» – удивился босс. «Сползла», – ответила врунья.

– Глупая история, – пожала плечами Сытина.

– А мы в детстве смеялись, – сказала я, – но согласна, не умная байка. Наталья, вы вроде учились в мединституте?

– В училище, – поправила Сытина, – диплом получила, работала в Москве, а потом маму инсульт разбил. Одну ее дома на весь день и тем

более на ночь не оставишь. Пришлось в Фурск возвращаться.

– Наверное, вы прогуливали лекции, – вкрадчиво сказала я.

– Да вы чего? – возмутилась моя собеседница. – У нас драконовские порядки были, пропустишь занятие, вмиг отчислят.

– Тогда странно, – вздохнула я.

– Что? – спросила Наташа.

Я кашлянула.

– Видите ли, я не первый год служу стилистом, работаю как с клиентами, так и на показах.

– Знаю, – кивнула Сытина, – вы с улицы пришли, потом за хозяина замуж вышли. Повезло вам. Теперь вы большая начальница.

– Прежде чем стать женой господина Звягина, я много кистей сломала, – отрезала я, – сделала карьеру до появления штампа о браке в паспорте.

– Не хотела вас обидеть, – занервничала Наталья, – просто так сказала.

Не надо говорить все, что на язык просится, прежде чем открыть рот, подумай: кому хорошо или плохо от твоих слов станет.

– Все крупные дома: «Шанель», «Гуччи», «Прада» и другие – обожают на неделях моды устраивать тематические показы, – продолжала я. – Один раз в Париже Сержио Оданоччи представил коллекцию «Блеск и нищета куртизанок». Использовал название романа великого французского писателя Оноре де Бальзака. Уж не знаю, как он с авторским правом разобрался, а на подиуме феерия получилась. С одной стороны шагали маргиналы с опухшими лицами, с прическами «гнездо бешеной курицы», с другой стиль «а-ля английская королева». Стилисты у Оданоччи гениальные, один из них, Фелипе, научил меня, как правильно рисовать синяк. Я тогда впервые услышала то, что вам, медсестре, хорошо известно: бланш меняется. В первый день он красный, спустя время фиолетовый или темно-синий.

Я невоспитанно показала пальцем на лицо собеседницы:

– Вот таким, как у вас, зеленовато-желтым след от удара станет через пять-шесть суток. Не раньше.

Наташа ойкнула. Я выхватила из сумки маленькую упаковку, выдернула из нее салфетку для снятия макияжа и, прежде чем Сытина опомнилась, провела ею по лицу вруньи. Как я и ожидала, белая бумага приобрела бежево-болотный оттенок.

– Нельзя пропускать лекции, – укорила я собеседницу, – неизвестно ведь, когда какие знания пригодятся. Зачем вы так разукрасились и голову повязали, словно по ней трамвай проехал?

– Мама болеет, – прошептала Наташа.

– Хотели ее повеселить? – предположила я. – Шоу клоунов?

Кассирша сложила руки на груди.

– Пожалуйста! Не говорите ничего Зиновьеву, он меня терпеть не может!

– Пять минут назад из ваших уст прозвучала фраза о любви Юрия Петровича к вам, – напомнила я.

– Я соврала, – шмыгнула носом девица, – Зиновьев меня с детства в любых пакостях подозревает. Разбил его Валерка в школе окно? Я виновата, мальчик передо мной покрасоваться хотел. Стал его сын по электричкам с товаром бегать? Снова Сытина в ответе, она у Валерика подарки требует. Я мировое зло!

– Зачем вам синяк и повязка? – надела я на Наташу. – Вы были в сговоре с бандитами? Решили поэтому изобразить, как вам здорово досталось?

– Вот! – затряслась кассирша. – И ведь все так подумают. Знаете, каково это – в деревне жить?

Я показала на большое окно:

– Там город с населением почти полмиллиона.

– Нет, – резко возразила девушка, – там не ваша Москва, а штук двадцать сел убогих, которые одним именем Фурск называются. Если от столицы двадцать километров отъехать, зону элитных поселков миновать, то сразу деревня начинается, где мнение баб у колодца самое правильное, и так оно вам судьбу перекорезит, что хоть вон беги. Я уехала в Москву, не собиралась никогда возвращаться. Да из-за мамы пришлось. Думаете, почему я здесь никак на службу пристроиться не могла? В Фурске несколько клиник, и частные, и муниципальные. Кроме того, можно сиделкой домашней наняться. У меня диплом. Почему никуда не попала?

– Из-за матери, – предположила я, – ее одну нельзя оставить, лежащему человеку пить-есть, в туалет ходить требуется. Как ее бросить?

Наташа рассмеялась.

– Она теперь ходячая! И памперсы на всякий случай есть. Прекрасно мама обходится, пока я на службе. Я пыталась в клинику попасть, да не взяли. Меня считают убийцей Валерки! Сына Зиновьева. Ясно?

Я не нашлась, что ответить, а Сытина продолжала:

– Он с собой покончил, из окна выпал.

– А вы при чем? – не поняла я.

Наташа махнула рукой.

– Долго объяснять. Если в двух словах, то Юрий Петрович считает, что

я заказала у ведьмы заговор Валерке на смерть. И все поверили. Я пыталась объяснить, что это неправда. Да разве люди свое мнение переменят?

– Маловероятно, – вздохнула я, которую вся фирма назвала любовницей Звягина задолго до того, как у нас с ним начался роман. Мы просто дружили, но сотрудники-то считали иначе.

– Когда Валерка умер, – продолжала Сытина, – мне устроили бойкот, пришлось уехать. Зиновьев не дурак, он как поступает при разговоре с кем-нибудь? Сначала похвалит меня, потом покритикует, дескать, Сытина прекрасная девочка, но есть у нее небольшой грешок, бегает по колдуньям, заговоры на смерть заказывает. Через месяц вам кто-нибудь непременно о смерти Валерия расскажет, о том, что я его извела. И готово, вы выставите меня за дверь. Юрий Петрович на меня сразу бочку не покатит, потихоньку будет гадости вам сообщать. И, опаньки, я на улице. Зачем вам медсестра, у которой дурная слава? Поэтому мне пришлось забыть про свою профессию, выучиться в магазине сидеть. Все из-за дерьма, которое на меня Юрий Петрович льет.

Глава 6

– По какой причине мне вас на улицу выставлять? – не поняла я. – Бегаете по знахарям? Да на здоровье. Глупо, конечно, но у каждого свои радости!

– Вдруг я на вас порчу наведу? – скривилась Ната. – Все так думают! Я махнула рукой.

– Не верю я в эти глупости. А раз так, то на меня энергетические вампиры не действуют.

– Вы умная, а в Фурске идиотов масса, – сердито сказала кассирша. – И откуда мне знать, как вы относитесь к заговорам и куклам вуду? Поверите в чушь и меня коленом под зад.

– Хорошо, я поняла. Но зачем спектакль с синяком и бинтами? – спросила я.

Сытина сдвинула брови.

– Просто так.

Я посмотрела на девушку.

– Вам нужны деньги?

– А вам нет? – вмиг задала свой вопрос собеседница.

Я встала.

– Решили слупить компенсацию с фирмы «Бак»? Травма, которая получена на работе? Наши сотрудники застрахованы, но с каждым случаем будет разбираться компания...

– Нет! Как вы могли такое подумать! – возмутилась Сытина. – Я ни на секунду не мошенница!

– Как недавно вы справедливо заметили: мы друг друга совсем не знаем, – усмехнулась я, – внешность обманчива. Наталья! У вас испытательный срок на месяц?

Сытина прижала руки к груди.

– Пожалуйста, не увольняйте! Нам с мамой отсюда некуда уехать! Я еле-еле работу нашла.

Я взяла сумку.

– Не знаю, по какой причине вы решили устроить этот спектакль, но...

– Он не хотел в меня стрелять, – прошептала Наташа, – только никому ни слова. Умоляю. Боюсь, вдруг Зиновьев догадается!

Я села.

– Вы о грабителе?

Ната кивнула, я оперлась локтями о стол.

– Вы знаете бандитов? Они ваши приятели?

– Нет, конечно, нет! Я не вожусь с такими!

– Ничего не понимаю, – воскликнула я.

Сытина легла грудью на столешницу.

– Бандюга к кассе подлетел, пистолет в правой руке, он им перед моим носом машет, орет: «Давай деньги». И тут свист раздался, он на дверь взглянул, потом опять на меня. Я сижу, как дура, к стулу примерзла. А он сам как толкнет меня. Да так сильно, что я упала, и сразу выстрел прозвучал. Ясно? Вот, гляньте!

Девушка расстегнула верхние пуговицы платья.

– Синяк там, в районе ключицы. Сильно меня мужик пихнул, больно. Понимаете, касса стоит на одной линии с дверью, я сижу высоко. Он хотел пальнуть в тетку, та у порога стояла. Но мог меня задеть. Я между ним и той бабой находилась. Вот он меня и уронил на пол.

– Грабитель изобразил перед подельником, что угрожает кассирше, а сам спас вам жизнь? – уточнила я.

– Похоже на то, – согласилась Ната.

Я молча посмотрела на бордово-фиолетовое пятно и спросила:

– Ната, вы упали вместе со стулом?

– Ага.

– Во всех наших бутиках одинаковый дизайн. У кассиров ортопедические кресла с высокими спинками и подголовниками. Нам жалко спины женщин, которые сидят по двенадцать часов. У вас такое же?

– Да.

– Значит, вы никак не могли стукнуться затылком о пол.

– Не-а!

– И вообще вам не было больно! Спинка мягкая, вы просто испугались.

– Ну... верно...

– Видели, что делали грабители?

– Нет.

– Жаль.

– Выстрелов много гремело, но я знаю, кто ту тетку убил. Тот, кто меня толкнул.

– Вы лежали на полу за кассой. Бандит стоял перед аппаратом, а женщина у двери за вашей спиной. Как вы поняли, что пуля вылетела из оружия «утенка»?

– Зеркало, – всхлипнула Ната, – оно висит вблизи кассы. Если

посмотреть в него, то видно, что вокруг тебя происходит.

– Верно, – протянула я, – такие устанавливают в целях безопасности во всех наших магазинах.

– Я лежала на спине, – прошептала Сытина, – подголовник большой, я как на подушке оказалась. Только шлепнулась, перед глазами изображение в зеркале. «Кролик» начал по товару пулять. Вот гад! Вы за деньгами пришли? Забирайте и уходите! Зачем продукцию уничтожать? «Утенок» оружие поднял и в тетку ба-бах! Потом к двери кинулся, «кролик» за ним.

– Почему вы все это не сообщили Зиновьеву? – возмутилась я.

– Неужели вы не поняли? – обомлела Наталья. – Он меня считает виновницей смерти своего сына. Как Юрий Петрович поступит, узнав, что грабитель меня на пол аккуратно уронил? Да я через пять минут в обезьяннике как соучастница окажусь. Вопрос у всех возникнет: почему в Наташку не пульнули? А? Зачем ее стул опрокинули? Спасли ее? Ко мне в Фурске очень плохо относятся, им только дай повод, разорвут, начнут визжать: «Да она с ними заодно, Сытина банду в бутик привела, наводчица она». И куда тогда нам с матерью деваться? Денег нет! Одна я могу в Москву уехать, сниму комнату, работу вмиг найду по профессии. Думаете, в мерзком городишке, где сидеть на кассе приходится, мне жить нравится? Да деться некуда из-за матери!

– Охота шла на женщину в белых кроссовках, – догадалась я. – «Звери» не грабители, а наемные убийцы. Киллеры убивают только свою жертву, отрабатывают гонорар. Лишние покойники им не нужны. Вот почему ограбление произошло в первой половине дня, когда в кассе денег кот наплакал. Не купюры преступников интересовали. Покупательница.

Я умолкла. Так уж получилось, что у меня есть несколько друзей, которые работают в полиции, и приятель, частный детектив, он не один год служил следователем, а потом создал свое агентство. А еще я когда-то влюбилась в... Нет, нет, нет, эту историю надо навсегда забыть. К чему я сейчас ударилась в воспоминания? Как-то раз один из моих приятелей-сыщиков сказал:

– Настоящие наемные киллеры редкие птицы, их раз, два и обчелся. Парни-охотники, которых привозят из Сибири, чтобы подстрелить конкурента в бизнесе, младенцы рядом с настоящим профи. С винтовкой обращаться умеют, а головы нет, устраивают шоу из заказа. Профессионалу шум-гам не нужен, он так дело состряпает, что все кончину объекта за несчастный бытовой случай примут. Пиф-паф на улице, в ресторане – это для устрашения окружающих, заявка остальным: отдавайте, люди, долги вовремя, а не то и вам достанется. Убийца высокого полета не в Сибири

живет, не на Алтае, а в Москве, он твой сосед. Милая женщина с собачкой или мужчина вежливый, такой всегда дверь в подъезд девушке откроет. Они только по заказу жизнь отнимают, с остальными людьми в прекрасных отношениях. И семьи у них, и родителей-детей они любят. Убивают в одиночку. Впрочем, наемники классом пониже тоже никогда никого устранять группой не станут. Вот банк ограбить компания нужна, а к праотцам человека спроводить лучше без партнеров. Это даже алкаш, который за бутылку пообещал женщине любовницу мужа до смерти избить, понимает.

Почему же «кролик» и «утенок» действовали вдвоем? Может, первый не знал, что задумал второй? Первый шел взять кассу, а второй убивать?

– Я впервые ту тетку, которую застрелили, видела, – завершила Наташа, – не знакома с ней никак.

– Случайная смерть при ограблении магазина, – протянула я. – Ну да! Полиция должна так считать.

– Пожалуйста, раз уж вы такая умная, все поняли, не выдавайте меня Зиновьеву, – взмолилась Сытина, – я специально прикинулась сильно травмированной, чтобы он на меня не подумал. Разве своего человека ранят? А мне вон как досталось! Голову вдребезги разбили!

– Так начальник полиции поговорит с доктором в больнице и узнает, что с вами ничего такого не стряслось, – ответила я.

– В карточке написано: сильное сотрясение мозга, обширная рана затылочной части, ее зашивали, синяки, ушибы по всему телу, – перечислила кассирша.

– Ловко, – восхитилась я.

– Моя лучшая подруга в клинике работает, – призналась Сытина, – в приемном покое ад, там травма, и «Скорая» народ везет. Доктора замороженные, просят средний персонал: «Девочки, всех с фигней сами обрабатывайте».

– Отлично, – протянула я. – А вдруг «девочка» серьезную травму за «фигню» посчитает?

– Нет, – возразила Наташа, – они опытные. Подрались муж с женой, она его по башке треснула, фингал поставила, тошнит супруга. Зачем ему врач? Домой ему надо в кровать, покой, ласку, любовь и суп куриный. О рукопашной положено в полицию сообщать. Всем плохо будет. Составят протокол, на работу «телегу» отправят. Нет семьи без скандала, зачем парню неприятности? Жена раскаивается, плачет. Медсестры быстренько тошнотика на рентген, если ничего в башке ужасного нет, пусть улепетывает. В карточке напишут: в ванной поскользнулся, упал. Доктор

может нормально заниматься теми, кому реально плохо, у мужика участковый печень клевать не станет, и все довольны. Ведь так?

Я молчала.

– Пожалуйста, не выгоняйте меня с работы, – заплакала Сытина, – поймите, меня тут мать держит. Только из-за нее я здесь.

– Сидите дома, – распорядилась я, – две недели. Не высовывайтесь, чтобы Зиновьеву на глаза не попасться, не рисуйте синяки на лице.

– Вот она! – заорал грубый голос, я обернулась.

В кафе вошли трое мужчин.

– Нашлась! – обрадовался один. – Сытина?

– Да, – пролепетала Наташа.

– Пройдемте.

– Куда вы приглашаете девушку? – спросила я.

– Не твое дело, – огрызнулся один из незнакомцев.

– Э нет! – разозлилась я, вынимая айфон. – Вам положено представиться, объяснить, по какой причине...

Наташа вскочила и бросилась к открытому окну, один из парней ловко выставил вперед ногу, Сытина взмахнула руками и стала падать. Голова кассирши ударилась об угол столика, Наташа рухнула на пол. Я продолжала записывать видео.

– ...! – сказал один из юношей.

– Вставай, – велел второй, – ...! ...!

– Подымайся ...! – заорал третий. – ...!

– Хорош комедию ломать!

– ...! ...!

– Че она валяется?

– Да ... ее знает! Больной прикидывается.

– У нее кровь течет!

– Где?

– Вон! Из ушей!

– ...! ...!

– И че теперь?

– Эта ... снимает!

– Дай сюда телефон! ...! Немедля!

– Зачем? – спросила я.

– Затем, что велено! – заорал один из милых юношей.

Я живо сунула трубку в карман.

– Отнимать мобильный у меня вы права не имеете. Но на всякий случай предупреждаю, видео уже отправлено мэру Фурска Илье

Алексеевичу Ковригину, ближайшему другу моего мужа бизнесмена Романа Звягина. Немедленно вызовите «Скорую». Наталья без сознания, ей плохо!

Глава 7

– Подставил подножку? – ахнула Зинаида Федоровна. – Степанида, ангел мой, я вас правильно поняла? Полицейский так поступил?

– Совершенно верно, – подтвердила я, – странные порядки в Фурске, однако.

– Илюша, ты слышишь? – всплеснула руками дама.

– Да, – буркнул сын, – Степа, ты уверена, что дело обстояло именно так, как ты рассказываешь?

– Да, – сердито сказала я, – когда мы с Наташей разговаривали, в зале никого не было, я отправила тебе «фильм», но не знаю, видел ты его или нет, поэтому вот, полюбуйся!

Я положила перед мэром свой телефон и включила видео.

– Разберусь, – зловещим голосом произнес спустя пару минут лучший друг Романа и взял трубку. – Алло, Юрий Петрович? Это я. Послушай, что твои люди творят? Оборзели совсем? Хорошо, что уже знаешь, а какие меры примешь? А-а-а! Про унтер-офицерскую вдову, которая сама себя высекла, помнишь? Ах у тебя такого дела на контроле не было, про вдову! Верно. Классику читать надо. И помни: сейчас у народа в руках телефоны с камерами. Представь себе! Она записала!

– Да! – громко сказала я. – Все запечатлела! Учитывая методы, которыми пользуются сотрудники Зиновьева, скажу: «милым парнишкам» не стоит являться ко мне в гостиницу с намерением «ласково» побеседовать. Копия безобразия отправлена Илье и еще кое-кому. Сделай одолжение, спроси у своего главного блюстителя порядка...

Ковригин протянул мне трубку:

– Сама поинтересуйся.

– Дайте мне адрес матери Наташи Сытиной, – потребовала я у полицейского, забыв поздороваться.

– Добрый день, Степанида, – залебезил Зиновьев. – Нынче все хотят блогерами, телеведущими и моделями быть. В полдень встать, кофе с пончиками скушать, написать пару фраз дерьма в Интернете, деньги на карточку получить, и свободен, гуляй – не хочу. А у нас рабочий день ненормирован, зарплата аховая. Вот народ в полицию на работу и не спешит. Я беру тех, кто приплыл. Выбора нет. Учю их, учю, а все без толку. Я-то как дуракам велел: найти Наталью, она самовольно из больницы ушла. Вежливо попросить ее в удобное время подъехать, потому что поговорить с

ней как надо я не успел!

– А как надо? – фыркнула я. – Тыкать в кассиршу электрошокером?

– Ну зачем так, – укорил меня Зиновьев. – Что, у тебя под началом идиотов нет? Таких, которые вчера пришли, а сегодня круче всех?

– Есть, – призналась я, – но они кистями для макияжа не дерутся, подножки не подставляют.

– Накажу дураков по полной программе, – пообещал Зиновьев.

– Дайте адрес старшей Сытиной, – повторила я.

– Зачем?

Гениальный вопрос, надо бы ответить: «Чтобы нам вместе песенку спеть», но я сказала:

– Поеду к ней.

– Что тебе там делать?

Я протянула трубку Илье:

– Объясни этому типу, что называть на «ты» женщину, с которой знаком один день, не следует. И не надо интересоваться, по какой причине я собралась к Сытиной. Если господин Зиновьев не понимает, что больной матери Наташи нужна помощь, то он этого и не поймет. Напомни Юрию Петровичу, что наша кассирша пострадала по вине его сотрудников. Фирма «Бак» этого так не оставит. Судебный иск Зиновьеву обеспечен. Не желает прислать мне координаты женщины-инвалида? Да бога ради. Зачем я вообще у него адрес спрашиваю? Похоже, совсем ума от стресса лишилась.

Я вытащила свой мобильный.

– Алевтина! Срочно, сию секунду сообщите, где живет кассирша Наталья. Да, та, что сидела на кассе в момент ограбления. Нет, ваш вопрос не показался мне глупым, понимаю, что в бутике, возможно, есть еще пара Наташ. Отлично. Спасибо.

Я положила свой сотовый на стол, через короткое время послышался характерный звук.

– Вот и нужные сведения прилетели, – обрадовалась я, глядя на Илью, который, отойдя к окну, что-то тихо говорил Зиновьеву.

– То, что случилось, ужасно, – запричитала Зинаида Федоровна, – но, Степочка, Юрий Петрович не самый плохой полицейский. Да, он фамильярен, говорит всем, даже мне, то «вы», то «ты», но он честный, взяток не берет, старается ради людей.

– Мама, – сказал за моей спиной баритон, – Катька опять в ванной флаконы переставила! Что за хрень? Выгони ее! Надоела!

Я обернулась и увидела мужчину размером чуть меньше Базиля.

Зинаида Федоровна приложила к вискам пальцы.

– О господи! Вот, Степочка, иллюстрация к нашей беседе. Не могу найти нормальную прислугу. Вдумайся в эти слова! Я, первая леди Фурска, вдова одного мэра и мать другого, не могу отыскать горничную! Или лентяйки приходят, или неумехи. Я хорошо понимаю Юрия Петровича. Леня, успокойся.

– Я очень расстроен, – ныл парень, садясь к столу, – пришел после напряженного дня, решил воспользоваться духами. Подумал: я сегодня много и упорно трудился, устал, лучше всего подойдет парфюм «Роза Аравии». Отлично знаю, что флакон стоит справа! Справа! Справа! Не глядя, беру правой рукой, правой, как думаю, парфюм... Пшик, пшик, и что я ощущаю? А? Запах цветка?

– Нет, – призналась Зинаида Федоровна.

– А чего? – не отстал сын.

– Не знаю, – смутилась хозяйка, – вроде перца.

Леонид воздел руки к потолку.

– Мама, уж прости, но из тебя нюхач не получится.

Я чихнула.

– От вас веет одеколоном «Мед и корица», его производит фирма «Мурино».

– Это ваши конкуренты? – спросила Зинаида.

– Нет, – возразила я, – упомянутая контора существует исключительно в Интернете, у них нет магазина в реальной жизни. К сожалению, качество продукции соответствует запредельно низкой цене. Ну не может пол-литра французского парфюма стоить двести рублей. Весь их «парижский аромат» создается в подвале избы руками трудолюбивых гастарбайтеров.

– Ленечка! Зачем ты покупаешь эту гадость? – опешила Зинаида. – Детонька, у тебя опять карточка опустела? Если брат впал в педагогическое занудство, то есть мама. Сейчас я брошу рубликов любимому мальчику.

– Зина, – скривился «мальчик», который, похоже, давно справил тридцатилетие, – не намекай, что я трутень. Я работаю, сам себя прекрасно обеспечиваю.

– Конечно, конечно, – сказала пожилая дама, – просто мамочка всегда хочет сыночку подарочек сделать.

– Мне и в голову не придет поливаться барахлом, – дудел свое Леонид, – inferнальную вонючку я получил в подарок. Выкинуть сразу не мог. Неудобно на глазах у человека его подношение в помойку бросать. Принес домой, поставил барахло на подоконник в ванной, велел горничной: «Уничтожь!» И что? Беру сейчас парфюм справа, справа, справа! А там находится эта дрянь! Не жизнь, а сплошное испытание!

Теперь из-за этой дуры настроение испорчено. И завтра очень тяжелый день. Съемка в рекламе. Не знаю, кто ее делать будет! Платят копейки. Но поскольку ты меня просила друзьям, у которых проблема с финансами, помочь, то...

– Ленечка, – перебила сына Зинаида, – так уж получилось, что ты пока не успел познакомиться с женой Романа...

– Наслышан о ней, – перебил ее «мальш», отправляя в рот большой кусок пирога с мясом, – предприимчивая особа. Сначала долго в любовницах его состояла, всех баб Звягина пересидела и добилась-таки официального статуса. По залету свадьба случилась. Бабенка из провинции, из Украины или из Молдавии, не помню. Надоели Роману утонченные москвички, захотелось ему после элитного сыра плавленной фигни.

– Котеночек, – попыталась заткнуть Леонида Зинаида, – ты...

– Уж я-то правду знаю, – ухмыльнулся мой «биограф», – одна из бывших Романа, актриса Элен Колко, потом со мной жила...

Мать сделала очередную попытку утихомирить любимого сына:

– Заинька, выпей кофейку. Хочу познакомить тебя с...

Куда там! Леонид пел соловьем:

– Элен мне всю правду рассказала. Теперешняя супруга Звягина раньше ей в постель завтрак подавала. Но потом умудрилась от хозяина забеременеть, ничего нового. Сейчас она нос задрала, требует шубы, квартиры... Имя у нее какое-то... странное... Буратина... Федорина... Павлина! О! Точно! Павлина!

– Леня, – громко произнес Илья, отходя от окна, – познакомься...

Ковригин не успел договорить, его сотовый опять зазвонил.

– Слушаю, – недовольно ответил мэр и вышел в коридор.

– Сейчас у Павлины леопард на плечах, – хихикал Леня, – но скоро лафа захлопнется. Роман новую бабенку заведет, эту отселит. Обычная история. Ничего оригинального!

Я встала.

– Зинаида Федоровна, спасибо за чай, мне пора.

Дама поднялась, мы вместе дошли до двери.

– Степонька, – замела хвостом хозяйка, – Ленечка прекрасный мальчик! Но... э... он сейчас возвращается в среде... э... пресса... ну... да... вот...

– Ваш младший сын блогер? – спросила я.

– Да, да! Именно это слово, вечно его забываю. Пожалуйста, милая, не обижайся, – попросила хозяйка, – Ленечка... он...

Я округлила глаза.

– Зинаида Федоровна...

– Душенька, зови меня Зина!

– Зина, – после небольшой паузы повторила я, – это мне надо просить у вас извинения. День сегодня выдался тяжелый, когда появился Леонид, мне в висок вцепилась мигрень. Так голова заболела! Я перестала слышать чужую речь. Вообще! Видела, как ваш сын шевелит губами, понимала, что он ведет со мной светскую беседу. А я звуки не воспринимала. Меня догнал стресс. Поэтому я и потороплюсь уйти. Лучше мне сейчас отдохнуть.

– Конечно, солнышко, – кивнула Зинаида, – ты умная девочка, знаю, все у вас с Ромой будет хорошо.

– У нас уже все прекрасно, – улыбнулась я.

– Мама, ты где? – крикнул из глубины дома мэр.

– Степochку провожаю, – ответила Зина.

– Потом поднимись в кабинет, – велел старший сын.

– Я тоже побегу, – сказала я, мне очень не хотелось слушать извинения хозяйки.

– Ох уж эти дети! – прошептала мать мэра. – Вечно им все надо сию секунду, сразу.

Я вышла в просторный двор, дошла до навеса, где оставила автомобиль, и увидела там еще одну машину. Из нее вышла дорого одетая дама. Она скользнула по мне равнодушным взглядом.

– Добрый день, – сказала я.

Незнакомка, не ответив, пошла в сторону дома. Поскольку она явно была немолода, я подумала, что у новой гостьи проблемы со слухом, решила не обижаться и быстро уехала.

Глава 8

На двери квартиры Сытиных висело объявление: «Звоните и ждите. Сразу не открою». Я нажала на коричневую пупочку и хотела прислониться к стене, но дверь неожиданно распахнулась. На пороге стояла маленькая худенькая женщина в бордовом платье до пола.

– Вы к кому? – приветливо спросила она.

Я замялась. Один из моих друзей, полицейский, занимающий высокий пост, рассказывал, что, когда он, едва получив образование, пришел на службу в районное отделение, старшие товарищи возложили на него, новичка, обязанность сообщать людям о смерти их близких. Никто не хотел скороговоркой бормотать в трубку страшное известие и, промямлив: «Примите наши соболезнования», живенько отсоединяться. Но, как я сейчас поняла, рассказывать о том, что твоя дочь угодила в больницу в тяжелом состоянии, тоже не просто.

– Степанида? – вдруг удивилась Анна Сергеевна. – Это вы?

Настал мой черед изумляться.

– Да. Мы знакомы?

– Я видела ваше фото на сайте «Бак», – пояснила хозяйка и посторонилась. – Прощу вас.

Я втиснулась в прихожую, которую даже мышь не может считать просторной.

– Анна Сергеевна, к сожалению...

– Знаю, – остановила меня хозяйка.

Я выдохнула.

– Вам звонили из больницы? Похоже, в ней работают сострадательные люди.

Старшая Сытина поморщилась.

– Любовью к ближнему в клинике и не пахнет. Просто там служит подруга Наты Лена, она и оповестила меня. Если б не Елена, сидеть бы мне в неведении. В городской больнице считают: если в приемный покой доставили человека без сознания и он не умер, ожидая сутки, пока к нему кто-нибудь подойдет, значит, докторам придется лечить пациента. Волноваться же о нем должны родственники, если член семьи не пришел ночевать, им нужно самим полицию, морг, клиники обзвонить. И то, что у бедолаги в кармане есть паспорт, врачей не колышет. Запишем поступившего как человека без документов. В медцентре работают

бессердечные люди. Пойдемте на кухню. Только обувь снимите.

Я быстро скинула туфли и аккуратно поместила их на полочку, где уже стояли красные лодочки на высоченном каблуке размера сорок первого, не меньше, и крохотные балетки для ножки Золушки.

– Очень благодарна вам за то, что вы взяли Наташу на работу, – завела хозяйка, включая чайник. – Местный народ темен и зол. Думаю, то, что в Фурске ранее выпускали ДДТ, повлияло на психику тех, кто сейчас в городе живет.

Я не смогла скрыть улыбки, и Анна заметила ее.

– ДДТ запретили потому, что это очень ядовитая вещь, пока тут предприятие работало, регистрировалось много отравлений. И химикат влиял на генетику. Современные молодые горожане не виноваты, что их родители – больные люди. Нам с Наташей хотелось уехать после скандала. Но куда? В Москве мы никого не знаем, отдельную квартиру не купим, придется жить в коммуналке. Я понимала, что город не успокоится, пока мою дочь не изведет! Слава богу, Наташа на медсестру в Москве учиться поступила, ей там общежитие дали. Дочка в Фурск приезжала не часто, она много занималась, редко удавалось меня навестить.

Анна Сергеевна опустила в кружку пакетик и залила его кипятком.

– Да и не хотелось ей с местными встречаться. Хотите, расскажу, как мы тут живем?

Я натянуто улыбнулась. Нет, не испытываю ни малейшего желания слушать местные сплетни. Но придется. Неудобно сказать матери Наташи честно: «Извините, я зашла, чтобы сообщить о том, что ваша дочь попала в больницу. Хотела предложить нанять сиделку, пока Ната не поправится. Времени на болтовню совсем нет». Анна весь день проводит одна дома, ей скучно, она рада любому новому человеку.

– Валера Зиновьев и Наташа в одном классе учились, – завела Анна Сергеевна, – моя доченька была круглая отличница, несмотря на то что ей постоянно оценки занижали. Понимаете?

– Зачем учителям это делать? – вздохнула я.

– Гимназия бесплатная, – пустилась в объяснения Анна, – директрису предупредили: две золотые медали вам для выпускников выделяют. Сама думай, кому их дать. Вот Ольга Валентиновна и решила, что обе награды надо правильным детям вручить. Одну Валерию, он сын главного полицейского. Вторую Свете Ковригиной, дочке нашего мэра. Илья в восемнадцать лет отцом стал, сам еще молодой, а дочь взрослая. Это у них семейное. Зинаида Федоровна Илью родила сразу после получения аттестата об окончании школы. Муж ее старше не на один год был. Сейчас

эту историю только старожилы вроде меня помнят. Алексей Михайлович девочку совратил.

– Похоже, учебное заведение было из тех, что называют элитными, – отметила я, – в классе учились дочь мэра, сын Зиновьева.

Анна Сергеевна исподлобья взглянула на меня.

– Школа хорошая, педагоги знающие. В Фурске тогда уже открылось две частные гимназии, где по три человека было в классе. А вот муниципальное заведение было одно. Народ о тех, где платить надо, и не думал, все говорили: в городе единственная десятилетка. Но у Зиновьева и Ковригина кошелек был полон. Почему Валерий и Светлана не ходили туда, где дети директора нашего рынка учились? Вопросов их родители опасались. А ну как задумается народ: откуда у властных мужей длинные тысячи на обучение недорослей? Вывод сделают: взятки они берут. Поэтому мэр государственной гимназии денег отсыпал, здание ей новое построил, и вся местная знать своих спиногрызов туда отправляла.

Я решила слушать старшую Сытину молча, а та раскраснелась от разговора и говорила без устали.

Валерий, внешне очень симпатичный мальчик, дружил с Наташей. Ребята все время проводили вместе. А дочь городского главы Светлана Ковригина потеряла голову от сына полицейского. Сложился неравнобедренный треугольник. Наташа и Валера дружат, Света сохнет по парню. Дочь мэра предпринимала разные шаги, чтобы заинтересовать отпрыска Юрия Петровича. Она всегда приглашала его на свои дни рождения, которые отмечали с царским размахом. Валера приходил, дарил книгу, но потом весь вечер общался с гостями, именинница его не интересовала. Девочка узнала, что Валера фанат группы «Взлет», купила билеты на их концерт и предложила пареньку поехать с ней в Москву. Мальчик попрыгал в фан-зоне, вежливо проводил потом спутницу домой, и... все!

Сделав еще много провальных попыток завести роман с Валерой, Светочка пошла на хитрость. Она решила подружиться с Наташей, стать третьей в их компании. И опять ничего не вышло. Сытина вежливо, но твердо дистанцировалась от одноклассницы. Думаете, последняя сдалась? Как бы не так! Света оказалась гораздо на выдумки.

Анна Сергеевна тогда работала в школьной библиотеке, получала скромную зарплату и считала себя абсолютно счастливой. Вдруг совершенно неожиданно Виктория Павловна, начальница городской сети книгохранилищ, вызвала ее к себе и предложила возглавить центр досуга подростков.

– Наш мэр, – пела Виктория, – озабочен тем, что многие ребята не пойми где шляются, незнамо с кем время проводят или часами сидят в Интернете, не имеют живого общения. А вы организуете театральный кружок, секции по интересам.

– Нечто вроде советского Дома пионеров? – сообразила Анна.

– Верно, – кивнула Виктория Павловна, – только назовем это иначе – клуб «ОК». Сейчас подростки клюют на иностранные словечки.

Ошеломленная предложением, Анна Сергеевна согласилась, и через несколько месяцев центр заработал. Наивная старшая Сытина только удивлялась тому, как быстро закрутились колеса, сколько ставок для руководителей кружков выделил муниципалитет.

Первым членом «ОК» стала Света Ковригина, она всю рекламировала клуб, и к Анне Сергеевне потянулись дети. Одним нравилась веселая Светочка, другие хотели дружить с дочерью мэра, третьих привлекала возможность играть в театре, четвертые предпочитали занятия в тренажерном зале. Понятное дело, Светлану выбрали председателем Совета клуба, она постоянно общалась с Анной Сергеевной и один раз поинтересовалась:

– А почему Наташа к нам не ходит?

– Она не очень любит массовые занятия и развлечения, – честно ответила мать.

Светлана смутилась:

– Я не имею права давать советы взрослым, но неправильно, что здесь нет Наты. Знаю, что кое-кто из родителей, когда ребята просят разрешить им посещать «ОК», отвечают: «Похоже, там не так все хорошо, как местное телевидение рассказывает. Дочка заведующей туда носа не кажет. Раз Анна Сергеевна свою Наташу в центр не пускает, то и тебе туда идти не надо».

Глава 9

На следующий день Наташа появилась у матери на работе и стала заниматься в театральном кружке. Вместе с девочкой пришел и Валера. Света хитрым долгим путем добилась своего, получила постоянное общение с любимым после занятий.

Анна Сергеевна и не подозревала, какие шекспировские страсти разыгрываются у нее под носом. Театральный кружок решил поставить пьесу, которую написала сама заведующая сетью библиотек. Виктория Павловна придумала гениальный сюжет: в городе живет влюбленная пара подростков. Он сын главного бандита, она дочь полицейского, которого этот уголовник застрелил. Семьи ненавидят друг друга, а пятнадцатилетние дети мечтают пожениться. Вам, случайно, никакое другое похожее произведение не известно? Анна Сергеевна вмиг поняла, что госпожа Николаева вдохновилась бессмертным творением Шекспира «Ромео и Джульетта», но ничего говорить начальнице не стала. Сытина, которая руководила драмкружком, являлась главным режиссером, распределила роли и начала репетиции. И тут Виктория потребовала список исполнителей и внесла в него свои коррективы. Мальчика, как и думала Анна Сергеевна, должен был играть Валерий, а вот его возлюбленную – Светлана. Ранее назначенная на роль «Джульетты» Наташа стала подружкой основной героини с пятью словами текста.

Когда Анна Сергеевна огласила новый список исполнителей, случился скандал. Подростки остро реагируют на несправедливость, неожиданная замена Наташи на Свету вызвала ураган эмоций.

– Почему Натку выгнали? – задал вопрос Валера.

– Ну... она внешне не похожа на главную героиню, – нашла слабый аргумент Анна Сергеевна.

– Сытиной не хватает убедительности, – добавила Виктория Павловна, которая присутствовала на заседании. – Ребята, давайте отнесемся по-взрослому к постановке. Вы поедете с ней в Москву на смотр. Хочу, чтобы вы получили призовое место. Наташа слабо исполняет роль.

– Светка ваще корова и страхолудина, – сказал Валера, – никто не поверит, что я в нее влюбился.

– Наталья не главная исполнительница и не станет ею, – отрезала Виктория, – я так решила. Девочка лишена таланта, и этически неправильно ее в центр пьесы помещать. Ната дочь заведующей центром.

Кумовство получается.

– Светка дочь мэра, – отбил подачу Валера, – подхалимство получается. И меня тогда выкинуть надо, все знают, кто у Зиновьева отец. Пусть Серега Иванов и Катька Галкина главные роли играют, у них родители алкоголики.

– Не, – хором ответили ребята, – нам лучше в массовке.

Потом Катя добавила:

– Я не запомню текст.

Препирательство длилось около часа, потом у Виктории Павловны сдали нервы, и она сорвалась:

– Глупые дети! Ничего не понимаете! Немедленно замолчите! Илья Алексеевич организовал центр по просьбе Светочки. Благодаря ей вы тут все бесплатно рожи корчите. Вот сейчас Ковригина обидится и, между прочим, права будет. Некрасиво, Валерий, кого-то коровой обзывать! Светлана стройная, если она тебе не нравится, то прикуси язык. Иначе вы останетесь без клуба. Узнает мэр, как его дочь тут травят, и прикроет финансирование. Что получится? Вам будет негде досуг проводить, а мать Натальи вместе с другими педагогами останется без работы. Этого вы хотите?

В зале стало очень тихо.

– Ребятки, – засуетилась Анна Сергеевна, – мы все перенервничали, предлагаю соломоново решение. Сделаем два состава...

Валера встал.

– Тетя Аня, я люблю вас, но противно смотреть, как вы пресмыкаетесь, боитесь без зарплаты остаться! Я больше сюда не приду. Натуся!

Младшая Сытина, которая во время перепалки стояла у стены молча, взяла мальчика за руку и ушла вместе с ним. Остальные дети переглянулись и тоже убежали. Последней, заливаясь слезами, унеслась Светлана.

– Вы довели ситуацию до скандала! – налетела на Анну Виктория. – Не умеете с детьми работать.

– Не надо валить с больной головы на здоровую, – отрезала заведующая. – Зачем вы детям про финансирование сообщили?

Центр закрыли, Анна Сергеевна осталась без работы, назад в библиотеку ее не приняли, сказали: «Ставки нет». С большим трудом опальная женщина пристроилась на почту в отдел посылок. Теперь ей приходилось таскать тяжелые ящики и получать копейки. Для Сытиных наступили трудные времена. Наташе стали занижать оценки, писать замечания в дневник. Девочка поняла: медали ей не видать.

Как-то раз Валера пришел в гости к Наташе, а та мрачно сказала:

– Если хочешь чаю, то он только чай, даже сахара нет. Маму с почты уволили.

– За что? – изумился Валера.

– Папаша твой гад. Это он постарался. А ты сам идиот! Зачем тогда в центре революцию устроил? На Светку попер? Мне сто раз плевать, что меня с дурацкой роли сняли!

– Несправедливо же это, – забубнил паренек, – неправильно!

– А-а-а-а! – закричала девочка. – Ты решил правильно сделать? Справедливо? И что из этого вышло? Катись из нашего дома, видеть тебя не желаю! Никогда!

Анна Сергеевна, которая до этого момента тихо сидела на кухне, решила вмешаться:

– Ребята! Я очень довольна, что ушла с почты. Работа тяжелая...

– Не ври! – топнула ногой Наташа. – Мямля! Мама! О тебя ноги вытирают. Хватит всех бояться! Один раз открой рот и хоть кому-нибудь скажи: «Сволочь»! Валера, все из-за тебя! Гад! Пошел вон из нашего дома навсегда! Папаша твой Зиновьев ...!

Девочка кинулась на мальчика с кулаками. Анна Сергеевна схватила дочь и велела Валере:

– Уходи. Завтра помиритесь.

Ната заявила матери:

– Переводи меня в другую школу!

– Но куда? – растерялась та. – В городе только платные места есть, муниципальное заведение одно.

– Хочешь, чтобы я получила аттестат? – прищурилась Наташа.

– Конечно, – воскликнула Анна Сергеевна, – потом диплом института. В наше время без...

– Рекламу прекрасной профессии врача оставь при себе, – ощерилась девочка, – мне плевать, попаду я в вуз или нет. Мое высшее образование тебе нужно! Вот и думай.

Мать поняла, что Наташа закусил удила, и пристроила дочь в гимназию в городе Конаково. Теперь девочке приходилось вставать в пять, чтобы успеть на автобус, но она не жаловалась.

В это же время появился лучик света. Анна Сергеевна пристроилась в торговый центр уборщицей, понравилась директору, и ее повысили до личного секретаря начальника, который плевать хотел на слухи. Валера пытался помириться с подругой, однако та и слышать ничего о нем не хотела. Юноша использовал все известные ему способы просить

прощения: таскал букеты, конфеты, милые безделушки. Но цветы выкидывались из окна, сладости и игрушки отправлялись следом. Анна Сергеевна только вздыхала, потом она рискнула дать мальчику совет:

– Ты какое-то время не приставай к Нате. Потерпи. И все наладится.

Валера, похоже, послушался, он на неделю пропал из зоны видимости Сытиных. А потом в квартире Анны раздался телефонный звонок. Незнакомый то ли мужской, то ли женский голос произнес:

– Валерий Зиновьев покончил с собой. Твоя Наташка убийца!

И началось! Похороны мальчика показал местный телеканал, весь Фурск услышал, как Юрий Петрович сказал:

– Моего сына довела до смерти Наташа Сытина.

Местный люд вмиг стал считать Нату злобной девчонкой, которой нравилось наблюдать за мучениями влюбленного в нее подростка.

Про суицид Валерия пресса писала долго, журналисты находили все новые и новые подробности. Потом Юрий Петрович стал главным героем одного из самых рейтинговых шоу местного телевидения, он рассказал, что его сын нежно любил Свету, дочь Ильи Ковригина, и та отвечала мальчику взаимностью. Но Валера нравился еще Наташе Сытиной, она прямо вешалась ему на шею, пыталась отбить одноклассника, а когда поняла, что тот не обращает внимания на ее старания, отправилась к колдунье и сделала приворот. Темные силы сработали, подросток бросил Свету, переметнулся к Нате, но на чужом несчастье свое счастье не построишь. Мальчик начал чахнуть, болеть, в конце концов он помутился рассудком и выбросился из окна.

Глава 10

Анна Сергеевна сдернула со спинки стула платок и завернулась в него.

– Шоу получилось резонансным. Куда бы я ни зашла: в магазин, на рынок, в поликлинику, – все только о передаче и говорили. Наташу буквально затравили и в новой школе, учителя занижали отметки, с ней сквозь зубы говорили, дети не желали общаться с девочкой. Одна ученица высказалась прямо: «Вот сейчас мы подружимся, а потом повздорим, и ты, Натка, меня с помощью колдуньи проклянешь. Лучше от тебя подальше держаться». Учтите, Наташа ходила в другое учебное заведение, не в то, которое посещала с первого класса. В старой гимназии большинство ребят и учителей знало правду об отношении Валеры к Свете. В новом классе с дочкой познакомились после скандала в театральном кружке и, конечно, все поверили телепередаче. События стали нарастать. Не успела пресса написать про самоубийство Зиновьева, как из жизни неожиданно ушла Анастасия, супруга мэра, мать Светы, молодая красивая женщина.

Журналисты взвыли от восторга, их перья заработали еще быстрее. Наталья не бывала в гостях у Ковригиных, не дружила со Светланой. Думаете, Сытину не обвинили в кончине первой леди города? Мать Валеры Ирина тоже скончалась от тяжелой болезни. Желтая пресса знала, что мать мэра Зинаида Федоровна, крестная Валерия, нежно заботилась о мальчике. И какой вывод сделали борзописцы? Валера частый гость в семье Ковригиных, Анастасия и Зинаида Федоровна обожали мальчика. Супруга Ильи Алексеевича не выдержала стресса и умерла. Сам городской глава никаких комментариев об уходе любимой жены из жизни не давал, почему она скончалась, не объяснял, в некрологе, который опубликовала местная газета, написали: «Выражаем соболезнование Илье Алексеевичу Ковригину в связи с внезапной смертью его жены от сердечного приступа». Ага! Значит, инфаркт! А кто виноват? Наталья! Из-за нее погиб Валера, которого Анастасия, по мнению общественности, любила как родного.

В Фурске поднялось цунами ненависти к Сытиной. Наташе, несмотря на вселенский бойкот, удалось сдать выпускные экзамены, она уехала в Москву, поступила в медучилище. Анна Сергеевна осталась. Директор торгового центра уволил ее, даже он был смущен кончиной Анастасии. Старшая Сытина вновь осталась без работы, ей пришлось мыть полы в разных местах. Наталья домой приезжала редко. Шло время, девушка получила диплом, устроилась на работу в Москве, сняла комнату в

коммуналке. Ната пользовалась уважением коллег и больных, она не собиралась жить в Фурске. Но потом у Анны случился инсульт, за ней потребовался уход. И дочь вернулась. Думаете, в родных пенатах забыли старую историю? Ан нет. Девушку не хотели нигде брать на работу. В отделах кадров Наталье вежливо говорили:

– Оставьте свои координаты, вам позвонят.

– Вот такая история, – подвела под своим рассказом черту Анна Сытина. – Первое время мне прямо совсем плохо было, я лежала пластом. Потом помаленьку выкарабкалась. Сейчас вот хожу. Хорошо хоть речь не теряла. Спасибо вам, что Наташу в «Бак» взяли. Мы копим на квартиру, как только на первый взнос наберем, только нас тут и видели. Вмиг уедем! Я, как видите, стою на своих ногах. Ничего, прорвемся, переберемся в другой город, Подмоскowie огромное.

Анна отвернулась к окну.

– Знаете, у меня ничего не болело, ни голова, ни сердце. Вечером спокойно легла спать. Проснулась... Ничего понять не могу. Лежу в незнакомой комнате, одеяло не мое, белье тоже. Хочу встать, не могу. Руки протянуть за бутылкой с водой сил нет. В кресле Наташа спит. Я на нее смотрю, и страшно делается. Через некоторое время доктор объяснил: я заработала инсульт, лежать теперь вам, Анна Сергеевна, овощем.

Сытина криво усмехнулась.

– Не на такую напали. Выкарабкалась я. Координация движений, правда, хромает. Уж извините за каламбур. Но я и тут смогу победить. А теперь вот дочка без сознания. Ну за что мне все это? Почему Господь так меня наказывает? Простите, я пока устаю быстро, и уже поздно.

Анна Сергеевна взглянула на часы.

Я поняла намек на то, что засиделась, обрадовалась и встала.

– Вот моя визитка, если буду нужна, только позовите.

– Спасибо, вы очень любезны, – принялась благодарить меня владелица квартиры. – Я говорила с врачом, он сказал, что у Наташи хороший прогноз, травма неприятная, но ее можно вылечить. Огромное спасибо за продукты, они очень кстати. С деньгами у нас не густо.

– Непременно принесу вам еще еды, – пообещала я.

– Ну что вы, этак избалуете меня, – смутилась хозяйка, – я привыкла довольствоваться малым.

Раздался звонок в дверь.

– Отойду на секундочку, – бормотнула Сытина и двинулась в коридор.

Я пошла следом за ней в прихожую и увидела потную толстую женщину в бирюзовом платье.

– Вот, приехала, – начала она, – такая проблема...
– Сейчас провожу Степаниду, и поговорим, – перебила гостью хозяйка.
– Да я вот... сомневаюсь, – замямлила незнакомка, – стоит ли это делать? Говорят, мужик после приворота...

– Туфельки снимите и идите в гостиную, – резким тоном прервала ее Анна Сергеевна.

– Не могу по чужой квартире одна рассекать, – отказалась женщина, – пропадет что, потом в воровстве обвините!

– До свидания, – быстро сказала я.

– Извините, что до лифта не сопровождаю, – смутилась Анна, – но...

– Ну что вы, – улыбнулась я, двинулась к подъемнику, быстро очутилась на первом этаже, во дворе села в машину и за пять минут добралась до гостиницы.

Да уж, Фурск не Москва, ехала бы я сейчас в столице в вечерний час пик со скоростью километр в час.

– Вас ждет человек, – заговорщицки шепнула портье, – вон там у аквариума.

Я посмотрела туда, куда показывала девушка, и увидела мужчину лет сорока. Он поймал мой взгляд, встал и направился ко мне. Выглядел незнакомец как ожившая модель из глянцевого журнала, и чем быстрее он приближался, тем сильнее я испытывала желание сбежать куда подальше. Ну вот, сейчас этот субъект заявит о своем желании участвовать в съемках и начнет загонять меня в угол. Ну почему Татьяна объявила конкурс, не поговорив предварительно со мной? О каком конкурсе я веду речь?

Фирма «Бак» открыла несколько магазинов в крупных городах. Наша продукция не копейная, кремы-сыворотки требуют особого хранения, консультанты должны непременно пройти обучение. Строить на рынках ларьки, торговать там губной помадой, тушью и пудрой, которая по карману любой школьнице, мы не станем. И это не из-за того, что в фирме скупое руководство. Хорошая косметика не может стоить дешево. Если вы видите тональный крем по цене проезда в маршрутке, то скорей всего его сделали из чего-то непотребного, указав на тубике неверный состав. И вот вам маленький секрет: если от магазина за версту несет жасмином, сиренью, корицей, медом, значит, товар сдобрен дешевыми ароматизаторами. Не стоит там что-либо покупать. Вы верите, что чай «Фруктовое сумасшествие» выращен на плантациях, где кусты каждый день поливали стопроцентно натуральным, только что выжатым соком спелых вишен? Нет? Почему тогда покупаете крем для лица в убогой лавке, слушаете продавщицу с накладными ногтями длиной в трассу

Владивосток – Москва, когда та говорит: «Ваще, не сомневайтесь, я сама с Питера, у моих родителей квартира в Эрмитаже, чес слово кремик суперский, в нем тока чисто натуральные грибы шиминикама... Ну, в общем, грибочки тама, которыми японские императоры типа омолаживались!» Качественная косметика продается только в фирменных магазинах или крупных торговых центрах. И она не обязательно беспредельно дорогая. Есть очень крупные фирмы, которые работают в сегменте средней цены. И, кстати, производители люксового товара устраивают дни распродаж, просто посещайте их сайты. «Бак», например, делает большие скидки всем пенсионерам, тем, кто пришел за подарком в свой день рождения или накануне свадьбы. Поинтересуйтесь у консультанта, как лучше хранить открытую банку с кремом, и никогда не залезайте в нее пальцем. Пользуйтесь лопаткой. Нет таковой? Купите одноразовые чайные ложечки. Помните, если крем стоит, как иномарка, это не означает, что он всем подойдет. У вас может начаться аллергия. Не покупайте сразу большую упаковку, возьмите пробники.

Роман открыл в Подмосковье магазин, в нем нет этажа с мехами, ювелирными изделиями, коллекциями одежды фирмы «Бак». Только косметика-парфюмерия, товар средней ценовой категории и разные интересные предложения для покупателей, конкурсы. Думаю, не стоит объяснять, почему выбор моего мужа пал на Фурск, где мэром служит друг юности Звягина. Чтобы население узнало о появлении бутика, мы решили сделать рекламный ролик, который покажет местное телевидение. Сценарий таков. Человек и собака пытаются зайти в разные магазины, чтобы купить шампунь, мыло, но их никуда не впускают. Мужчина плохо одет, выглядит, прямо скажем, не очень свежим, он излишне полный, цвет лица нездоровый, собака сто лет не мыта, не чесана... Парочка решила наконец привести себя в порядок, но их отовсюду гонят. В конце концов хозяин с псом подходят к бутику «Бак», и тут... Ну не стану пересказывать вам всю «пьесу», завершается реклама такой сценой: мужчина и дворняга покидают магазин, теперь они выглядят прекрасно, в руках и лапах пакеты с покупками. На экране появляется надпись: «Бутик «Бак» в Фурске. Мы любим всех клиентов и их животных. Зона СПА на втором этаже, бесплатная консультация стилистов, подарки, кафе для всех, ваши собаки, кошки, хомячки, белки – наши почетные гости». И это правда, в магазин разрешен вход четверолапым, для них есть особый отдел с шампунями и другими товарами.

И все бы ничего, но новая сотрудница пиар-отдела Татьяна ни с кем не посоветовалась, выложила на сайте «Бака» объявление о том, что фирма

ищет модель с псом для рекламного ролика. Мой телефон взорвался от звонков людей, которые хотели стать «лицом фирмы «Бак», требовали огромный гонорар и всякие подарки. Ко мне потекла река неадекватных людей, в основном женщин. Большинство из них приводило своих питомцев, чей внешний вид повергал меня в ужас. Конечно же, объявление убрали, но оно провисело несколько часов, да еще креативная Таня рассекретила сюжет ролика. А собака-то у нас уже есть. Магда! И кандидат на мужскую роль отыскался вмиг. Зинаида Федоровна позвонила Роману и сказала:

– Есть чудесный парень. Идеальный для вашего небольшого фильма. Сделай мне приятное, возьми его.

Звягин не мог отказать Зинаиде, он нежно любит мать Ильи. На мое замечание:

– Вдруг кандидат Ковригиной совсем не тот, кто требуется, и он не профессионал, – муж улыбнулся.

– Ну... задача простая, с ней любой справится, а ты мастер изменять внешность... Не могу просьбу Зины проигнорировать.

И вот сейчас ко мне приближается мачо, который явно считает себя красавцем. Парень оделся в обтягивающую майку, он, похоже, загорал в солярии, старательно уложил волосы, нацепил на нос модные очки в черепаховой оправе, а запах его дорогого одеколona добрался до меня раньше того, кто им облился. Нам же для съемки требовался другой типаж, простой дядечка с животом, один из тех, кто ездит в метро. Идея ролика примитивна: самый обычный человек и его заурядная собака становятся красивыми, побывав в фирме «Бак». Но, изменившись в лучшую сторону, они все равно остаются самыми обычными человеком и собакой. Актер не превращается в принца, а Магда в гламурного йорка. Главные герои уже есть. Придется отказать красавчику, и неизвестно, как он на мои слова отреагирует.

Глава 11

– Добрый вечер, – красивым баритоном произнес незнакомец. – Вы Степанида?

Я постаралась улыбнуться как можно приветливее.

– Здравствуйте, да. Чем могу помочь? Давайте сядем.

Незнакомец опустил в кресло.

– Меня к вам направил господин Зиновьев.

Моя улыбка стала еще шире. Значит, Юрий Петрович тоже решил подсунуть кого-то своего на съемку.

– Вы вроде беседовали с моей мамой, – продолжал мужчина.

– Простите, – удивилась я, – а кто ваша мать?

– Если я назову имя, то оно ничего не объяснит, – тихо произнес незнакомец, – конечно, у мамыли был недуг, но так хочется узнать, какие последние слова она произнесла в своей жизни.

Я окончательно растерялась и из-за этого задала глупый вопрос:

– Ваша мать умерла?

Последовал ответ:

– Да.

– Примите мои соболезнования, – пробормотала я, – но... это какая-то ошибка... я не общалась с тяжелобольным человеком...

– Правда? – изумился незнакомец. – Зиновьев сообщил, что вы беседовали с Ниной Петровной буквально за минуту до выстрела в магазине, который убил мою мать.

Тут только я сообразила, о ком говорит мужчина, и кивнула.

– Простите, что не сразу поняла вас. Но ни о чем серьезном мы не беседовали. Вроде ваша мама произнесла фразу о лепестках роз, которые потом превращаются в носки...

Собеседник прижал ладонь к груди.

– Очень прошу. Вспомните точно.

Я смутилась.

– Извините. Общение наше заняло пару секунд. Я не придавала ни малейшего значения словам. Нина Павловна...

– Петровна, – поправил мужчина.

– Нина Петровна, – повторила я, – прокомментировала рекламу, что-то про лепестки роз, которыми женщину осыпает мужчина. Ваша мать заметила, что спустя энное количество лет засушенные цветы превратятся в

носки. Как-то так.

– Может, еще что-то вспомните? – спросил собеседник.

Я развела руками.

– Нет!

– Пожалуйста, попробуйте.

– Простите, но больше ничего.

– Мама говорила о врачах, о своем лечении? – настаивал незнакомец.

– Нет, – повторила я, – вот, я вспомнила, она сказала бандиту: «Магазин закрывается, я уйти хочу, мне кофе не надо, спасибо, лучше без сахара». От испуга она странно заговорила.

– Недуг поразил не ее тело, – печально пояснил собеседник, – страдала ее душа, у нее была депрессия, тяжелая. Поэтому я отправил мамулю в клинику. Она пошла погулять по городу, в недобрый час заглянула в ваш магазин...

Мужчина поправил свои очки и встал.

– Спасибо. Простите, что отнял у вас время. Прощайте.

Я не успела моргнуть, как мачо убежал. Испытывая не пойми откуда возникшее чувство вины, я поднялась в номер, приняла душ и внезапно была сражена головной болью. Со мной это случается не часто, но на такой случай я всегда ношу в сумочке лекарство, которое покупаю в Париже. Одна таблетка, и через пятнадцать минут я как новенькая.

Я начала копаться в недрах ридикюля. Ну почему если я ищу блистер, то всегда натыкаюсь на расческу? А вот когда мне спешно понадобится гребень, совершенно точно быстро обнаружу пилюли. Я нащупала нечто непонятное и вытащила предмет наружу. Я изумилась. Браслет! Как он ко мне попал?

Вмиг ожило воспоминание. Вот я разговариваю в бутике «Бак» с женщиной, на ее руке вижу это украшение. Волосы незнакомка просто вымыла, сразу понятно, что с ними не мастер работал. Сумка, обувь и платье у нее не от дорогих фирм. И браслет под стать всему, хотя он отчаянно пытался выглядеть золотым с настоящими камнями. Может, кто и поверит, что поделка дорогая, но в моем ведении сектор бижутерии и ювелирных изделий бутика «Бак», и я хорошо разбираюсь в драгоценностях. Я сразу назову цену вашего украшения. Браслет, который я держу в руках, копеечный.

И как вещица попала в мою сумку? В голове начала прокручиваться лента событий. Вот я лежу на полу, голова моя повернута в сторону, пальцы крепко сжимают сумку.

На секунду мне стало смешно. Да, Степа, ты настоящая блондинка! В

момент ограбления магазина, рухнув на плитку, девушка Козлова постаралась как можно крепче вцепиться в ридикюль, который купила в день отъезда в Фурск. Да пусть вокруг меня соберутся все грабители мира, ни за что не выпущу из рук новенькую сумочку! Так, не надо отвлекаться. Я лежу, что дальше?

В голове замелькали воспоминания. Бандит окликнул женщину, которая пыталась убежать. Раздался выстрел, я свалилась на пол, уши перестали слышать, перед глазами появилась серая марля, потом снова возникли звуки. Чей-то крик, голоса, я вижу незнакомку, которая говорила про лепестки-носки, она лежит на полу, а около меня валяется ее браслет. Наверное, когда бедняга упала, он расстегнулся, свалился с запястья и по гладкому мраморному полу «доехал» до меня.

Что было дальше? Совершенно не помню. Но теперь понимаю, что я взяла украшение, наверное, решила отдать его даме, когда та очнется, подумала: навещу бедняжку в больнице. И надо же! Начисто забыла про браслет! Более того, я вообще выбросила из головы всю эту ситуацию. Пока сейчас не увидела украшение, искренне думала, что шлепнулась на пол, потом встала, и все. Надо же, какой краковяк исполнила моя память! Я считала, что помню детали, а нет! Очень некрасиво получилось! Надо немедленно отыскать сына Нины Петровны. Украшение пустяковое, но оно ему дорого как память о матери. И как это сделать? Я не удосужилась спросить у мужчины имя. И отчество. И фамилию! И адрес, где он живет. И телефон! Ну я коза! Но из любого положения есть выход!

Глава 12

Я быстро набрала номер, который мне дал Юрий Петрович.

– Слушаю, – устало произнес Зиновьев.

– Прошу прощения за поздний звонок, – начала я.

– Короче, – рявкнул главный полицейский Фурска, – суть вопроса.

– Мне нужен контакт сына Нины Петровны, – живо сказала я.

– Кого?

– Вы отправили ко мне сына женщины, которую сегодня убили в бутике «Бак», – пустилась я в объяснения.

– Это кто? – не дал мне договорить Зиновьев.

– Нина Петровна, – растолковала я.

– Откуда у вас мой номер?

– Вы сами мне его дали!

– Когда?

Странное поведение Юрия Петровича меня удивило, но я не стала изумляться вслух.

– Во время нашей беседы.

– Я не разговаривал с вами!

Я опешила.

– Юрий Петрович, вы меня забыли?

– Нина Петровна, я не встречался с вами, – заорал полицейский, – что за бред вы несете!

Я вздохнула.

– Извините. Наверное, я неправильно ответила на ваш вопрос: «Это кто?» Я решила, что вы говорите про покойную. Она Нина Петровна. А я Козлова.

– Вы Нина Петровна Козлова?

– Нет! Я Степанида, жена Романа Звягина.

– Фу, – выдохнул Зиновьев, – вы запутали меня вконец.

Я быстро рассказала о визите незнакомца. В трубке повисла тишина, потом полицейский протянул:

– Ну... ты... того... не пугайся. Никого я к тебе не посылал. И никогда не сообщаю, в какой гостинице остановился человек, не получив сначала его согласия. Как зовут этого мужика?

– Я не спросила, – призналась я.

– Молодец!

– Кто же со мной разговаривал? – удивилась я.

– Корреспондент, – отрезал Зиновьев, – сенсация ему нужна, поэтому и хотел последние слова убитой разузнать! Есть у нас поганый листок «Колокол». Давно его закрыть надо. Так демократия на дворе. А пресса как свободу слова понимает: ври больше. Не удивлюсь, если они утром «интервью» с Козловой напечатают. Уроды. Мужик не сын Нины Петровны. Покойницу не так зовут.

– А как? – проявила я досужее любопытство.

– Пока она не опознана.

– Может, эта дама из санатория для нервнобольных? – предположила я. – Вдруг «сынок» не соврал про лечение?

– Да глупости, – буркнул Зиновьев, – браслет точно принадлежал покойной?

– Стопроцентно, – заверила я.

– Лады. Завтра мне его отдашь.

– Могу сейчас привезти.

– Отдыхай.

– Я совсем не устала, – заверила я, – а насчет санатория... Наташа, кассирша, сказала охраннику:

– Вместо того чтобы старушке хамить, лучше смотри внимательно за той бабой.

– Зачем? Ходит себе тихо, – возразил секьюрити.

– Она из дурки удрала, – сказала Сытина.

– Не пори чушь, – отмахнулся охранник.

– Ну точно, глянь на ее обувь.

– Она обычная!

– А вот и нет. Я в психушку хожу к доктору, который маме лекарство выписывает, там больные бабы все в таких кроссовках.

Я тогда рассердилась на кассиршу, нельзя по обуви судить о душевных болезнях человека, а сейчас думаю: вдруг она была права? Проверить надо. И...

– Ты откуда знаешь про этот разговор? – перебил меня Юрий.

– Я сама слышала его, – пояснила я, – и вдруг...

– Степанида, завтра поговорим. Рабочий день давно закончился, – остановил меня Зиновьев.

Я безмерно удивилась.

– Мои знакомые полицейские двадцать четыре часа работают.

– Флаг им в руки, орден на грудь, – разозлился Зиновьев, – а у нас сегодня дома праздник, у жены день рождения, гости, торт, шампанское.

– Простите, – смутилась я.

– Баба все равно умерла, до завтра подождет, а супруга на меня до конца жизни надуется. Все, – на одном дыхании произнес полицейский и отсоединился.

Я легла в постель и решила полазить в Интернете по разным сайтам одежды. Интересное занятие затянулось, примерно через час, когда я упоенно рассматривала туфли, в дверь номера тихо постучали. Пришлось вставать. В коридоре стояла администратор с подносом.

– Добрый вечер, госпожа Козлова, – затараторила она, – вам просили передать пирожное от нашего лучшего кондитера. И чай.

– Спасибо, – улыбнулась я. – И кто такой заботливый?

Девушка округлила глаза.

– Просили не говорить. Смотрите, какая корзиночка со взбитыми сливками и ягодами.

– Уже догадалась, от кого посылочка, – засмеялась я, – Агнесса Эдуардовна и собака Магда из соседнего номера позаботились.

Девушка захихикала, а я посмотрела на поднос.

– Я не ем сладкое, а уж на ночь точно его лопать не стану. Отдайте десерт кому-нибудь из ваших подружек.

– Нельзя, – испугалась служащая, – меня уволят.

– Никто не узнает, – успокоила я ее.

– Нет, нет, нет, – твердила брюнетка.

– Ладно, тогда я его выброшу, – вздохнула я, – поставьте поднос на столик у окна.

– Нельзя такую вкусноту выкидывать, – огорчилась администратор.

Я посмотрела на бейджик, который украшал ее форменную блузку.

– Роза, я не ем такое, а вам запрещено принимать угощения. И что делать? Хранить пирожное вечно? Оно протухнет. Судьба корзиночке отправиться в помойку!

– Она от лучшего кондитера, – жалобно повторила Роза, – Андрей учился в Италии. К нам за его десертами со всего города едут.

– Охотно верю, что повар талантлив, надеюсь, торт, который он соорудил сегодня на день рождения жены Зиновьева, потрясающий, но...

– Галина Леонидовна родилась тридцать первого декабря, – неожиданно сказала Роза.

– Вы уверены? – удивилась я.

– Конечно, – кивнула Роза, – они с моей мамой появились на свет в один день. Вот уж им не повезло! Юрий Петрович всегда Андрею заказывает два тортика. На одном надпись «С Новым годом», на другом

«Галюша, с днем рождения». Она его вторая жена, первая, Ирина, умерла. Она и Анастасия, супруга Ильи Алексеевича, нашего мэра, подругами были и вместе в бане угорели. Зиновьев опять женился, а Ковригин нет.

Оказывается, местный народ все еще судачит о старой истории, сейчас мне сообщили очередную версию тех событий. Жены начальника полиции и мэра вместе скончались в парной...

И чему верить?

– Можно в номер зайти? – спросила администратор.

Я кивнула.

– У вас там пакетик стоит, – прошептала Роза, закрыв дверь.

– Он пустой, к сожалению, – ответила я, – с удовольствием подарю вам наш небольшой набор, но завтра.

– Ой, спасибо, – обрадовалась девушка, – но мне сейчас как раз пустой мешочек подойдет. Не могу спуститься на первый этаж с пирожным. В коридоре камеры, поэтому я от сладкого отказывалась. В номере наблюдения нет. С удовольствием возьму десерт, но его нужно спрятать! Поставлю в пакетик, и делу конец.

– Отлично, – обрадовалась я.

– Давно хотелось такое пирожное попробовать, – щебетала Роза, камуфлируя корзиночку, – да мне эта вкусняшка совсем не по карману. Знаете, сколько она стоит? Две тысячи.

Я изумилась:

– Вы шутите?

– Нет. Там все натуральное, сливочки не порошковые, не растительные.

Я возмутилась. Несси определенно сошла с ума! Объясню ей завтра, что отдавать такую сумму за маленькую пироженку полный разврат.

– Наверное, жуть как вкусно, – воскликнула Роза и очень довольная ушла.

Я опять легла в кровать, и тут позвонила Агнесса Эдуардовна.

– Степонька! Магду мыть для съемки?

– Нет! Она нужна неопрятной, – сказала я, уже в десятый раз за последние дни отвечая соседке на этот вопрос.

– Магда всегда аккуратная, – возмутилась владелица псины, – я сейчас ее как раз причесываю.

Я издала стон и схватила халат.

– Немедленно прекратите, бегу к вам.

От моего номера до апартаментов Несси пара шагов, и, конечно же, соседка не заперла дверь.

– Отложите щетку, – попросила я.

– Хочется Магдюшу красивой к съемке сделать, – возразила Агнесса Эдуардовна. – Или она не будет в фильме прекрасной?

– В первой части нет, а во второй ее внешности позавидуют все собаки мира и их хозяева, – пообещала я. – Несси, спасибо за пирожное, оно очень вкусное, я съела его в секунду. Но больше не присылайте мне хамски дорогих кондитерских изделий. Не может корзиночка со взбитыми сливками, даже натуральными, даже сделанными кондитером, который учился в Италии, стоить две тысячи.

– Пирожное? – спросил Базиль, неожиданно появляясь из другой комнаты. – Где оно?

– Ушло, – сердито ответила я, – я угостила им портье. Несси заморгала.

– Степа! Если девушка получила пирожное, то как ты узнала, что оно очень вкусное? И как могла его слопать?

Я неимоверно разозлилась на Базиля. Зачем он влез в наш разговор? Обжора отвлек меня, вот я случайно и ляпнула правду.

– Козлова тебя обманула, – заржал внучок Несси, – как всегда, напридумывала.

– Я говорю только правду, – отрезала я.

– Так где пирожное? – прищурился толстяк.

Я вздохнула.

– Несси, простите! Я не ем десерты, а на ночь предпочитаю вообще не набивать желудок, поэтому отдала пирожное Розе, администратору.

– Твоя забота, бабушка, Степе вообще не нужна. А вот я бы с радостью слопал вкуснятину. В другой раз внука угощай. Козлова совсем на почве фигуры умом тронулась, потолстеть на два грамма боится, – фыркнул Базиль и вышел в коридор.

– Несси, – продолжала я, – мне элементарно жаль ваших денег. Не тратьте их на сладости.

– Степашечка, я впервые слышу про корзиночку, – прикинулась дурочкой Агнесса Эдуардовна.

– Мне Роза правду сообщила, – вздохнула я.

– Какую? – изумилась Агнесса Эдуардовна.

– Про десерт, – сказала я, – давайте забудем об этом. Но, пожалуйста, не ведитесь на рекламу «Наш кондитер лучший в Европе».

– Честное слово, впервые слышу про «Наполеон», – соврала Несси.

– Корзиночку со взбитыми сливками и фруктами, – улыбнулась я, – вы знаете, что я их обожаю. И это правда. Но! Позволяю себе десерт только в

Париже, только один раз, только в булочной «Муло», только утром. И во Франции он стоит меньше одного евро. За две тысячи рублей у меня пирожное поперек горла встанет!

– Я ничего не покупала, – стояла на своем Несси.

Я поняла, что Захарьина будет стойко отрицать, что отправила мне лакомство, ей не хочется, чтобы я ее ругала, и сдалась.

– Никогда даже не смотрите на сладкое за такие деньги. Магду больше не чешите. Она для первой части съемок лохматая нужна. Спокойной ночи.

Глава 13

Я постоянно летаю по Европе и Америке и отлично знаю, что в отелях часто попадаются продавленные матрасы, комкастые подушки и простыни как наждачная бумага. От гостиницы в Фурске я не ожидала ничего хорошего, но неожиданно кровать оказалась удобной, а белье на ней прекрасного качества. И еще меня порадовали рулонки на окнах. Я опустила их, и комната погрузилась в кромешную тьму. Оставалось только радоваться, что владелец гостиницы подумал о комфорте для тех, кто не может заснуть даже в полумраке.

Отчаянно зевая, я завернулась в одеяло и ощутила полнейшее счастье. В голове стали крутиться разные мысли, потом я вдруг очутилась в прекрасном саду, в воздухе разлился сложный аромат: ваниль, роза, мускус, амбра, сандаловое дерево... Я открыла глаза и сообразила, что видела сон. Но вот удивление, нос продолжал улавливать запах, только теперь он стал узнаваемым: духи «Ночь Востока». Их выпускает фирма «Лок». Хотя... я втянула воздух в легкие. Без сомнения, это «Ночь Востока», но не классический вариант, а слегка дополненный. Вот чем, не скажу, я не профессиональный нюхач. Но почему пахнет парфюмом? Да еще столь насыщенным! Я не пользуюсь мужскими духами, особенно если они произведены злейшими конкурентами фирмы «Бак». Раздался шорох, потом появилась яркая точка, которая медленно перемещалась в сторону двери.

– Кто там? – закричала я, нажимая на выключатель у изголовья.

Свет озарил комнату, пришлось на секунду зажмуриться. Послышался звук быстрых шагов, я открыла глаза. Никого, дверь номера была не захлопнута, не заперта. Я вскочила и, как есть, в пижаме, кинулась в коридор. Никого. На красной дорожке, прямо у входа в мой номер, лежал глянцевый прямоугольник. Я схватила его, прочитала надпись: «Служебный». Все ясно, универсальный ключ, им пользуются горничные, портье и охрана отеля. Вернуться в комнату и позвонить на рецепшен не заняло много времени.

Спустя минут пять в номере опять стояла администратор и щебетала:

– В нашем отеле обеспечена полнейшая безопасность клиентов. Наличие современных электронных замков абсолютно исключает вторжение в номер посторонних...

– Чувствуете аромат? – остановила я песню.

Роза сдвинула брови.

– Ну... нет.

– Тем не менее он есть, – вздохнула я, – смешался с запахом ваших духов. Вы пользуетесь парфюмом «Зимняя мимоза».

Роза опешила.

– Да. Откуда вы знаете?

– У меня нос на месте, – ответила я, – здесь только что находился человек. Возможно, вор.

– Невероятно, – замахала руками Роза, – у нас такого не случается.

– Все когда-то происходит в первый раз, – парировала я.

– Вы номер изнутри закрыли? – пропела Роза.

– Конечно.

– Замок отмычкой не открыть!

– Ваша вера в надежность дверных замков радует, – ехидно заметила я. – Правильно, железный крючок не поможет, скважины нет, некуда впихнуть отмычку. А как насчет этого?

Роза уставилась на белый прямоугольник, который я держала двумя пальцами.

– Откуда у вас универсальный ключ?

– Лежал в коридоре у двери моего номера, я проснулась от постороннего запаха, включила свет, но незваного гостя рассмотреть не успела, он сбежал, – пояснила я.

– Мужчина? Почему вы так решили?

– Ни разу не встречала женщину, которая пользуется духами «Ночь Востока», – объяснила я. – Кто из горничных сейчас на работе?

– Никого, – пролепетала Роза, – здесь только я дежурю. Если кому из гостей чего надо, прибегу.

– Охрана есть? – наседала я.

– Да, – пропищала девушка, – днем. После полуночи только камеры. Никто в отель не входил. Честное слово. Дверь заперта, я исключительно постояльцев впускаю, а их сейчас немного.

– Наверное, есть служебный вход, – предположила я.

– Конечно. Он заперт!

Я помахала пропуском.

– Вы уже знаете, как негодяй двери открывает.

– На входных дверях изнутри щеколды толще меня, – поведала Роза, – их всегда задвигают. Честное слово, здесь нет никого чужого. Вам во сне почудилось.

– А пропуск? – рассердилась я.

– Его горничная потеряла и не заметила.

– Номер убирают днем, – отрезала я. – И до ночи никто не заметил, что на ковре универсальный ключ валяется? Кстати, когда я вечером вернулась, дорожка сияла чистотой, не было на ней ничего. Звоните в полицию.

– Ой, не надо, пожалуйста, – взмолилась Роза, – я окажусь на улице. Хозяин очень скандалов боится.

– Ради вашей работы я должна промолчать о попытке ограбления? – уточнила я.

Роза не расслышала сарказма в моем голосе.

– Да! В Фурске трудно на работу устроиться!

– Ну уж нет, – отрезала я, – зовите полицию.

– Не имею права, – чуть не заплакала девушка, – только старший портье...

Я вынула мобильный и ткнула пальцем в экран.

– Номер не отвечает, – сообщила через пару секунд запись, – оставьте сообщение после гудка.

Я кашлянула.

– Юрий Петрович! Только что в мой номер проник человек. Чего он хотел, понятия не имею, он убежал, когда я зажгла свет, но потерял служебный ключ, которым вскрыл дверь. Администратор отказывается вызывать полицию, мотивируя свое нежелание запретом руководства. Оказывается, в этом отеле обращаться в отделение полиции имеет право только старший портье, коего на работе ночью нет. Прошу считать мой звонок заявлением о попытке ограбления. И... О! Улика!

Я сделала два шага в сторону письменного стола и подняла с пола небольшой предмет.

– Вор, вернее, воровка потеряла заколку для волос. Спрячу ее и передам вам.

– Кому вы звонили? – прошептала Роза.

– Зиновьеву!

– Ужас! И заколка ни при чем! Возможно, она ваша, – начала глупо спорить красавица.

– Я не пользуюсь такими аксессуарами. Времена, когда мне нравились пластмассовые брошки в виде собачек, давно прошли, – отрезала я.

– Некоторые люди забывают, что у них есть, – пропищала Роза, – вот я совсем не помню содержимого своей сумки! Может, там сто «крабиков» валяется!

– Волосы у меня какого цвета? – вкрадчиво осведомилась я.

– Вы блондинка, – ответила Роза.

– А в заколке застряло несколько темных волос, можно быстро определить, кому она принадлежит.

– Кому? – одними губами повторила Роза.

– Брюнетке, – объяснила я, – завтра полиция сделает анализ ДНК всех сотрудников, волосков в зажиме, и вуаля! Имя той, кто решил меня ограбить!

У Розы забегали глаза.

– До вас тут жила дама, темненькая, возможно, это ее заколка осталась.

– Ой, ой, – усмехнулась я, – у вас так плохо порядок наводят, может, и тараканы тут есть? И клопы?

– Могла горничная потерять, когда убирала, – нашла новый аргумент Роза.

– Браслет! – воскликнула я, изучая в этот момент письменный стол. – Пропал!

– Кккакой? – прозаикалась администратор.

– О пропавшем украшении я буду беседовать не с вами, а с Зиновьевым, – резко ответила я.

Глава 14

– Здравсти, я режиссер Владимир, рад всех видеть, собаку привезли? – без пауз спросил парень в рваных джинсах и розовой футболке.

– Доброе утро, – поздоровалась я, – Магда уже у гримера, ей придают вид бездомной собаки. Актера, который будет играть бомжа, я не знаю. Надеюсь, он не опоздает.

Владимир широко раскрыл глаза.

– Вы пригласили для съемок кого? Брэда Питта? Леонардо ди Каприо? Из Америки он летит? А?

– Нет, – улыбнулась я. – Брэд Питт сразу мне сказал: «Сейчас я у Тарантино занят».

Но режиссер не обратил внимания на мою попытку загладить шуткой его негодование.

– «Надеюсь, он не опоздает». Вы надеетесь, что пятисортный клоун явится вовремя на мою съемку??? Надеетесь, что не пойми кто, готовый работать за копейку съемочный день, явится к назначенному часу? Я уже тут! Я! Я! Боже! Как я устал! Столько работы. Телеканалы рвут меня на части. Вы, девушка, отдаете себе отчет, кто я?

– Режиссер, – смиренно ответила я.

Хорошо знаю, что на всех главных неделях моды с самым деловым видом, твердя без умолку: «Боже, как я устал, все один делаю, вся организация на мне, трудно отвечать за все, народу ерунду объяснять. Все, все, все только я, вечно мне за все, все, все отвечать приходится», у моделей и стилистов под ногами путается сотый помощник пятого секретаря никому не известного модельера, которого впервые пригласили участвовать в показе. Чем громче человек вещает о своей занятости и значимости, тем ничтожнее его должность. Как вычислить, кто на самом деле принимает решения? Найдите того, кто молча сидит в стороне, не носится по залу, зато к нему все подбегают. Этот человек разговаривает спокойно, не хамит, не грозит прилюдно кого-то уволить. Провинившегося он выгонит потом, тихо, без свидетелей. Самый главный корректен, не привлекает к себе внимания, ему это не надо, его и так все знают. Фразу «Вы знаете, кто перед вами?» он не произносит никогда.

– Вы знаете, кто перед вами? – наседали на меня парень.

– Режиссер, – спокойно повторила я.

Парень встал в любимую позу Наполеона и возвестил:

- Владимир Шереметов-Оболенский.
- Очень приятно, Степанида, – представилась я.
- Вы, конечно, слышали мою фамилию, – заявил собеседник.

Я опустила глаза. Готова спорить, что по паспорту бедняга Курицын или Жабенков. По мне так любая фамилия хороша, если ты ее не позоришь. Вот я Козлова и распрекрасно себя чувствую. Окажись я Лягушонкиной или Цыпленковой, тоже не стала бы горевать. Но есть люди, которым непременно надо причислить себя к аристократии.

– Совсем недавно телевидение показало мою гениальную ленту «Ужас и мрак провинции. Фурск», – продолжал Владимир, – успех был сокрушительный! Фильм порвал все рейтинги! А теперь я жду невесту кого? Девушка!

– Меня зовут Степанида, – напомнила я.

– Ты всерьез считаешь, что мэтр должен помнить каждую кофеподавальщицу? – скривился дурачок.

– Кино тут снимают? – спросил визгливый тенор, и в зал вошел младший сын Ковригина.

– Леонид? – удивилась я. – Вы кого-то ищете?

Толстяк сказал:

– Я приглашен на главную роль в вашей рекламе.

Я растерялась, но тут же взяла себя в руки.

– Отлично. Владимир, актер на месте.

– Кто? Данный фрукт? – брезгливо спросил режиссер. – Не подходит.

– Почему? – осведомилась я. – Мне он кажется вполне симпатичным.

Загримирую сейчас его под бомжа, переодену, и вперед.

– Мужик, ты мне тоже совсем не нравишься, – не остался в долгу Леонид, – ногти грязные. Маникюр никогда не делал. Фу! Руки – лицо человека.

Владимир наклонил голову.

– Девушка! У меня рисунок роли: интеллигентный человек, чеховский персонаж, в пенсне, идет, ведя на поводке милую собачку...

– Отличное завершение ролика, – согласилась я, – но в начале герой смахивает на бездомного, на нищего!

– Фу, – хором произнесли мужчины.

– Не хочу изображать бомжа, – закапризничал Леня.

Я молча слушала дуэт. Режиссера заменить плевое дело, но пока я найду нового «Спилберга», пройдет время. А я не планировала задерживаться в Фурске надолго, максимум на три-четыре дня, ну ладно, пять! Леонида же снять с главной роли невозможно, Зинаида Федоровна

твердо решила продемонстрировать своего младшего сыночка по телику, доставить ему час славы. Любому артисту, нанятому для съемки, я вмиг сказала бы: «Спасибо, вы свободны, нам нужен человек, который воплотит на экране замысел фирмы «Бак», а не свой собственный». Но в адрес Леонида эту фразу я произнести не могу. Его мать тут же пожалуется Илье, тот наябедничает Роману, муж попросит меня занять в ролике Леонида. Если я проявлю принципиальность, возможен скандал. Ради сохранения мира в семье придется согласиться на предложенного главного исполнителя.

– Девушка, – взвизгнул Владимир, – я друг вашего начальника!

– Которого? – уточнила я.

– Самого главного, владельца всего холдинга! Сейчас позвоню ему, и тебя выгонят! – пообещал режиссер. – Или приведи в чувство актеришку, пусть сменит костюм и заткнется, или ты очутишься на улице.

– Меня переоденут? Нельзя сниматься, в чем пришел? – негодовал Леонид. – Я специально купил это для работы в кино! Розовый велюр! Первая линия Мангонетти! Пуговицы из натуральных стразов! И на моем лице уже есть тональный крем! Идиотка-гримерша мне не нужна!

Я сделала глубокие вдох-выдох.

– Владимир, Леонид! Вам нужны деньги?

– Сколько? – хором спросили великие деятели кинематографии.

– Сумма указана в договоре, который вы подписывали, – сказала я. – И, если помните, там есть строка, набранная мелким шрифтом. Штрафные санкции. Если кто-то из участников отказывается работать в день начала съемок, он обязан выплатить штраф в пятикратном размере своего гонорара. Вы подумайте. А я пока буду искать замену постановщику и исполнителю.

– Исключительно из-за тесной дружбы с хозяином фирмы я соглашаюсь работать с непрофессионалами, – быстро сказал Владимир, – но о вашем хамском поведении непременно сообщу Эдуарду.

– Фирмой «Бак» владеет Роман Звягин, – не выдержала я.

Режиссер махнул рукой.

– Не старайтесь! Мне известна правда, а вам нет. Многие владельцы прячутся, выставляя вместо себя не пойми кого.

Я посмотрела на Леонида, который очень тихо говорил что-то в трубку. И в ту же секунду у меня зазвонил мобильный.

– Степа, Илья беспокоит, – сказал Ковригин. – Как дела?

Я вышла в коридор.

– Ночью в мой номер вошла незнакомая женщина.

– Да что ты говоришь!

– Она забрала браслет.

– Дорогой?

– Копеечный. Но главное не цена, его потеряла та несчастная, в которую стреляли в магазине, – объяснила я.

– Ничего не понимаю, изложи подробности, – потребовал Ковригин. Я быстро донесла до лучшего друга мужа историю и осведомилась:

– Тебе Зиновьев ничего не рассказывал?

– Нет, – проворчали из трубки. – Когда ты ему о браслете сообщила?

– Вчера вечером. Но Юрий Петрович очень торопился прервать беседу, сказал, что у его жены день рождения, – наябедничала я, – обещал сегодня утром перезвонить, но пока тишина. Между прочим, он соврал. Вторая госпожа Зиновьева отмечает свое появление на свет тридцать первого декабря. У меня сложилось впечатление, что главный полицейский не хочет заниматься этим делом. Ему наплевать, кого и почему убили в нашем магазине. Но я этого так не оставлю. У меня есть друзья в Москве, я обращусь к ним.

– Степа, не надо, – попросил Илья, – Юрий отличный работник. Просто вчера была дата смерти его сына. Он сутки пьет. И понятно почему.

– А-а-а, это меняет ситуацию, – протянула я. – Что случилось с мальчиком?

– Не знаю подробностей, – увильнул от прямого ответа городской глава, – да и не важны они, главное: подростка нет. Как дела с роликом?

– Режиссер раздувает щеки, – вздохнула я, – злится, что ему не как обычно в Голливуде работать приходится.

Илья рассмеялся.

– Прояви снисхождение к зеленому горошку. За Владимира просили знакомые. Поэтому я его на временную работу пристроил, ему деньги нужны, он кредит за очень дорогой автомобиль выплачивает.

– Спасибо за откровенность, – вздохнула я.

– Как Леня?

– Не соглашается изображать нищего, у твоего брата свое видение роли, жаждет сниматься в розовом велюровом костюме, – наклеузничала я, – думаю, постановщик и лицедей до сих пор выясняют, кто из них главнее и гениальнее.

– Тьфу, – разозлился Илья, – сейчас! Мама хочет что-то сказать.

В трубке прорезался голос Зинаиды:

– Степоська! Я только что беседовала с Ленечкой. Он выполнит все, что от него требуется!

– Мудрое решение, – подхватил на заднем фоне мэр, – и, мама, объясни лодырю: более этого велеречивого лентяя я содержать не намерен! Из дома не гоню, от холодильника не отлучаю, но на все остальное он должен сам деньги добывать.

– Илюша, я разговариваю со Степочкой, с тобой потом побеседуем, – остановила негодующего старшего сына мать. – Девочка моя дорогая! Ленечка будет послушен, как кролик у фокусника, но, пожалуйста, внеси небольшие поправки в сценарий, это уже мое личное пожелание.

– Какие коррективы? – осведомилась я, мысленно прибавляя к трем дням пребывания в Фурске еще пару суток.

– Мальчик сам все объяснит!

– Хорошо, – согласилась я и вернулась в зал.

– Я улучшил бездарный сценарий! – заявил Леонид.

Владимир молча закатил глаза.

– В первой сцене я пойду по улице под дождем, неся на руках собаку! – объявил младший брат Ильи.

– Мы хотели все снять в помещении, – напомнила я.

– Нет, – надулся Леонид, – ливень! Я в плаще, собака несчастная, я прижимаю ее к себе и вхожу в «Бак»! Только так!

– Пес... – начала я, но договорить не успела.

– Не желаю возражений, – затопал ногами Леня, – или будет по-моему, или никак!

– Ладно, – согласилась я, взяла телефон, снова вышла в коридор, позвонила Илье и сказала: – Нам срочно нужна пожарная машина. Зачем? Уточни у Зинаиды Федоровны, полагаю, она в курсе, потому что просила скорректировать сценарий.

Глава 15

Примерно через час мы с Леонидом вышли на улицу. Я с помощью особой мастики придала его волосам несвежий вид и загримировала парня. Если честно, нищий получился странный. Голова явно принадлежала бездомному, кисти рук, которые я старательно состарила с помощью тонального крема, тоже походили на руки нищего. Но бомж щеголял в запредельно дорогих замшевых ботинках, Леня отказался переобуться, хорошо хоть надел другой костюм.

– Отлично, – потер руки режиссер, – посторонние вон с площадки! Главная роль встала на точку. Сцена первая. Дубль один. Пожарные готовы?

– Ага, – хором ответили парни, которые держали брандспойты.

– Супериссимо, – обрадовался Владимир. – Эй, актер, на точку!

– Куда? – заморгал Леонид.

– Туда, – рыкнул режиссер.

– Куда? – снова спросил брат мэра.

Постановщик картинно закатил глаза.

– Вот почему я не люблю на площадке самодеятельных Гамлетов! На точку! Точку! Ясно?

– Нет, – зашипел Леонид. – Что такое эта ваша точка?

Я молча взяла его под руку, отвела к небольшому кругу, который нарисовали на асфальте мелом, и объяснила:

– Каждый дубль начинайте отсюда. Здесь старт. Финиш у дверей магазина. Сейчас вам приведут собаку. Возьмете поводок...

Наш нищий затопал ногами в ботинках ценой в авианосец.

– Нет, сто раз говорил: я несущу ее на руках! Как в американском фильме, где мальчик идет, прижимая к себе собачку, милую, пушистую... дождь капает... песня звучит... зрители плачут... «Оскар» лента получила...

Я едва сдержала смех, стиснув зубы. Леонид мнит себя звездой Голливуда.

– Эй, где тварь? – завопил Владимир.

Из магазина выплыла Несси.

– Меня зовете?

– Если вы собака, которую главная роль на руках до бутика прет, то да, – заявил Владимир.

– Я Несси, хозяйка Магды, она породы... – начала Захарьина, но

«воспитанный» постановщик перебил ее, заорав:

– Да хоть нильский крокодил, перестаньте болтать. Давайте песика! Держите его на поводке.

Дверь распахнулась, на улицу выплыла наша рыжебородая горно-пятнистая магера во всей своей красе. Прежде чем загримировать Леонида, я поработала над его партнершей. Сейчас Магдюша выглядела великолепно! Ее серо-буро-малиновая шерсть с помощью воска превратилась в сальные пучки и торчала во все стороны. Внутри гигантских ушей, которые напоминали локаторы, я самозабвенно нарисовала кровавые болячки. Хвост торчал вверх, Магда явно находилась в наипрекраснейшем настроении. Голенастые лапы псинки я обмазала пастой для укладки непослушных кудрей. Обычно для усмирения локонов среднестатистической клиентки хватает массы размером с горошину, но на Магду я извела полбанки, поэтому вся растительность намертво приклеилась к лапам, отчего их природная кривизна стала очевидна. Но Леня не видел Магду, он повернулся к режиссеру и раздавал указания:

– Снимать надо так! Дождь! Сильный! Льет! Я стою! На улице! Вдруг! Бежит собака! Бедная! Одинокая! Мужа у нее нет! Я беру ее на руки. Дождь! Сильный! Льет! Иду по улице, прижимая к себе милую пушистую псину! Медленно удаляюсь! Луна! О-о-о... Май лав... май лав... май лав... Дождь! Сильный! Льет! Понятно? Режиссер? Усек?

Я быстро оценила ситуацию. Повезло тебе, Степа, оказаться в одной компании с двумя гениями. Сейчас Владимир в доступной форме объяснит Леониду, кто тут хозяин, веселье может дойти до драки. Младшенький Ковригин весит больше центнера, у меня нет шансов его удержать, а режиссер смахивает на бодибилдера, с ним мне тоже не справиться. Оставить их драться друг с другом, потом похоронить павшего в скверике и работать с тем, кто остался? Или попытаться разнять гладиаторов? Скажу честно, первый вариант нравится мне больше.

Постановщик откашлялся. Я на всякий случай попятилась. Ну сейчас стартует битва Александра Невского с псами-рыцарями. Но Владимир неожиданно мирно осведомился:

– Озвучили все свои пожелания?

Леня вскинул подбородок.

– Да! Только такой сценарий! Иначе я ухожу. И есть проблема.

– Какая? – по-прежнему приветливо спросил Владимир. – Что вас тревожит?

– Небо чистое, дождя нет!

Режиссер вскинул бровь.

– Не беспокойтесь, сейчас хлынет. Встаньте на точку.

Леонид занял место в нарисованном круге.

– Парни, эй, битте, начинайте! – взвизгнул постановщик.

Пожарные, которых Владимир, похоже, успел проинструктировать за то время, пока я делала из младшего Ковригина бомжа, подняли шланги. На дорогу и на Леонида хлынул поток воды.

– Эй, что это? – заорала «звезда».

– Ливень, как заказывали, – злорадно пояснил режиссер. – Эй, собачка, готова?

Несси крикнула в ответ:

– Да! Отпущу ее, когда прикажете!

– Давай, – велел наш аристократ.

Магда осела на задние ноги, взвизгнула и начала мести хвостом. Захарьина отстегнула карабин, к которому тянулся поводок, и схватила свою любимицу за ошейник. Я быстро спряталась за спину одного из парней с брандспойтом. Постоянно вижу, как разные собаки, застигнутые во время прогулки дождем, скулят, трясут лапами, головами, хвостами и тянут хозяев домой. Некоторые брезгливо обходят лужи и воют. Но Магда не такая, она обожает воду и грязь в любом виде. Ливень, слякоть, раскисшая глина – все приводит Магдюшу в неимоверный восторг. Ее мечта: оказаться на городской свалке в момент урагана, вот тогда наша рыжебородая магера от души изваляется в отходах и вымокнет на славу.

– Что происходит? – завопил Леонид.

– Ливень заказывали? Ливень получили. Бойтесь своих желаний, они могут исполниться, – философствовал Владимир. – Мотор! Оператор!

Хмурый парень, который до сих пор не издал ни единого звука, молча включил камеру.

– Уберите воду! – орал Леонид.

– Сам просил сильный дождь, – прикинулся наивным лебедем постановщик. – А откуда он в кино берется? Уж не с неба. Съемочная группа не ждет, пока из тучи хлынет. Желали как в Голливуде? Мы так и сделали! Эй! Собаку в кадр!

Несси отпустила ошейник. Магда громко залаяла от восторга и стрелой ринулась вперед. На морде псины расцвела самая счастливая, самая искренняя, самая лучезарная, самая из всех самых улыбка.

– Кто это? – завопил в ужасе Леонид.

– Собачка! Ты хотел ее к себе прижать, – ответил в рупор режиссер. – Хватай ее на руки! Мы все устроили, как ты требовал.

– Не-е-ет! – взвизгнул Леонид и помчался в противоположную от

магазина «Бак» сторону.

– Парни, неситесь следом, – азартно завопил Владимир, – вам заплатят по двойному тарифу!

Алчные пожарные побежали за Леонидом, машина поехала за ними, следом помчался оператор, он оказался самым резвым, обогнал Леню и теперь бежал вперед спиной, снимая исполнителя главной роли.

– Мужики, скока у вас воды? – осведомился Владимир. – Нам необходим дождик!

– До фига! – хором ответили бравые сребролюбивые бойцы.

– Собаченька, милая, догоняй, – скомандовал постановщик, – прыгни дяде на ручки! Раз, раз, топ, топ, живее, резвее.

Я молча наблюдала за происходящим, снимая зрелище на телефон. Почему я не вмешалась, не остановила съемку? Ни Леонид, ни Владимир мне не нравятся. Пошлю сейчас «фильм» Роману, отлично знаю, какотреагирует муж. Скоро тут будут другие режиссер и актер! Вот Магда останется, она прекрасна!

– Уберите ее, – кричал Леонид на бегу, – чудище ужасное! Все не так! Не так!

– Уж объясни мне, дураку, как надо! – с самым серьезным видом попросил Владимир. – И...

Договорить режиссер не успел, Магда обогнала брата мэра, развернулась и встала к нему мордой. Леонид, который совершенно не ожидал такого поведения от собаки, резко остановился, пошатнулся, взмахнул руками и упал на спину. Магдюша подошла к нему, лизнула его в лицо, потом залезла носом под пиджак, вытащила кулек и начала в нем рыться. Леонид сел.

– Эй, животное! Отдай!

Магда шумно зачавкала.

– Что у вас там? – занервничала я. – Собака не человек, ей нельзя есть что попало.

– Мои бутерброды, – взвыл Леонид, садясь, – французский сыр с трюфелями!

– Вау! Где вы добыли запрещенку? – полюбопытствовал Владимир.

Леонид вскочил и попытался отнять у Магды сверток.

Рыжебородая магера поняла, что сейчас лишится лакомства, и помчалась в сторону бутика, интенсивно жуя по дороге добычу.

– Отдай, тварь! – голосил Леонид, преследуя собаку.

Ситуация поменялась. Теперь Магда удирает от брата мэра, а тот, изрыгая проклятия, летит за псиной.

– Во жадобина, – восхитился Володя. – Эй! Оставь животину. Пусть сожрет, раз уж начала. Или ты решил за ней сыр дохавать?

Магда сделала глотательное движение и снова остановилась как вкопанная. Леонид не смог вовремя затормозить, налетел на свою партнершу и опять рухнул на спину.

– Эй, побегай там резво, круговой план нужен, – деловито велел режиссер.

Оператор молча стал ходить вокруг живописной композиции. Магда вздохнула и села на Леонида. На мой взгляд, она приняла правильное решение, даже если любишь валяться в грязи и скакать под ливнем, отдыхать нужно на мягком и теплом пуфике. А живот младшего брата мэра прекрасно его заменит.

– Снято! – возвестил Владимир. – О’кей! Молодцы, с одного дублика сработали. Эй, как тебя зовут, иди сюда, зайка наша, поцелую.

– Уточните, пожалуйста, кого вы зовете, – попросила я, наблюдая, как Магда, медленно встав, потащила к постановщику.

– Вот она сразу поняла! Кисонька среди вас самая умная, – хмыкнул режиссер, поглаживая Магду, которая успела к нему приблизиться. – Даже в страшном сне, девушка, я представить не могу, что захочу не то что поцеловать, а просто посмотреть на тебя не рабочим, а мужским взглядом. И этого облобызать...

Режиссер показал пальцем на Леонида.

– Под страхом смертной казни и то откажусь. А вот зайку милую...

Владимир начал чесать Магде макушку.

– У-у-у-у, – тихо завывала псина.

– Она устала, – резюмировал постановщик, – магазинную часть ролика доснимем завтра. Всем пока, все свободны.

– Подождите, – попросила я.

– Она съела... – закричал Леонид.

– Господи! – закатил глаза Владимир. – Забудь про сыр! Простись с ним! Кусок изо рта у зайки уже не вытащишь. Он теперь с другого конца выйдет, но ты же не будешь лопать продукт, который через собаченцию прошел? Или как?

– Пришлите мне готовое начало, – попросила я.

– Вот еще! – фыркнул Владимир. – Стану я девчонкам свою работу показывать.

– Степа не девочка! – обиделась за меня Несси.

– Нашли чем хвастаться, – заржал Владимир. – Запомни, девушка, человек моего уровня, веса и таланта общается только с высшим

руководством, до шестерок не опускается.

– Она съела зубы! – завопил Леонид. – Зубы!

Глава 16

Я посмотрела на Магду, которая радостно улыбалась во всю пасть.

– Леонид, клыки у собаки на месте.

– Нет, она сожрала мою челюсть! – вопил толстяк.

– Мужик сошел с ума, – решил режиссер, – вызывайте перевозку!

Тащите его в дурку!

– Сам идиот, – огрызнулся Леонид и начал вещать.

Когда я поняла, что произошло, то не выдержала и расхохоталась. Оказывается, «звезда Голливуда» сел сегодня завтракать, откусил кусок хлеба, на котором лежал толстый шматок запрещенного в России к продаже французского сыра с трюфелями, понял: что-то не так – и вынул изо рта бутерброд вместе с верхней челюстью. Вернее, с коронками, которые Леонид вчера себе наконец поставил. Те, кто занимался протезированием, отлично знают: накладные клыки могут отклеиться, и чаще всего неприятность происходит в тот момент, когда ешь нечто липкое, вязкое.

Проклиная стоматолога на все лады, Леонид кинулся к телефону. Врач спокойно объяснил:

– Жду вас сегодня в семь, не переживайте.

– Утром у меня съемка, – завопил младший Ковригин, – хорош я там буду с обточенными пеньками.

– У вас есть временные коронки, – мирно напомнил дантист, – прополощите рот антисептиком и наденьте их. Я же вас учил, что делать, если новая челюсть упадет.

– Хорошо, – буркнул Леонид.

– Зубы сами из сэндвича не вынимайте, – предостерег доктор, – и смотрите, не потеряйте челюсть, она дорогая очень.

Леня поместил бутерброд в пакет и спрятал его в прямом смысле слова на груди в кармане рубашки. Ясно? Если кто не понял, объясню: когда он свалился в первый раз, Магда, у которой отличный нюх, порылась носом у него под пиджаком. Зубы младшего Ковригина псине не нужны, у нее своих хватает! А вот сыр! Магда учуяла аромат, добралась до кармана рубашки, вцепилась в бутерброд с челюстью Леонида... Дальше объяснять?

– Знаете, сколько я отдал за эти коронки? – вопил толстяк. – Вы все вместе столько не стоите! Делать новую челюсть долго!

– Ужас! – схватился за голову Владимир. – Собака может умереть!

Необходимо срочно избавить заю от сей дряни.

Леонид покраснел, сделал шаг... Я быстро встала на его пути.

– Спокойствие, только спокойствие. Можете подсказать адрес ветеринарной лечебницы?

– Зачем вам туда? – с подозрением осведомился Леня.

Я пустилась в объяснения:

– Сделаем рентген, если ваши клыки не повреждены, врач вытащит их из Магды.

– Операция! – схватилась за голову Несси и закрыла глаза. – Помогите! Мне плохо!

Один из пожарных снял с головы каску и начал обмахивать Агнессу Эдуардовну, монотонно повторяя:

– Спокуха, маманя!

– Магду резать не станут, – заявила я.

Несси приподняла правое веко.

– Правда?

– Конечно, – заверила я, – так вынут!

– Как? – поинтересовалась моя соседка по дому.

Я понятия не имела, какие манипуляции будет производить ветеринар, и стала выкручиваться:

– Есть метод томографоизвлечения.

– Компьютером, – с умным видом вклинился в диалог Леня, – в Америке так уже сто лет и людей, и животных лечат. Неужели и к нам наконец пришел прогресс? Вечно мы у американцев в хвосте плетемся.

Я хотела сказать, что в России крепостное право отменили раньше, чем в США рабство, но промолчала.

– Ветеринар тут рядом, – объяснил Владимир, – клиника отличная, поехали.

– Мне надо принять ванну, переодеться, попить чаю, – закапризничал Леонид.

– Супер, – кивнул Владимир, – вперед и с песней. Твои коронки тем временем в желудке у заи переработаются.

Брат мэра поджал губы и пробурчал:

– Адрес скажи.

– Конаковская, один, – живо произнес режиссер.

– Это психушка, – опешил Леонид.

– И что? – грозно спросил Владимир. – Для начала там не все сумасшедшие, есть алкоголики, наркоманы, самоубийцы. А левое крыло лучшая в России лечебница для зверей занимает. Шагаем в машину. Отвезу

вас. Скидку получите. Я для них съемку делал. Меня там обожают!

Режиссер пошел на парковку, я поспешила за ним. Вот никогда не надо судить о человеке, мало зная его. Постановщик казался противным заносчивым хамом, а он, оказывается, любит животных и сейчас с радостью готов помочь Магде.

– Волнуюсь ужасно, – прошептала за спиной Несси.

– Не надо, – воскликнула я, – все будет хорошо.

– Думаешь?

– Стопроцентно, – оптимистично произнесла я, открывая свою машину и усаживаясь за руль.

– Почему тогда телефон не берет?

Я вздрогнула, похоже, Агнесса крайне испугана и заговаривается.

– Магда сидит с нами, можете ей все лично сказать. И у рыжебородой магеры нет сотового.

– Я про Базиля говорю, – уточнила Несси, устраиваясь на переднем сиденье, – он не отвечает.

– Занят, значит, – хмыкнула я, стараясь не упустить из виду седан Владимира.

– Чем?

Хороший вопрос.

– Смотрит телевизор.

– Думаешь?

– Или сидит в туалете, ест в ресторане, гуляет по магазину, – перечислила я любимые занятия парня, – и забыл мобильный в номере.

– Может, он заболел? – вздохнула Агнесса Эдуардовна. – Обычно он уже в такое время дня денег просит на его карточку бросить, покушать хочет или чего купить.

– Аппетита у него нет, а шмотки в провинции ему не понравились, – развеселилась я.

– Аппетита нет! – повторила Агнесса. – Ой-ой, он мог вирус подцепить.

Я молча ехала за белым «Мерседесом».

Сейчас очень распространены инфекции СУБНШ и РНЖ. Если больной справил тридцатилетие, то страшные недуги практически неизлечимы. Как расшифровать эти аббревиатуры? «Сижу У Бабушки На Шее» и «Работать Не Желаю». Но не рассказывать же о заразе Агнессе!

Вызывающе дорогая машина Владимира остановилась у длинного желтого здания. Я припарковалась за ней, высадила Магду и Несси. Наша теплая компания вошла в клинику. Первое, что я увидела, был большой

плакат: «От артрита и колита, коклюша и гастрита, от холеры и проказы вас мы всех избавим разом. Ветеринарная клиника «Семьдесят семь бегемотов» работает всегда и для всех». Рядом висело еще одно объявление: «Дай кишечным паразитам по голове замечательным «Какаритом». Одна таблетка и триндец. Без глистов чихуахуа молодец!»

– Чем могу помочь? – приветливо осведомилась девушка на рецепшен.

– Собака проглотила зубы, – заявила Несси.

Администратор, похоже, привыкла к посетителям со странностями, она улыбнулась:

– Ответьте, пожалуйста, на пару вопросов. Имя?

– Несси, – представилась моя соседка.

– Возраст?

– Сорок два года, – смело соврала Агнесса, потом честно добавила: – И немного месяцев, примерно, э... ну... триста и еще чуточек!

– Порода? – по-прежнему с улыбкой пробубнила дежурная.

– Человек разумный, – объявила Несси.

Девушка положила ручку.

– Извините, кто съел свои зубы? Вы или собака?

– Клыки мои, – уточнил Леонид.

Девушка поправила бейджик.

– Ваши?

– Ага, – кивнул главный герой ролика.

– Собака Несси подошла к вам и отняла челюсть? – попыталась разобраться в ситуации администратор.

Агнесса Эдуардовна постучала кулаком по своей груди:

– Несси – это я.

– Поняла, – обрадовалась дежурная, – вы выдрали зубы у мужчины.

– Леня, – представился младший брат мэра, – я не женат. Являюсь артистом, писателем, композитором, музыкантом, художником и журналистом.

Я посмотрела на бейджик, который украшал блузку красавицы.

– Катя, сейчас все объясню. Леонид ел бутерброд и оставил в нем свои зубы. Чтобы поставить их на место, он положил хлеб с сыром...

– И челюстью, – добавил родственник мэра.

– И челюстью, – повторила я, – в карман пиджака.

– Внутренний, – подсказала Агнесса.

– Верно, – кивнула я, – когда пожарные машины начали поливать Леонида из брандспойта, Несси спустили с поводка...

– Магду, Степа, – поправила Захарьина.

– Простите, оговорилась, – засмеялась я, – конечно, от веревки отцепили рыжебородую пятнистую магеру. Она ринулась вперед, Леня испугался...

– Нет! Ни на минуту, – приосанился младший Ковригин. – Это ложь!
Я решила не спорить и дудеть в свою дуду.

– Главный герой ролика упал, а Несси, то есть Магда, проглотила его зубы.

– Бутерброд! – уточнила Агнесса. – С сыром и трюфелями.

– Санкционка! – щелкнул языком Владимир.

– Любите французский сыр? – вкрадчиво поинтересовался Леонид.

– Да! – обрадовался Владимир.

– Я не у тебя спрашивал, – вмиг разозлился толстяк, – у красавицы. У Катюши!

Девушка кивнула.

– Приглашаю вас вечером на свидание, принесу целую голову, – пообещал Леня.

– Свою, безмозглую, – объявил Владимир. – Катерина, не соглашайтесь. Он вас угостит, а оттуда...

– Хватит пургу гнать, – возмутился Леонид, – немедленно верните зубы!

– Чьи? – жалобно спросила Катя.

– Мои! – гаркнул наш кандидат на «Оскара». – Положите их сюда!

Леонид постучал ладонью по рецепшен, стоящая на доске коробка с ручками упала.

– Хотите получить свои зубы? – дрожащим голосом осведомилась дежурная.

– Да! – в едином порыве громко ответила наша компания.

– Отнимите их у Несси, то есть у Магды, – разъяснила я, – верните Леониду. Если только челюсть не сломалась.

– Поняла, – кивнула Катя, – прошу вас, присаживайтесь. Секундочку, я врача позову.

– Ну наконец-то, – выдохнула Несси, – экая ныне молодежь несообразительная. Мы другими росли. Бабушка еще даже не подумала, чего она хочет, а я уже мышь ловлю в чулане!

– Андрей Николаевич, тут люди, – заговорила в трубку Катя, – они хотят забрать зубы у собаки и вставить их мужчине. Нет! Их много. Клыки не псовые, они человеческие, потому что их съели. Пожарные из шланга всех облили, собака у них челюсть сожрала. Плиз, идите скорей!

– А-а-а! Она их жрет! – закричала Несси, бросаясь к рецепшен. –

Магда! Фу!

Катя быстро села под стойку. Агнесса Эдуардовна начала выдирать у псины из пасти шариковые ручки, которые Магда нашла на полу.

Глава 17

– Главное, не волнуйтесь, – попросил милый старичок, – мы настроены вам помочь.

– Плакат на стене не подходит для ветеринарной клиники, – заметила я, – «Если вы сошли с ума, не кидайтесь из окна, к вам приедут доктора с лучшими уколами, станете здоровыми». У вас тут поэт работает.

– Да, – кивнул врач, – мотивирующую агитацию пишет сама Инесса Гавриловна Фиркина, владелица санатория.

Дверь кабинета распахнулась, вошла полная дама.

– Константин Петрович, – заорала она, – все нормально. Они не наши клиенты. В ветеринарку приехали. Собака вставную челюсть у Леонида Ковригина съела.

– О господи, Елена Михайловна, зачем так кричать? – вздрогнул старичок.

– Так вы ничего не слышите, глухой, как холодильник, – протрубила женщина и ушла.

Константин Петрович укоризненно покачал головой.

– На ухо туг невропатолог Семен Михайлович, а я нет. Вечно Елена всех путает. Рад, что недоразумение выяснилось. Вы мне сразу показались адекватной, оценили, кхм, по достоинству вирши госпожи Фиркиной!

– Ветеринарная клиника тоже ей принадлежит? – предположила я.

– Верно, – согласился старичок. – Инесса Гавриловна имеет много дипломов, она всегда побеждает в ежегодном поэтическом конкурсе, который проводится в нашей санатории среди клиентов и персонала.

Я захихикала.

– Вы, ангел мой, кем Леониду приходиться? – осторожно спросил профессор. – Он в нашей околоте личность известная, вип-персона.

– Слава богу, никем, – ляпнула я, – мне его для съемок навязали, я живу и работаю в Москве.

– Раз вы не близкие друзья, давайте-ка чайком побалуемся, – обрадовался старичок. – Каким ветром такую прелестницу в Фурск угораздило занести? Ох! Я вас не задерживаю? Может, хотите посидеть в приемной у ветеринара, пока собакой занимаются?

– Лучше у вас, – сказала я и поведала ему про рекламу, бутерброд и Магду.

– Давно так не смеялся, – признался Константин Петрович, вытирая

глаза платком, – подчас совершенно здоровый человек попадает в такую переделку, что любой психиатр сочтет его неадекватным. Сейчас вам покажу забавную штуку!

Константин Петрович подошел к секретеру и попытался выдвинуть ящик, но тот не поддавался.

– Я привез сей предмет мебели в свой кабинет, когда дачу продал, – сообщил дедок, дергая за ручку, – сбыл дом с рук, ухаживать за ним хлопотно, да и не люблю я в земле копаться. Жена моя скончалась, вот она слыла огородницей великой. А у меня даже крапива засохла. Секретер оставил как память о матушке. В квартиру не поставишь, там сплошь книжные полки, поместил здесь. Да что же ты не слушаешься!

Константин Петрович со всей силой дернул ящик, тот вдруг резко выскочил из пазов и упал на пол.

– Ах ты! Ерундятина стряслась! Пингвин я неуклюжий, – рассердился на себя профессор и стал кряхтя нагибаться.

– Я помогу вам, – воскликнула я и кинулась собирать то, что рассыпалось по полу.

Всяких мелочей оказалось много, в конце концов я наткнулась на небольшую записную книжку, на обложке которой было отверстие, куда вставили фотографию.

– Кто это? – воскликнула я, глядя на снимок.

– Бедная, потерявшая память женщина, – вздохнул профессор, – живет в пансионе. Я всегда завожу на больного личный дневник с его снимком.

Константин Петрович сел в кресло.

– Забыл, что хотел вам рассказать.

– Как ее зовут? – спросила я.

– Несчастную, сведения о работе с которой я записываю в ежедневник? – уточнил профессор. – Так и не удалось установить. У нас есть отделение, где содержатся люди, с которыми не справляются родственники. Агрессивные. Или те, кто постоянно хочет покончить с собой. Они живут в небольших домиках, двухкомнатных, под постоянным наблюдением медсестер. Эту даму к нам поместили по программе «Помощь Германа». Сей фонд заботится о психиатрических больных, личность которых не установлена.

– Такое бывает? – удивилась я.

– Ангел мой, – вздохнул Константин Петрович, – на свете все случается. Жизнь намного богаче фантазии человека. Такой сюжетец завернет, что сам Жюль Верн поразится. Вот, например, Люсенька.

Дедушка улыбнулся.

– Это я ей имя дал. Фонд «Помощь Германа» нашел эту даму на вокзале. Бедняжка сидела там на скамейке. Документов нет. На вопрос: «Как вас зовут?» последовал ответ: «Мики-Тики». Возраст определили на глаз. Примет никаких, ни шрамов, ни татуировок, ни приметных родинок. Некоторые люди крайне негативно высказываются о тех, кто любит на теле рисунки делать, а я, наоборот, всегда говорю: «Сделайте красивую картинку. Сойдете с ума, потеряетесь, вас быстро найдут». Но у Люсенки...

Константин Петрович улыбнулся.

– Почему я так назвал бедняжку? Очень она на мою покойную Людмилу Митрофановну похожа. Ну прямо сестра родная. Только моложе. М-да. На чем я остановился? Ах, да! Примет нет. Сумка отсутствует. Одежда массового пошива, такой в магазинах полно. Зубы... Не поверите! Один к одному, ни пломб, ни сколов, без дефектов. Редкий случай. Здоровье проверили: полное отсутствие заболеваний. Туберкулез, ВИЧ, венерические болезни, гепатит – ничего не найдено. Кардиология идеальная. Стопроцентно здорова! Но! Ничего о себе не помнит: паспортные данные, адрес, родственники. Ни малейших сведений сообщить не могла, говорила: «Мики-Тики! Живет в лесу белка Куки». Чистая, аккуратная, не изможденная. Я думал, ее искать станут, фото в Интернете родня вывесит. Нет. Тишина. Так ничего и не узнали. И что интересно, если вы с Люсенкой поговорите, она вам в первые минуты покажется обычной женщиной. Люся может поддержать разговор, любит сериалы, запоминает текст, который произносят актеры, может процитировать какую-нибудь шутку из фильма.

– Например, про розы, которыми жених осыпал невесту в первую брачную ночь, – предположила я.

– А они через много лет в носки превратились. Откуда вы знаете? – поразился психиатр.

– Ваша Люся пропала? – осведомилась я.

– Откуда вы знаете? – повторил Константин Петрович.

– У нее был браслет? – не утихала я.

– Украшение?

– Да. Дешевое, с зелеными камнями.

– Откуда вы знаете? – стандартно поинтересовался профессор. – Марк, волонтер, который бедняжку сюда привез, рассказал, что, когда ее на вокзале забрали и повели к машине, чтобы сопроводить в приют временного содержания, женщина увидела в витрине какого-то ларька «золото с бриллиантами», встала как вкопанная и заплакала. У Марка

прямо сердце сжалось, он понял, что несчастная рыдает, глядя на это, с позволения сказать, украшение, и купил ей его. Люсенька с браслетом не расставалась, спала с ним, душ принимала.

– Как же она убежать умудрилась? – поразила я. – Наверное, за такими больными присматривают.

Улыбка стекла с лица профессора.

– Люсенька не буйная, она тихая, приветливая, послушная. Никаких проблем от нее не было. Телевизор смотрела, гулять ходила по парку.

– Одна? – уточнила я.

– Отделение постоянного проживания находится на строго охраняемой территории, – начал оправдываться психиатр, – войти-выйти можно только с помощью магнитной карты. Личной сиделки при опекаемой не было. Да она ей и не нужна была. Женщина прекрасно обедала-ужинала, в санузел сама ходила. Еду, конечно, ей приносили, витамины давали, несколько раз в день медсестра к ней заглядывала, но она прекрасно без помощи обходилась. Вы знаете, где Люсенька?

Я пробормотала:

– Стопроцентной уверенности нет. Наверное, вы сообщили в полицию об исчезновении пациентки?

Профессор смутился.

– Ангел мой, поймите меня правильно. Я врач, занимаюсь Люсенькой как психиатр. Встречаемся мы не каждый день, занятость у меня большая...

Дверь в кабинет распахнулась, послышался голос:

– Константин Петрович, можно вас на одну секундочку?

– Прошу прощения, – улыбнулся профессор, встал, приблизился к створке, наполовину высунулся в коридор и начал очень тихо с кем-то беседовать. На столе у него тем временем замигал телефон, который владелец поставил в беззвучный режим. Дорогой айфон последней модели лежал так, что я видела аватарку. Это оказалась фотография Ильи Ковригина.

– Извините великодушно, – произнес психиатр, вновь усаживаясь в кресло, – ни дня без приключений. Меня ждут в приемном покое. Душенька, я понятия не имею, сообщили ли в органы о побеге Люсеньки. Равным образом не в курсе, кто и с каким усердием ее разыскивает. Дорогая, судя по тому, что вы не спешите сказать мне, где сейчас Люсенька...

Телефон на столе снова замигал. Константин Петрович вздохнул.

– Дьявольское изобретение! Говорят, от него рак мозга развивается,

поэтому я всегда держу его не вплотную к голове. Алло! Да.

– Это я, – донеслось из мобильного.

Похоже, у старика проблемы со слухом, поэтому он врубил громкость на всю мощность, да еще не прижал сотовый к уху.

– Слушаю вас, ангел мой.

– Вы не один?

– Простите, понимаю ваше состояние. Если сможете, приходите на прием.

– Кто-то есть в кабинете?

– Конечно, душа моя, я задержусь. В двадцать ноль-ноль вас устроит?

– Ладно. Где?

Константин Петрович протяжно вздохнул.

– Вы забыли, где находится мой кабинет?

Последние слова он выделил голосом.

– Кафе «Аризона», вип-купе, – сообразил мэр.

– Конечно, ангел мой, не волнуйтесь, мы просто изменим дозу лекарства, – по-прежнему ласково сказал профессор, отсоединился и взглянул на меня. – Простите, ангел мой. У хорошего человека проблемы со здоровьем. Судя по тому, что вы упорно не называете место, где находится Люсенька, случилось что-то плохое?

Я молча кивнула.

– Она умерла? – тихо спросил профессор.

– Слышали об ограблении нового магазина «Бак»?

– Да, конечно, – произнес врач, – в Фурске подобное не часто происходит.

– Могу ошибаться, но похоже, что убитая в перестрелке посетительница и есть ваша Люсенька, – еле слышно сказала я.

Глава 18

Покинув кабинет профессора, я пошла на выход и была остановлена парнем в зеленой пижаме врача.

– Знаю, кто вы, – забыв поздороваться, сказал он, – Степанида Козлова. Вообще-то я обижен!

– Мы встречались? – удивилась я.

– Личной аудиенции я не удостоился, – с обидой заявил юноша, – всегда отвергаете меня на стадии фото. Собирался к вам сегодня в бутик приехать и поинтересоваться, чем я не подошел?

– Вы участвовали в каком-то конкурсе, который проводила фирма «Бак», – догадалась я, – к сожалению, в любом соревновании всегда есть проигравшие.

– Я постоянно отправляю снимки в жюри «Народная модель», а вы меня отвергаете! По какой причине? – сердито осведомился незнакомец.

– Клиника не место для обсуждения подобных вопросов, – ответила я, – мы можем помешать больным.

– Пошли в парк, – не сдавался парень, – на что угодно спорю, вы имени моего не помните!

– Нет, – ответила я.

– Вот вы какая! Небось не смотрели мои фото!

– На конкурсы приходит масса снимков, – объяснила я, пятясь к выходу, – невозможно держать в памяти каждый.

– Почему я не подошел? Отвечайте!

Я остановилась.

– Я не намерена продолжать разговор в подобном тоне. Прощайте.

Парень схватил меня за руку.

– Нет уж! Говорите! Чем я нехорош?

Я попыталась высвободиться, потерпела неудачу и испугалась. Как назло, в коридоре никого нет, а незнакомец, похоже, агрессивен. Одет он как медик, но вдруг я ошиблась? Вероятно, зеленые пижамы тут носят пациенты.

– Назовите свое имя, пожалуйста, – попросила я.

– Не помните его?

– Увы, нет.

– Витюша!

– Виктор, на...

– Только Витюша! – перебил меня неудачливый конкурсант. – Виктор по-деревенски звучит.

– В каком конкурсе вы участвовали?

– Пожалуйста, обращайтесь ко мне по имени.

– Виктор!

– Это грубо.

Вот тут у меня лопнуло терпение.

– Или вы называете конкурс, в котором не победили, или прощайте!

– Показ осенне-зимней коллекции «Бак», он будет в августе. Сейчас июль. Есть время меня моделью взять!

– Ясно, – вздохнула я, – ваш типаж точно не подходит.

– Почему? Полюбуйтесь, я хорош, как греческий бог!

– Среди обитателей Олимпа не все были красавцами. Гефест, например, хромал, – возразила я, – а модель подбирается под тематику. Осень-зима проходит в фирме «Бак» под девизом «Яркие краски серых дней». Почему вас не взяли? Уж простите, отвечу, как есть. Вы же хотите знать правду. У вас лишний вес, «пивной» живот, рост не дотягивает до нужных метра девяноста, короткие ноги, верхняя часть тела непропорционально длинная, при ходьбе вы косолапите. Рыжий цвет волос, белесые брови, ресницы, лицо асимметричное, крупный нос и маленький рот. Нам нужен другой тип. Брутальный. Это относительно внешности. Теперь вопрос по портфолио. Где вы работали ранее, в каких показах принимали участие?

– Нигде! – гордо заявил Виктор.

– «Бак» не подписывает договоры с начинающими моделями, – пояснила я, – исключение составляют лишь те, кто учился в нашей школе. Вы невнимательно читали условия конкурса.

– Я красавец! Почему вы не желаете называть меня по имени? – оскалился Виктор.

И тут, на мою радость, в коридоре показались сразу несколько человек в белых халатах, в центре шагала крупная дама.

– Можно вас на минуточку, – позвала я, – возникла небольшая проблема!

Я сразу узнала женщину. Это ее я видела на парковке во дворе дома Ковригиных. Тогда дама не ответила на мое вежливое «здравствуйте», и я решила, что у нее проблемы со слухом. Однако сейчас стало понятно, что незнакомка хорошо слышит!

– Что случилось? – спросила женщина, приближаясь. – Я Инесса Гавриловна Фиркина, владелица клиники.

Виктор выпустил мою руку и кинулся к двери.

– Ваш сотрудник напал на меня, – пожаловалась я, потирая запястье, – похоже, он плохо владеет собой, приказывал обращаться к нему «Витюша», требовал, чтобы я взяла его на работу, врач мечтает стать моделью. Или он пациент?

Дама повернулась к сопровождающим.

– Немедленно разберитесь, если этот фрукт сотрудник, увольте его. Если он болен, отправьте его под надзор. Приношу вам свои извинения. Лечитесь у нас?

– Не имею проблем по части психиатрии, привела в ветеринарную лечебницу собаку, – пояснила я.

– Еще раз примите мои извинения, – улыбнулась дама, – непременно накажем сотрудника, а больного изолируем. Животному оказали необходимую помощь?

– Надеюсь, что да, – кивнула я. – Как вернуться к Айболитам?

– Лена, проводи, – велела начальница.

Маленькая худенькая девушка сказала:

– Прошу вас, следуйте за мной, нам в обратную сторону.

Я попрощалась с Инессой и пошла по коридору.

– Сейчас налево, – предупредительно сказала Елена. – Простите, вы ведь Степанида Козлова? Я видела вас по нашему телевидению, вы рассказывали об открытии магазина «Бак». Хорошая косметика, но не на мой кошелек. Как себя чувствует Наташа, кассирша из бутика? Хотя вы, наверное, не в курсе, у вас сотрудников много.

Я остановилась, посмотрела на бейджик, который висел на груди медсестры, увидела, что она Елена Зайцева, и поддержала разговор:

– Вы правы, в магазине работает большой коллектив, но мы с Наташей оказались свидетелями ограбления, это выделило девушку из общей массы. Она ваша подруга?

Лена сторбилась.

– Ната дружила с Валерием Зиновьевым, моим женихом.

– Вы собирались замуж за сына Юрия Петровича? – удивилась я.

Медсестра грустно повторила:

– Собиралась замуж?! Нет! Я понимала, что свадьбе не бывать, пока мы живем в Фурске. Я мечтала стать женой Валеры. Очень беспокоюсь за Наташу, пыталась навестить ее, да меня не пустили! Сытина без сознания, таких больных только родственникам навещать разрешено. В Интернете есть сайт «Честный ворчун». Кто его ведет, понятия не имею, но он всегда знает то, что другим неизвестно. Иногда прочитаешь очередное сообщение,

думаешь: «Ну, точно пурга, соврал по полной!» А через пару денечков становится ясно: то, что казалось враньем, правда! «Ворчун» сегодня написал: «Наталью полицейские не толкали. Мужчины, которые явились, чтобы ее арестовать, не живут и не служат в Фурске».

– Откуда же они взялись? – удивилась я. – Зачем такой спектакль разыгрывать?

– Чтобы убить Наташу, – пояснила Лена, – и им это удалось!

– Сытина жива, – напомнила я.

Медсестра внимательно посмотрела на меня.

– Похоже, Инесса Гавриловна не поняла, кто вы, приняла за обычную клиентку. В противном случае кому-нибудь другому велела бы вас в ветеринарку провожать, могла своего зама позвать. Можете мне помочь? Я вам поэтому сразу правду про нас с Валерой сообщила. Мне больше не к кому обратиться.

– Что вы хотите? – поинтересовалась я.

– Увезите меня отсюда! Прямо сейчас! В Москву. Мне грозит опасность! – зашептала Лена. – Сначала убили ее! Потом решили убрать Нату. Кто следующая? Я! Кто все знает? Я! Кто рассказать может? Я! Мы скрывали с Валерой нашу любовь! Я живу в желтом доме. Это дно! Нищая невестка Зинаиде Федоровне не нужна! Поэтому Валера изображал любовь к Нате. Для прикрытия.

– Какое отношение мать мэра имеет к Валерию? – спросила я. – Ей все равно, с кем парень сыграет свадьбу. Сын Юрия Петровича Зиновьева и покойной Ирины для Ковригиной никто!

– Вы ничего не знаете, – зашептала Елена, – вообще! Пожалуйста, пожалуйста, увезите меня, поселите в Москве. Я боюсь за свою жизнь! Нам нельзя тут долго стоять. Кто-нибудь пойдет, настучит, что Зайцева с клиенткой языками чешут. Инесса узнает, с кем я болтала... Умоляю! Спасите!

Я поехала. С кем поведешься, от того и наберешься. Зайцева служит в центре, куда приходят нездоровые психически люди. А общаясь каждый день с ними, сама стала неадекватно воспринимать окружающий мир.

Лена толкнула дверь, схватила меня за руку и втащила в туалет.

Глава 19

– Извините, меня в ветеринарной клинике ждут друзья, – сказала я.

– Просто выслушайте меня! – взмолилась Елена. – Я осталась совсем одна! И вдруг она! Я не сразу ее узнала! Понимаете?

– Нет, – твердо ответила я.

– Я никогда не прошу денег, – всхлипнула Лена.

Я уставилась на медсестру. Так. Беседа начинает скатываться в сторону финансов. Обычно за фразой «никогда не прошу денег» следует бодрое продолжение: «но сегодня вынуждена стоять с протянутой рукой, дайте миллион на двадцать лет без процентов, честное слово, спустя этот срок я все верну».

– И сейчас не стану, – произнесла девушка, – хотя не знаю, где жить, готова спать в подъезде...

Я тяжело вздохнула:

– Елена, простите, мне пора.

– Помогите! Хотите, на колени встану?

– Прекратите, пожалуйста.

– Нет, сейчас на колени встану, – с визгливо-истерическими нотами в голосе повторила Лена.

Я собрала в кулак всю силу воли.

– Елена, в туалете очень плохо пахнет, я не выношу такие ароматы. На колени опускаться не стоит, мне это совсем не нравится. Из Фурска в ближайшие дни я никуда не собираюсь двигаться, у меня тут работа.

– Я согласна уехать ночью, не надо днем, – заголосила девушка, – даже лучше в темное время суток! Помогите! Или я на колени встану! Могу жить у вас, по хозяйству помогать. Приютите меня, не пожалеете! Или я на колени встану! Вы должны мне помочь! Обязаны! Или на колени встану! Я же не прошу мне трешку купить, хоть вы и можете это легко осуществить, у вашего мужа денег не считано. Но я интеллигентный человек, только прошу пожить у вас! Или на колени встану!

Мое терпение закончилось.

– Если вам очень хочется встать коленями на загаженный пол, то я не могу запретить вам это сделать. До свидания.

Елена бухнулась на пол и стукнулась лбом о кафедру.

Я быстро выбежала из сортира, помчалась по коридору, увидела дверь с плакатом «Приходи сюда лечиться и ворона, и лисица, оздоровиться всем»

поможет аппарат “Старица”», толкнула ее и выдохнула с облегчением. Я нахожусь в холле ветклиники, в кресле сидит Несси, рядом на диване лежит Магда.

– Ну наконец-то, – обрадовалась Агнесса Эдуардовна. – Куда ты подевалась?

– Беседовала со странными людьми, – ответила я, – поехали в отель, я испытываю непреодолимое желание принять душ. Что с Магдой? Зубы вынули?

– А их в желудке нет, – радостно сообщила Несси.

Я пришла в недоумение.

– Куда коронки подевались?

Несси округлила глаза.

– Понятия не имею! Может, лежат на асфальте до сих пор! Вероятно, Магдюша их выплюнула! Леонид уехал жутко злой! Сказал: «В вашей тупой рекламе теперь даже за миллион долларов не снимусь».

– Отлично, – обрадовалась я, – зря только день потеряли. Но нет худа без добра. Избавилась я от кандидата на «Оскара», и Зинаида Федоровна не обидится, ее сыночек сам от работы отказался! Давайте поедим?

– Оно неплохо, – согласилась Несси, – но сначала заедем в отель. Базиль не отвечает, я вся извелась.

– Когда с ним что-то плохое случается, парень мигом принимает телефон вам обрывать, – напомнила я, – и мне заодно.

– Ты недоступна, я раз десять тебе набирала, включался автоответчик, – пожаловалась соседка.

Я вынула трубку.

– Странно. Ни одного вызова. Ох!

– Забыла заплатить по счетам, и связь отключили? – предположила Агнесса Эдуардовна. – Со мной это случается.

– Взяла не ту трубку, – вздохнула я, – эта рабочая. Личный сотовый остался в машине.

– Растяпа, – укорила меня Несси.

– Поехали в гостиницу, – согласилась я, – помоюсь, вы успокоитесь, увидев, что Базиль мирно смотрит телик, и мы пойдем обедать, вернее, ужинать. День сегодня получился бестолковый.

Мы пошли на парковку.

– По-моему, прекрасный денек! – воскликнула Несси. – Магда здорова, она участвовала в съемках.

– Завтра придется все переделывать, – предупредила я, устраиваясь за рулем.

– Владимир сказал, что сделает все красиво, – возразила Агнесса Эдуардовна, – он поработает как монтер! Не поняла, что режиссер имел в виду, но он заверил: «Магда получится супер!»

Я молча повернула на главную дорогу. Если режиссеру удастся смонтировать из отснятой сегодня белиберды хоть что-то приличное, я громко и прилюдно назову хама гением. Но из того, что недавно запечатлела камера, невозможно скроить удобоваримый продукт.

– Степашка, мы проехали мимо отеля, – закричала Несси.

Я вмиг забыла про работу и нажала на педаль тормоза.

– Хорошо, что я внимательная, – похвалила себя Несси, вылезая из автомобиля, – могли до Москвы домчаться. Пошли, Магдюша!

Я поднялась в свой номер, быстро разделась, включила душ, и тут раздался стук в дверь.

Если с самого утра день идет кувырком, то не стоит злиться, восклицать: «За что мне это?» Лучше подумать: рано или поздно наступят следующие сутки, они точно окажутся лучше предыдущих, неприятности не длятся вечно.

Я открыла дверь и увидела Несси, по щекам которой текли слезы, у меня вырвался вопрос:

– Что случилось? Магда?

– Базиль, – всхлипнула соседка, – он... умер.

Прямо в халате и босиком я кинулась в соседний номер, влетела в комнату, которую занимал парень, ринулась к кровати, наклонилась над ней и лишь тогда смогла выдохнуть.

– Несси!!!

– Ужас, – пролепетала та.

– Труп храпит! – сказала я. – Значит, он жив, мертвецы не издают звуков. Неужели вы не слышите рулады?

– Слышу, – эхом отозвалась Захарьина, – но он не просыпается.

Я потрясла Базиля.

– М-м-м, – простонал тот, – отстань же!

– С ним все в порядке, – воскликнула я, – наверное, ночь напролет в Интернете сидел.

– Мальчик никогда дольше чем до полудня не отдыхает, – возразила Несси, – и он лег рано. Вернулся в номер с тарелкой, съел пирожное... и минут через десять улегся. Из своей спальни я слышала его похрапывание.

– Пирожное? – повторила я. – Где он его взял?

– Сказал, его на рецепшен администратор угостила, – пояснила Захарьина.

- Интересно, – пробормотала я, – сейчас приду.
 - Ты куда? – спросила соседка.
 - Скоро вернусь, – пообещала я и поспешила на первый этаж.
- Спросила у девушки, которая сидела за стойкой:
- Роза сегодня работает?
- Дежурная посмотрела на часы.
- Она должна меня через полчаса сменить. У нас график: две ночи подряд сидим, сутки отдыхаем, три дня днем пашем, потом пара выходных.
- Можете попросить Розу подойти? – перебила я болтунью.
 - Вон она! – обрадовалась администратор и показала на стеклянную дверь, которая вела на улицу. – Видите? Во дворе курит!

Глава 20

Я быстро вышла из отеля. При виде меня служащая живо бросила окурок в кусты и начала оправдываться:

– Это ненастоящий табак, просто сухая смесь, лечебная, там ромашка, одуванчик, мне ее Анна Сергеевна дала от усталости.

– Роза, где вы взяли пирожное, которое вчера мне принесли? – остановила я ее.

– На рецепшен, – с самым честным видом соврала красавица.

– Вчера, когда я предположила, что дорогой десерт отправлен госпожой Захарьиной, вы возражать не стали, – заметила я.

Роза улыбнулась.

– Дело-то как было! Я отошла на минуточку, вернулась, на стойке коробка и записка. «Степаниде Козловой. Заварите ей чай». Я выполнила задание. А когда вы заговорили про даму из десятого номера, я подумала: «А! Вот кто пироженку купил!» Решила, что вы знаете!

Мне стало смешно.

– Здорово. Вы всегда относите постояльцам угощение, не уточняя, кто его на рецепшен оставил?

– Ну... отель был закрыт, – начала оправдываться лгунья, – посторонних нет. Понятно, что свои решили сюрприз устроить!

– И что случилось, когда вы вернулись на рецепшен с десертом, который я вам отдала?

– Хотела кофеек заварить, полакомиться, но тут притопал мужчина из десятого, сказал: «Степанида передумала, верните корзиночку», – затараторила Роза, – схватил тарелку и ушел.

– Так, – протянула я, – последняя часть истории правда. Но первая... Роза, или вы рассказываете, где взяли десерт, или вас арестуют.

– За что? – испугалась девушка.

Теперь врать принялась я:

– Пирожное содержало большую дозу слабительного. Кто-то хотел зло пошутить надо мной, думал, что я с радостью съем угощение. Но я не употребляю на ночь калорийную пищу. А вот Базиль с удовольствием ею угостился. И до сих пор из номера выйти не может.

– Ой! – ахнула Роза.

– Если я расскажу Илье Алексеевичу Ковригину, близкому другу своего мужа, какие порядки у вас в отеле, сообщу, что портье запросто

приносит в номер еду неизвестно от кого, то...

Я сделала драматическую паузу.

– Не надо, пожалуйста, не надо, – взмолилась Роза, – меня уволят.

– Хотите, чтобы никто не узнал о вашем глупом поступке? – осведомилась я. – Желаете сохранить хорошее место работы? В Фурске ведь трудно устроиться туда, где тепло, чисто и вокруг в основном приятные люди.

Роза начала всхлипывать.

– У меня мама болеет, надо за лекарства платить.

– Удивительное дело, – заметила я, – все, кто за деньги совершает некрасивые поступки, всегда имеют родственников со страшными недугами и обязаны их снабжать таблетками.

– Всего-то пять тысяч получила! – брякнула Роза.

– Теперь осталось узнать, кто вам их дал, назовите имя, – потребовала я.

Только сейчас моя собеседница сообразила, что выдала себя, и снова зашмыгала носом.

– Честное слово, я хотела помочь вашему жениху.

– Интересно, – протянула я, – продолжайте.

Всхлипывая и безуспешно пытаюсь заплакать, девица изложила следующую историю.

Вчера вскоре после моего возвращения в номер Роза, которая скучала одна за стойкой, через громадное окно холла увидела, как у дверей притормозила дорогая иномарка, из нее вышел человек и направился к лестнице. Девушка вскочила и открыла входную дверь.

– Вас зовут Роза? – вежливо осведомился мужчина, глядя на бейджик. – Я Андрей, жених Степаниды Козловой. Невеста на меня смертельно обижена!

– Она в номере, – сказала Роза, которой, похоже, не объяснили, что она не имеет права никому, даже папе римскому (приди тому в голову мысль заехать в Фурск), сообщать сведения о постояльцах. Розе следовало позвонить в мой номер и сказать: «Вас на рецепшен спрашивает Андрей».

Но она решила пококетничать с мужчиной, поэтому захихикала.

– Ой! Что же вы такое сделали?

– Забыл поздравить ее с годовщиной нашего знакомства, – грустно пояснил гость, – сделайте одолжение, передайте Степочке пирожное, авось она перестанет дуться. Вот вам за труды.

Увидев пятитысячную купюру, дежурная сразу поняла: мужик богат. Нищий человек за ерундовое поручение столько не отвалит. Посетитель не

знает цену услуги, наверное, у него много горничных и все прилично получают.

– Сейчас отнесу, – пообещала Роза. – Но почему вы сами не хотите? Проходите, пожалуйста.

– Нет, – отказался Андрей, – Степанида девушка с норовом, она мне коробку в лицо бросит. Пусть съест пирожное, а я позвоню и скажу, что это мое извинение. Уж не выдавайте меня! Не говорите, кто десерт принес!

Роза замолчала, потом зачастила:

– Ничего плохого я не совершила. Вы сначала отказались от пирожного, а потом родственника за ним прислали.

Я молча слушала девушку. Жениха Андрея у меня нет, есть муж Роман Звягин. Кто и зачем принес пирожное? Если вспомнить, что Базиль, который при словах «взбитые сливки с фруктами» теряет разум, слопал пирожное, которое предназначалось мне, а теперь почти сутки храпит, то можно предположить, что вкусняшку нашпиговали снотворным. И с какой целью некто хотел обеспечить мне крепкий сон?

Я посмотрела на Розу, которая стояла, выпучив глаза и приоткрыв рот.

– Это все?

– Да, да, да, – закивала она, – честное слово!

– А где браслет? – вкрадчиво осведомилась я.

Роза отшатнулась.

– Зачем он мне? Ерундовый совсем! Три рубля ему цена.

Я засмеялась.

– Вам следовало отреагировать иначе, вы лучше бы спросили: «Какой браслет? О чем вы?»

Девушка прижала руки к груди.

– Пожалуйста! У меня...

– Больная мама, – остановила я ее. – Уже слышала это. Жаль вашу матушку, но ее состояние не дает вам права входить в номер без спроса и рыться в вещах постоялицы. Кстати, врать надо умело. Как зовут вашу коллегу, которая сейчас дежурит за стойкой?

– Зоя, – жалобно протянула Роза. – Простите меня! Только из-за больной мамочки...

Мне надоело слушать охотничью историю, я открыла дверь гостиницы.

– Зоя!

Дежурная быстро пересекла пустой холл.

– Слушаю вас!

– Вы знаете мать Розы? – спросила я.

– Маргариту Борисовну? – удивилась Зоя. – Конечно, она у моего младшего брата классный руководитель.

– Наверное, ей тяжело, она болеет, но работает, – продолжила я.

– Болеет? – повторила Зоя. – Чем? Розочка! Что случилось с тетей Ритой? Только вчера она Олежику двойку по алгебре вклеила и велела репетитора лентяю нанять. Я чего-то не знаю?

– Она импланты ставит, – нашла Роза, – больно очень ей.

– Ой, плохого врача нашла, – распереживалась Зоя, – у моей бабки их полон рот, она спокойно все сделала. Сейчас сильную анестезию придумали. Ты вообще собираешься меня сменить? Домой мне пора.

Я посмотрела на часы.

– Зоя, можете немного задержаться?

– Ну... – протянула та. – А зачем?

– Роза ненадолго ко мне в номер поднимется.

– Нам запрещено заходить к постояльцам, – возразила Зоя.

– Поэтому я и прошу вас посидеть на рецепшен, – терпеливо объяснила я, – пока Роза не за стойкой, она не на службе и вольна делать что хочет.

– И что мне за услугу будет? – осведомилась девушка.

– Замечательный набор от фирмы «Бак», – пообещала я, – пудра, губная помада, тени, тушь.

– Согласна, – воскликнула Зоя.

Мы быстрым шагом пересекли холл, поднялись на этаж, я открыла дверь.

– Чувствуйте себя как дома.

Роза молча села на диван, я опустилась в кресло и велела:

– А теперь выкладывайте все честно, только в этом случае то, что произошло ночью, останется между нами.

– Я не соврала ни крошечки, – начала каяться Роза, – только он мне не пять тысяч дал. Двадцать.

– Ну и ну! – удивилась я.

– У меня... – начала Роза.

– Про бедную маму не надо, – предостерегла я.

Собеседница махнула рукой.

– Не живу я с ней. Такая зануда! С утра до ночи твердит: «Иди на факультет педагогики, получи профессию». Ага! А потом всю жизнь тупым детям про Пушкина рассказывай? Шикарная перспективка! Я объяснила: «Хочу стать актрисой, сниматься в кино, деньги получать, славу». Мамахен меня проституткой обозвала, я ей на башку кастрюлю с компотом вылила и

ушла. Навсегда. Мне очень деньги нужны.

– У меня не особенно богатый жизненный опыт, но я ни разу не встретила с человеком, который бы сказал: «Деньги меня не волнуют. Есть они? Хорошо. Нет? Ну и не надо. Живу, как райская птичка», – усмехнулась я. – Меня не интересует причина, по которой вы согласились принести мне пирожное. Изложите суть событий.

Роза затараторила сорокой:

– Вы не взяли еду, я с ней вниз ушла, а вы потом передумали. Я задремала в холле, в дверь постучали, опять пришел Андрей, сказал: «Степанида звонила, я к ней. Спасибо, сработала корзиночка с фруктами. Невеста больше не злится». Вот и все.

– Андрей пошел в мой номер? – уточнила я.

– Ага! – подтвердила девушка.

– А когда он покинул гостиницу?

– Не помню, очень спать хотела, прилегла в задней комнате, подумала, если кто явится, то позвонит, и я сразу проснусь, – призналась Роза, – Андрей очень тихо смылся, я в шесть очнулась, гляжу, щеколда открыта. И чего вы мужика выперли? Похоже, он с деньгами, одет хорошо, машина не дешевая.

– Какая? – быстро спросила я.

Роза вытянула губы трубочкой.

– Не разбираюсь в колесах. Но точно не «Жигули». Блестящая, черная, внедорожник.

– Внешность Андрея опишите, – потребовала я.

Роза начала размахивать руками.

– Ну... Волосы короткие, борода, усы, очки, на щеке здоровенная родинка. Не красавец, но мужику и не обязательно очаровашкой быть. Главное, сколько он в месяц имеет. Если около полумиллиона, то мне и страус понравится. Одеколон у него чумовой. Запах! Офигенный! Никогда такой не нюхала.

– Можете о его спутнице рассказать? – попросила я.

– Так он один был!

– А кто за колку потерял? – уточнила я. – А-а-а! Это вы с ним в комнату входили!

– Только на секунду, – заныла Роза. – Он просил проверить, спите ли вы. Ничего плохого я не сделала, я же не Анна Сергеевна!

– Кто? – спросила я.

Роза затарахтела:

– Моя мамаша в школе работает. У них там была библиотекарша,

которая делала привороты. Колдунья. Потом Анну Сергеевну выгнали, потому что ее дочка-школьница спала с мальчишкой из своего класса, а тот от несчастной любви поехал в Москву и там утопился.

– Зачем бедняге ехать в столицу? – не выдержала я. – Думаю, вокруг Фурска воды полно.

– Только в лужах, – весело сказала Роза, – утопиться без шансов. А в Москве река течет. Мальчик сын начальника полиции, папаша разозлился на Анну Сергеевну. Почему она дочери разрешила развратно себя вести? Он пошел к мэру, они сестры были.

У меня начала кружиться голова, и я спросила:

– Ты кого имеешь в виду?

– Жены, – внесла ясность Роза, – мэрская и полицейская, родные. Обе потом умерли! Заразились какой-то болячкой. Точно не знаю чем, может, грипп особый! Пошли в баню, чтобы поправиться, и угорели. Анну Сергеевну выгнали из школы. Про нее давно шептались: ведьма, умеет исполнение желаний наколдовать, делает духи. Вот, например, захочу я вашего жениха Андрея отбить. А как это проделать? Надо бежать к ведьме, купить пузырек, подушиться, несколько раз около Андрея походить, и он мой! В Интернете пишут, что разные фирмы придумали ароматы, которые мужчин притягивают. Но я такие не видела. Они вообще есть?

– Парфюм с феромонами, – объяснила я. – Когда их только выкинули на рынок, поднялся ажиотаж. Сейчас спрос упал.

– Почему? – заморгала Роза.

Я хотела сказать девушке, что поймать парня на крючок из духов, черных чулок, силиконового бюста можно, а вот удержать его с помощью этого набора навряд ли удастся. Духи с феромонами «Бак» не выпускает, я полагаю, что они просто маркетинговый ход. Конечно, в любой приличной фирме есть лаборатории, которые делают штучный товар по личным заказам. У «Бак» есть несколько клиенток, для которых конструируют индивидуальный аромат и флакон. Но лучше вам не знать, сколько стоят сто миллилитров эксклюзива. Основная масса женщин приобретает то, что есть на прилавке. Ну а теперь включим логику. Партия духов прибыла в магазины. Содержимое всех бутылочек пахнет одинаково, и в них добавлена приманка для сильной части человечества. Одна дама опрыскалась, среднестатистический Вася, забыв про сон, еду, работу, кинулся к ней. Но мимо него прошла другая пава, от нее теми же феромонами веет. Вася в другую сторону бросился. Ан из-за угла выплывает третья дива в шлейфе аромата. Вася рысью туда. Вот несчастный! Он же с ума сойдет, носясь за всеми бабами! Что бы там

женщины ни говорили и ни думали, настоящий мужчина не простое кнопочное устройство с малым набором функций. Поест, поспать, покурить, выпить пива, посмотреть телевизор... Все! Подобные экземпляры есть, но их не так уж много, нормальных мужчин больше, и они вовсе не идиоты.

– Вот такая трагическая история, – продолжала Роза, – все умерли, кроме Анны Сергеевны и ее девчонки, из-за которой вся фигня получилась.

– Вы про дочь библиотекарши говорите? – уточнила я.

– И кому она была нужна, – продолжала Роза, – ни кожи, ни рожи! Страшила. Анна Сергеевна сделала свои колдовские духи, велела дочке... забыла как ее звали...

– Наташа, – подсказала я.

– Во! Точно! Откуда знаете?

– Я назвала одно из самых распространенных женских имен, – соврала я, – хотела продолжить список: Маша, Катя, Оля, Таня – и случайно попала в яблочко.

– Приказала Наташе вокруг сына полицейского крутиться, – азартно продолжала Роза, – тот надышался и влюбился. И что вышло? Парень с собой покончил! Мэрская и полицейская жены умерли в бане от вируса! Наташка убежала, ее нашли и посадили!

От большого количества «правдивой» информации меня стало тошнить, но я не удержалась от вопроса:

– За что?

– Малолетнего соблазнила, – с видом знатока заявила Роза, – поверьте, я эту историю лучше всех знаю. Мой парень Юрик делает газету в Интернете. У него на всех жителей Фурска есть много интересного. Еще хотите чего спросить?

– Спасибо, нет, – ответила я, – если вдруг Андрей опять придет в гостиницу, позовите меня. И постарайтесь незаметно сфотографировать номер его машины.

– Ладно, – кивнула Роза, – а вы дайте честное слово, что никому не расскажете про пироженку, заколку и меня.

Глава 21

Утром, собираясь на съемку, я зачем-то включила телевизор и стала вполуха внимать местным новостям. Рассказав о том, как споро идет ремонт в местных школах, директора которых в июле уже думают о первом сентября, дикторша перешла к криминальным новостям:

– Несчастный случай или самоубийство в печально известном желтом доме. В районе полуночи в палисаднике господин Махонкин обнаружил тело Елены Филипповны Зайцевой. Мы рады показать вам эксклюзивный репортаж с места событий.

Я чуть не подавилась кофе, который пять минут назад принесла мне горничная. Журналистам надо думать над тем, что они говорят и что пишут. Отчего сейчас ликует блондинка на экране? Радуетса оперативности коллег, которые первыми примчались на место. Но ведь там кого-то убили! Хорошо ли бить в ладоши от такой новости?

На экране появились лысый мужчина и девушка с микрофоном в руке.

– Геннадий! Расскажите нашим телезрителям о происшествии.

– Ну... э... типа... ваще... я пошел отлить... до дома невтерпеж. Гляжу... ваще... баба... – закрихтел дядька, – ваще... типа... мертвяк... того... самого... я в морге санитаром... типа... ваще... работал... позвал легавых... ну... вот...

– Имя труппа знали? – поинтересовалась репортер.

– Так... покойница... типа... ваще в соседней квартире живет... типа снимает у бабки Верки... во она устроилась, семь однушек имеет, карга, блин, старая, а мне сосиски купить не на что! – разразился тирадой Геннадий.

– Ваше мнение, труп самоубился или его кто-то жизни лишил? – не отставала теледевушка.

– Ну, – задумался Махонкин, – мать у ней та еще бабень, вечно с дочкой собачилась! Она тоже в нашем доме живет, но на днище, на первом этаже. Мы, элитные, на пятом, а голытьба на земле. Точно Тонька девку довела, вот та из окна и скундыкнулась. Мужика она ей не простила.

– Какого? – с жарким любопытством осведомилась интервьюер.

– Ну... такой... борода, усы, очки, – перечислил Геннадий, – сидемши был он на детской площадке. Да вы у моей бабы спросите. Кать! Кать!

– Чего тебе? – донеслось издалека.

– Подь сюда!

- За фигом?
- Телевидение зовет.
- Че им надо?
- Про труп спрашивают.

В зоне видимости показалась огромная женщина в футболке невероятного размера.

– Здравсти, – улыбнулась она и провела рукой по кудряшкам.

Я, словно замороженная, смотрела на экран. Оказывается, еще есть дамы, которые делают пресловутую химию «на мелкие палочки», красят брови-нитки в угольно-черный цвет, а волосы в оттенок «прокисший майонез», накладывают на веки пронзительно-голубые тени, губы превращают в морковки, щеки освежают туберкулезным румянцем (на языке стилистов он называется «матрешечка»), а пудра у них ярко-розовая перламутровая.

– Я с работы приперлась, – мирно объяснила жена Геннадия, – я с людьми постоянно, надо хорошо выглядеть. Но сегодня у нас день шляпок, а модель, зараза, кинула, не явилась, пришлось самой панамы, шапо и всякое разное демонстрировать. Стилистом я работаю!

Как на грех, именно в этот момент я решила сделать еще глоток кофе и опять поперхнулась. Она стилист?

– Представляю фирму «Каге», – вещала бабень, – Катя плюс Геннадий. Мы с мужем точку открыли, качественная одежда для всех возрастов. И детская в наличии. Приходите к нам, цены радуют, всегда есть скидки. Улица Морская, дом один. Вот. Подбор лука мной бесплатно, уйдете с готовой ансамблей, и украшение подскажу.

– Что вы можете рассказать по поводу трупа? – прервала рекламную паузу корреспондентка.

– Это Ленка Зайцева, – зачастила Екатерина, – медсестра неудачная. Отовсюду ее выгнали. Везде с неприятностями работала. Один раз я попросила ее укол поставить...

Екатерина махнула рукой, которая здорово напоминала голяшку хамона. Кабы у вкусного продукта вместо черного копыта были покрытые зеленым лаком ногти, то ни одного отличия между сыровяленой ветчиной и верхней конечностью «стилиста» не нашлось бы.

– Ткнула меня иглой, как топором рубанула, – жаловалась Катя, – в последний год в психушке служила, ниже уже не упасть! С идиотами работала.

Я обомлела. Елена Зайцева! Это же Лена, которая умоляла меня увезти ее из Фурска. У нее на «пижаме» висел бейджик с именем и фамилией.

– Про мужика расскажи! – посоветовал супруг.
– Какого? – не сообразила Катерина.
– Он ее на площадке ждал!
– Кого?
– Ленку!
– Тю! На нее ни один парень не смотрел! Даже Анька-колдунья Зайцевой не помогла!
– Так ты ж говорила: «Вот мужик Ленки сидит», – напомнил муж, – еще уточнила: похож на Григория Константиновича бородой. На Огаркова.
– На Огаркова? – подпрыгнула репортер. – Вы уверены? Он умер.
– Точно, – вздохнула Катя. – Жаль! Хороший человек Григорий был. Правда, Гена?
– Золотой, – кивнул супруг, – очень переживательный. За больных прямо радел. Мне говорил, что любая зараза через еду передается. Я не понял как!
– Спасибо, – остановила репортер Геннадия и стала говорить в микрофон: – Огарков – доктор наук, специалист по редким заболеваниям. Разрабатывал вакцину от всех болезней. Но программу «Расследование Виктории» сейчас интересует смерть трупа в палисаднике желтого дома.
– Вон ее мать идет! – заорал Геннадий. – Тонька, вали сюда! Тут телик про твою Ленку спрашивает!
– Да пошли они! – раздался женский голос.
– Тоня, – надрылся Геннадий, – не злись! Тебе посочувствовать хотят в связи со смертью дочки. Не гавкай. Подь сюда! Тебя по телику покажут.
– Да пошли они! Вечно врут! Кто умер-то? – заголосила невидимая женщина.
– Во спросила! – изумился Махонкин. – Ленка твоя!
На экране появилось изображение женщины, похожей на злую курицу.
– Махонкин! Тупой баран! Ленка жива!
– Не! Умерла! – хором ответили супруги.
– Вы, конечно, лучше знаете, что с моей дочерью, – скривилась Антонина.
– Труп не умер? – обомлела корреспондентка.
– Представь себе, жив! – рявкнула старшая Зайцева.
– Но тело в палисаднике нашли, – изумилась журналистка, – нам позвонили, сказали...
– Позвонили, сказали, – передразнила Антонина. – Всему, дура, веришь, что болтают? А как с забором? Если на нем надпись имеется, тоже, значит, не сомневайтесь, что это правда? Заглянешь за изгородку поглядеть,

не торчит ли там то, че написано? Врет твое телевидение! Ленка в клинике. Она где-то напилась, до дома кое-как доплюхала, под окнами упала. Назююкалась до отключки. Дочь моя материнское горе! По мужикам таскается, водку глушит, наркоту курит. И соседи...! Подняли лай! И телевидение ваще...!!

Милая матушка Елены открыла здоровенную фейковую сумку, якобы от Луи Вюиттона, вынула оттуда что-то и швырнула в камеру. На секунду мне показалось, что прямо в меня летит небольшой белый мячик. Через долю секунды он ударил в объектив, по экрану медленно расплзлось желтое пятно.

– Во дает, – заржал Геннадий, – яйцами швыркается!

– Че стоишь? – завопила репортер. – Давай запись!

Все звуки пропали, экран потемнел, но тут же обрадовал красивой картинкой: молодая женщина с указкой у карты. Очаровательно улыбаясь, теледевушка заворковала:

– Сейчас я расскажу вам о том, какая погода была вчера!

Глава 22

Я выключила телевизор, слушать про вчерашнюю погоду было совсем неинтересно, и подошла к окну. Как удачно ограбить торговую точку? Надо найти магазин с большой выручкой и заявиться туда в воскресенье поздно вечером перед закрытием, когда в кассе точно скопится приличная сумма. А парочка, одетая в костюмы зверушек, прибежала в только что открытый бутик «Бак», о котором пока мало кому известно, да еще в полдень в будний день, в самое «провальное» для торговли время. В магазинах нашей фирмы ежедневно бывает три волны посетителей. Рано утром забегают женщины, они хотят бесплатно подушиться или попользоваться тестерами губной помады, пудры. Экономят. Вошли, пощикались духами, понесли на службу, и пахнут приятно, и ни копейки не потратили. Как правило, эта категория посетителей ничего не приобретает. В обед заскакивают пенсионеры, служащие из близлежащих контор, домашние хозяйки. А с пяти вечера начинают подтягиваться те, у кого завершился рабочий день. Две последние группы делают основную дневную прибыль.

«Кролик» и «утенок» притопали в полное безлюдье. Любители дармовщинки уже унеслись, обед еще не начался. В кассе было почти пусто. Они первый раз пошли на дело? Или бандиты просто не очень умны? И главный вопрос: зачем убивать Люсеньку? Большинство преступников знает: за ограбление им дадут один срок, а вот за убийство другой, намного длительнее. Лишать кого-то жизни они не станут. Только не подумайте, что из человеколюбия, просто не хотят долго в бараке жить. Какой смысл им стрелять в тетку? Мерзавцы подумали, что жертва убежит? И что? Она не видела их лиц, не смогла бы описать их внешность. Уголовники не хотели, чтобы женщина сообщила, в каких костюмах они были? Но тогда лишить жизни следовало всех, кто находился в зале! Почему они не стреляли в кассиршу? Логично пальнуть в девушку, которая сидит на деньгах. Однако Наташа успела мне сказать в кафе, что ее бросили на пол вместе с креслом, чтобы не поранить во время стрельбы.

Я отошла от окна. Зиновьев ошибается, думая, что цель преступников касса. Охота точно шла на Люсеньку. Вот тогда весь абсурд превращается в точный расчет.

Ростовые фигуры, боясь пропустить появление жертвы, ходили по парковке, прикидываясь живой рекламой. Магазин и время были выбраны так, чтобы столкнуться с наименьшим количеством покупателей, избежать

человеческих жертв. Киллер толкнул Наташу, потому что не собирался лишать ее жизни, у ликвидатора была другая цель. Как больная женщина смогла покинуть клинику? Думаю, ей передали ключ, сказали: «Ждем тебя в магазине “Бак”». В бутике произошло убийство, которое замаскировали под ограбление.

Надо немедленно позвонить Юрию Петровичу! Я схватила трубку, но тут в голове прозвучал голос: « Степа, не спеши! Вспомни про пирожное, которое принесла Роза. Когда она появилась? Вскоре после того, как ты соединилась с главой полиции Фурска и рассказала ему о браслете, который потеряла Люся».

Я села на кровать. Ну-ка, Степа, как развивались события? Ты вернулась в отель. Там в холле к тебе подошел мужчина, назвался сыном Нины Петровны, женщины, которую убили в бутике. Незнакомца очень интересовало, что его мать сказала мне перед смертью. Я объяснила, что дама говорила что-то малозначительное, а перед ограблением произнесла пару пустяковых фраз, в которых никак не упоминался сын. Мужик ушел. Потом я нашла в своей сумке браслет и побеспокоила Зиновьева, хотела узнать у него телефон сына погибшей. Юрий Петрович объяснил, что личность жертвы пока не установлена, никого он ко мне не посылал, предположил, что со мной беседовал журналист из желтого издания, хотел нарыть эксклюзив.

Я вскочила и схватила бутылку с водой. Что произошло дальше? Примерно через час Роза принесла пирожное, которое я пробовать не стала. А ночью ко мне в номер с помощью все той же девицы тайком проник человек. Я проснулась, незваный гость сбежал, но он успел унести браслет. Внимание! Вопрос дня! Кто знал, что украшение у меня? Кому я сообщила про него? Только одному человеку. Зиновьеву!

Раздался звонок мобильного, я схватила трубку.

– Звоню пожелать хорошего дня, – сказал Роман. – Как дела? Базиль проснулся? Или до сих пор дрыхнет? Когда мы с тобой вчера завершили разговор, «малыш» благополучно храпел.

– Все хорошо, – бодро ответила я, – сейчас на съемку собираюсь.

– Не нравится мне твой голос, – вздохнул муж.

– Что не так? – удивилась я.

– Слишком бодрый и фальшиво радостный, – объяснил Роман, – немедленно рассказывай! Выкладывай, в какую неприятность опять вляпалась. Давай, не молчи!

Глава 23

– Снимаем вторую часть! – весело заявил Владимир. – Сегодня у нас нормальный актер, без пальцев веером! Николай Лаврентьев.

Мужчина, который стоял у кассы, поклонился.

– Добрый день.

– Рада знакомству, – ответила я. – Но... Владимир, можно вас на секундочку?

– Девушка, – поморщился постановщик, – вам начальство велело помогать мне, а не мешать в процессе работы. Кофе принеси! Живо!

Я давно уже поняла, что режиссер принял меня за мелкую сошку, администратора на побегушках, и с каждым новым словом «гений» нравился мне все меньше и меньше. Не стоит надувать щеки в присутствии скромного сотрудника, и чашку эспрессо можно попросить по-разному. «Кофе принеси, живо» и «Сделайте одолжение, угостите меня кофейком, никак проснуться не могу». Желание одно и то же, но форма его выражения разная.

– Ау! Не спи, – скомандовал Владимир, – кофе тащи.

– С удовольствием. Но сначала поговорим о работе, – сказала я.

Режиссер рассмеялся.

– Деловая колбаса! Вали на цырлах за стаканом!

– Мне надо посмотреть первую часть ролика, но вы ее не прислали, – спокойно продолжила я.

– Послушай, – поморщился Владимир, – понимаю, тебе хочется казаться начальницей. Но решение принимаешь не ты, а Степанида Козлова, жена главного босса. Я ей уже все отправил.

– Она не получила письма, – сообщила я.

– Откуда знаешь? – удивился постановщик.

– Продублируйте послание, – попросила я и, взяв сумку, ушла в служебное помещение.

За мной поспешила управляющая Алевтина.

– Госпожа Козлова, почему вы не сказали грубияну, кем являетесь?

– Зачем его смущать, – усмехнулась я, вытаскивая айпад. – Аля, извините, можете Владимиру эспрессо налить?

– Конечно, сейчас сделаю.

– Знаю, что подача напитков не входит в ваши обязанности, – продолжила я, – но в бутике пока наняты не все служащие, у вас секретаря

нет.

– Мне не трудно нажать на кнопку, а потом отнести противному крикуну кружку, – заверила Аля.

– Спасибо, – поблагодарила я, – не говорите ему правды обо мне.

Алевтина умчалась, я открыла айпад, увидела письмо, только что прилетевшее от Владимира, и включила видео. Через пару минут стало ясно, что грубый, бесцеремонный, считающий себя гением парень на самом деле талантлив. Владимир ухитрился найти кадры, которые после монтажа сложились в хорошее начало ролика. По улице бежит Магда, из-под ее лап вздымаются в разные стороны фонтаны воды. Со счастливым лаем собака кидается к бедно одетому мужчине. Из-за ливня картина слегка размыта, лица мужика, которого бурно приветствует псина, не видно, его фигура расплывается, ее очертания искажены. И дорогие замшевые ботинки не в фокусе. Дверь магазина открывается, человек и собака входят в бутик «Бак».

Я встала, направилась в зал, но тут проснулся мобильный, номер того, кто искал меня, отсутствовал в контактах, но меня это не смутило, ведь звонила не личная, а служебная трубка.

– Степанида? – спросил бас. – Игорь Родионов беспокоит, детектив, ваш телефон мне дал Звягин. Надо встретиться. Если сегодня в районе пяти? Роман попросил кое-что вам сообщить.

– Спасибо, – обрадовалась я. – Где нам лучше побеседовать?

– Думал, вы подскажите, я приеду из Москвы, давно не живу в Фурске, поэтому плохо знаю, какая там обстановка. Может, в гостинице?

– В отеле не стоит, – забормотала я, – там очень любопытные девушки на рецепшен, а одна вызывает еще и подозрения. Соображу и напишу вам.

– Если мне что-то в голову придет, тоже эсэмэску пришлю, – пообещал Игорь.

– Только ничего не сообщайте своим друзьям, если они в Фурске в полиции работают, – предупредила я, – у меня в голове бродят разные, в основном неприятные, мысли о местных служителях закона.

Из трубки послышался кашель.

– Нет у меня таких. И вы там тоже не проявляйте активности. Роман нервничает, переживает, что прямо сейчас к вам примчатся не может. Бойтся за вас.

– Все нормально, – заверила я, – просто кое-кто тут самозабвенно врет. Мой муж сейчас в Хабаровске, ему никак в Фурск за час не добраться. И я самостоятельная, не привыкла прятаться за спину мужа.

– Это и пугает, – прогудел Игорь, – плохо, когда девушка изображает

из себя нежную незабудку, плачет от горького горя, сломав ноготь. Но дама на коне с саблей в руке... М-да. До встречи.

Положив в сумку все гаджеты, я быстро вышла в зал и услышала радостный вопль:

– Степа!

Ноги приросли к полу.

– Не ждала? А мы приехали! – весело кричала дама, быстро шагая в мою сторону.

Только одна старушка на свете способна влезть в ядовито-розовые бриджи с каймой из зеленых стразов, подобрать к ним оранжевую майку с надписью на французском языке, а сверху надеть красную шелковую коротенькую курточку.

Задолго до моего рождения великий модельер Ив Сен Лоран шокировал мир моды, представив коллекцию, где смешал розовый и красный цвета разных оттенков. Гениального француза растоптали критики, а коллеги за глаза и в глаза стали называть его сумасшедшим. Но спустя короткое время после показа улицы Парижа заполнили обычные женщины, которым безумный коктейль очень даже понравился. Из Франции мода на красные юбки с аккомпанементом розовых блузок разбрелась по всей Европе, достигла Азии, перелетела в Англию, США. В наше время низ цвета фуксии и верх колера петушиного гребня никого не удивляют и не смущают. Но моя бабуля Изабелла Константиновна, которая любит, чтобы ее называли Белкой, сейчас переплюнула Ив Сен Лорана. Она сгруппировала в ансамбле ядовитое розовое, дикое зеленое, взбесившееся оранжевое и пожарно-красное. Добавьте сюда сумочку из белого плюша в виде ангорской кошки с голубым ошейником с золотыми колокольчиками на шее, губную помаду цвета «пьяный баклажан» и две заколки в волосах. Одна выполнена как жаба, вторая – как муха. Соответственно, у нас еще присутствует болотный акцент и «цвет брюшка селедки».

– Мы приехали поддержать тебя! – радостно вещала Белка.

– Мы? – спросила я.

– Не видишь Лару? – удивилась бабуля. – Вон она на губную помаду лобуется, но, как всегда, ничего не купит.

Я всмотрелась в зал. Маленькая, худенькая, одетая во все серое женщина, которая стояла около Алевтины, помахала мне рукой.

Лариса всегда одета одинаково, ее стиль: мышь из самого бедного монастыря. Но это не мешает им с Изабеллой Константиновной много лет состоять в нежной дружбе.

Белка выставила вперед одну ногу.

– Только не говори, что так нельзя!

Я глянула на ее ступню. Сколько лет я твердила бабуле:

– Белые носки с босоножками не носят. Открытые туфли предполагают исключительно голые ноги.

– Так удобнее, – отмахивалась Изабелла Константиновна. – И по какой причине я должна следовать правилам, которые не пойми кто придумал?

Мне оставалось только молча вздыхать. Но потом совершенно неожиданно в Париже по подиуму пошли девушки, которые выглядели, как родственницы Белки, все, как одна, в белых носочках и босоножках.

Потом Изабелла Константиновна полюбила цыганские юбки, и через пару лет точь-в-точь такими зашелестела очередная неделя моды.

Не так давно модельер Курт Шафьер во время вечеринки по поводу столетия своего бренда, который основал его дед, показал на Белку и сказал:

– Степанида, твоя бабуля в вечернем платье и кроссовках со стразами. А в волосах у нее здоровенное украшение в виде кошки.

Я грустно ответила:

– Курт, некоторыми воздушными змеями невозможно управлять. Они летят куда хотят, и плевать им на красивые самолеты, которые машут крыльями по расписанию. Я не имею ни малейшего влияния на Белку. Полагаю, что кроссовки она украсила сама, купила на рынке блестящие камни и посадила их на клей.

Курт поставил бокал.

– Изабелла трендсеттер^[2], она невероятно талантлива, предвосхищает моду. Но ты не способна оценить ее по достоинству. «Нет пророка в своем отечестве» – так в Евангелии сказано. Простите, дорогая! Мне надо пошутиться с Белкой!

Результатом их беседы стала коллекция обуви, утыканная «бриллиантами». Белка получила от Шафьера ну очень приличную сумму за идею. И что мы имеем сегодня? Нынче стразы торчат даже из валенок, сочетание кеды – бюстье является самым модным, а украшения для волос в виде животных покупают и детсадовцы, и пенсионерки.

– Как тебе? – спросила Белка, демонстрируя бархатные тапочки. – Вообще-то они для дома, но летом почему нет?

– Оригинально, – согласилась я.

– Эй, девушка, мы будем снимать или продолжим языки чесать? – возмутился Владимир.

Глава 24

Белка резко повернулась.

– Вы кто?

– А вы? – нагло отреагировал постановщик.

Изабелла Константиновна широко улыбнулась.

– Бабушка Степы.

– Бабушка Степы, – заржал Владимир. – Дяди, полагаю? Дяди Степы милиционера?

– Хам, – громко сказала Лара.

Постановщик опешил и повторил вопрос:

– Вы кто?

– Подруга Белки, – гордо заявила Лариса, – мы приехали оказать моральную поддержку девочке, которая открывает бутик. И видим невоспитанного грубияна. Секундочку!

Лариса выудила из недр серой сумки золотой айфон, усыпанный бриллиантами, и тихо сказала:

– Мальчики, разберитесь!

Совсем забыла сказать! Лариса много лет счастлива замужем за Витюшей, который в советские годы числился кочегаром в котельной. В реальности там работал другой мужик, он же получал зарплату Виктора, на которую и воробей не прокормится. А супруг Лары являлся одним из самых крупных московских фарцовщиков. В перестройку Витюша не растерялся, пустил в ход незаконно нажитую валюту, и теперь ему принадлежит множество торговых центров в России и ближнем зарубежье. Виктор Афанасьевич давно смирился с манерой жены носить все серое и балахонистое. Но в отличие от меня, которая просто тихо ныла, прося Белку снять голубой свитер, к которому она пришила зеленую бахрому от абажура, Витюша заявил жене:

– Фиг с тобой! Прячь свой тридцать шестой размер в тряпках, которые слонихам подойдут. Но украшения, часы, аксессуары изволь носить те, которые я тебе дарю. Если к мешку, в который ты закуталась, не добавить брюлики, мои заклятые сердечные друзья будут думать: «У Каштанова дела плохо катят».

Вот почему Лариса всегда сверкает каратами и золотом. Один раз она мне со смехом сказала:

– Витюша притаскивает такие каменья, что не особенно

разбирающиеся в украшениях люди полагают, будто у меня бижутерия. И я их понимаю! Ну кто ходит на рынок в подвесках, из которых торчат изумруды с кулак? Кто? Госпожа Каштанова!

– Лариса Сергеевна, вы нас звали? – заорали два молодца, одинаковые с лица, с фигурами треугольной формы, наряженные в черные костюмы.

Лара показала на режиссера:

– Он хамит Белке.

– Мужик! – укоризненно произнес один охранник. – Ну ты даешь!

– Попутал берега, – печально подхватил второй. – О-хо-хо!

Я занервничала.

– Мальчики, оставьте Володю в живых, мы еще клип не досняли.

Просто вежливо попросите его впредь не грубить.

Секьюрити посмотрели на Лару, та кивнула:

– Делайте, как Степанида велит!

– Владимир, – торжественно произнес один из охранников, – убедительно просим вас вести себя корректно. Соблюдать сдержанность, как в речи, так и в движениях. В противном случае...

– ...мы тебе, козлу, рога обломаем, нос на колено натянем, – радостно дополнил второй.

Первый поморщился.

– Лариса Сергеевна, уж простите стажера! Он хороший специалист. Из наших, из бывших, но воспитание пока хромает. Я его обтешу.

– Не сомневаюсь в ваших способностях, Сережа, – кивнула Лариса, – вы пока оба свободны.

Бодигарды удалились.

– Степанида? – пролепетал режиссер. – Вы?

Я кивнула.

– Козлова?

Мне пришлось снова согласиться.

– Почему сразу не сказали, кем являетесь, – заломил руки Владимир, – я посылал вас за кофе! И вообще... думал... вы девочка.

– Эспresso сделать не трудно, – улыбнулась я, – и вы не ошиблись, я никогда не была мальчиком. Очень хорошо смонтировали начало клипа. Давайте так же поступим с финальной частью. Магда, Магда! Где собака?

– Она ест крем для тела из тестера, – крикнула Аля.

– Немедленно отнимите, – велела я, – еще отравится.

– «Бак» везде пишет, что его косметика натуральная, – не удержался от ехидства Владимир. – Ой! Простите! Не хотел. Молчу!

– Вы имеете право говорить все, что думаете, – пояснила я, – есть

лишь один запрет: нельзя обижать Белку. Бабуле надо говорить только хорошее. А крем собаке нельзя не потому, что там нечто вредное, он жирный! Печень собаки на такую еду не рассчитана.

– Не отдает, – заорала Алевтина, – ловите бестию.

Из-за стендов с тушью вылетела совершенно счастливая Магда, в зубах она держала тубик.

– Фу! – закричала Несси. – Белка, помоги!

– Магда! – сурово заявила бабуля. – А ну, немедленно выплюнь!

Наша рыжебородая горно-пятнистая магера разинула пасть, туба упала на пол.

– Во, она вас боится! – восхитился режиссер.

– Уважает, – поправила Лариса.

– Подними и отнеси туда, где взяла, – приказала Изабелла Константиновна.

Магда схватила крем и унеслась, послышался грохот.

– Что случилось? – напряглась я.

– Вау! Собачка то, что сперла, на прилавок вернула. А-а-а-а! Она мыло теперь жрет! – завопила управляющая.

– Магда! – закричали все хором.

Псинка явилась пред наши очи и замела хвостом.

– У нее ничего во рту нет, – обрадовалась Несси.

– Значит, успела слопать, – пояснила Алевтина, – ну да не страшно. Товар для детей, мыло-ириска. И по виду такое, и по запаху. Очень хорошо понимаю Магду. Такой аромат идет от куска, что самой его слопать охота!

– Мне с ней надо работать? – спросил новый актер, показывая на Магдюшу.

– Да, – кивнула я.

Николай попятился.

– Ни за что!

– Почему? – удивилась я.

– Страшная, зубастая, – перечислил Лаврентьев, – обещали пуделя! Маленького! Карликового! Тихого!

– Сами вы страшный-зубастый, – обиделась Несси.

– Если вам Магдочка не по душе, то уходите, – топнула ногой Лара, – но не смейте обижать нашу любимую девочку. Кошечка моя, хочешь, куплю тебе ящик мыла с запахом ирисок? Алевтина, сколько у вас кусков на складе?

– Не надо Магде ничего приобретать, – остановила я Каштанову. – Николай, вы... А где артист?

– Убежал, пока ты на Ларку смотрела, – объяснила Белка, – скатертью ему дорога. Нам такие кадры без надобности.

Я села на диван. Так! У нас нет главного героя!

– Заинька, – пропела Лариса, – Степашка, не унывай, сейчас добрый Боженька все уладит. Уверена, ему тоже не нравится, когда собаку унижают!

И тут раскрылась дверь, в бутик вошел Леонид, его сопровождала Зинаида Федоровна. Увидев всю честную компанию, мать мэра обрадовалась:

– О! Все мои любимые! Белочка! Ларочка! Девочки, как хорошо, что вы приехали. Вечером к нам, и ни малейших возражений. Вова! Оцени Леню! Он оделся так, чтобы не посрамить «Бак». Степочка! Как тебе костюм?

Скажи мне кто десять минут назад, что я приду при виде Леонида в состоянии безбрежной радости, я бы расхохоталась. Но сейчас меня затопило счастье.

– Ленечка! Как хорошо, что вы с нами. Одежда сидит прекрасно. Но небольшая такая царапинка. Пиджачная пара сшита...

– Лучшим портным Англии, – перебил меня младший сын Зинаиды.

– А нам нужна одежда от фирмы «Бак», – договорила я, – она готова, висит в моем кабинете.

– Не хочу, – завел Леня.

Мать взглянула на «мальчика», как гиена на суриката.

– Где переодеваться? – вмиг поднял руки Леонид.

– Сейчас покажу, – защебетала Алевтина, уводя его.

– Значит, так! – воспрял духом Владимир. – Работаем в прежнем составе, Леня и Магда входят, их встречает консультант, уводит, а потом наша пара появляется вся в блеске, перьях и красоте.

– О! Мне нравится, – восхитилась Белка.

– А я за элегантность серого костюма, – возразила Лариса.

– Лучше без перьев, – быстро добавила я.

– Я не собирался их в собаку втыкать, – захихикал постановщик, – это просто шутка!

– О-о-о! – зааплодировала Несси. – Можно я изображу покупательницу?

– И я! – хором воскликнули остальные.

– Прекрасная идея, – согласился Владимир, он явно боялся спорить с матерью мэра, Белкой (она же бабушка самой Козловой), Ларисой, у которой два бодигарда плюс айфон стоимостью в особняк, и Несси,

которая, несмотря на свой простецкий вид, оказалась хорошо знакома со всеми дамами и явно своей в их компании.

– Степочка, ты не против нашего участия? – улыбнулась Агнесса Эдуардовна.

– Лично вашего – нет, – честно ответила я.

– Кто не ко двору? – мигом поинтересовалась Лара.

– Из вас получится прекрасная посетительница, – сказала я.

– Ясно! Мои туфли! – зашумела Белка. – Если они нехороши, то...

Изабелла Константиновна живо скинула цыганские тапки и осталась босой.

– Ух! Какая у тебя татуировка на ступнях! – пришла в восторг Несси. – Я тоже такую хочу! Больно делать?

Я разинула рот. На подъеме обеих ног бабули красуются изображения ракетных установок.

– Хна, – пояснила Белка, – рисунок на месяц.

Я выдохнула.

– Дай и мне адресок, – закричала Зинаида Федоровна, – шик и блеск. Погодите! Если все они годятся на роль покупательниц, то не подхожу я?

– Вы прекрасны, – заверила я, – но статус матери Ильи... Весь город вас узнает! Наверное...

Зинаида надулась.

– Всегда мечтала сняться в кино! И чтобы его показали по телевизору.

– И я! – подхватили остальные.

– Мне безразлично мнение обывателей, – отрезала Зинаида Федоровна, – если они не понимают искусства, то это не моя проблема. Ведь так?

– Да, – хором согласились Белка и Лариса.

– Значит, нет проблем, – объявила мать мэра. – Владимир! Начинайте!

– Съёмка не может стартовать без главного героя, – напомнил режиссер, – пока Леонид...

– Вот он! – воскликнула Белка и показала рукой налево.

Все повернули головы.

Глава 25

– Прекрасный костюм, – слишком радостно произнесла Зинаида Федоровна, – такой... э... ну... достойный. Bravo, Степочка, фирма «Бак» шьет... ну... э... вещи... такие... м... э... всякие... прямо залюбуешься. Ленечка, как тебе?

– Прекрасно, – заунывным голосом отозвался сын.

– Сказал так, словно не надел пиджачную пару, а хоронит ее, – хихикнула Белка.

– Девочки, вам нравится? – наседала на присутствующих Зинаида. – Девушка за прилавком, продавец!

– Я управляющая, – тихо поправила Алевтина.

– Что репа, что брюква, – отмахнулась Зинаида Федоровна, – забудьте о чинах и званиях. Как вам костюмчик?

– Сидит прекрасно, – громко сказала Алевтина, – как влитой!

– Во, точно, – обрадовалась Белка, – я все никак слово не могла подобрать. Именно – облитой!

– Влитой, – поправила Зинаида.

– Облитой, – повторила Изабелла Константиновна, – представьте: на фабрике чан, в нем жидкая костюмная масса. Мужика хватают, окунают, вынимают, сушат. И вот он весь облитый костюмом, ни сесть ему, ни охнуть, ни пукнуть!

Я уставилась на бабулю, а Лариса нежно пропела:

– Леонид смахивает на вкусную колбаску, толстенную, в тесной кишочке, на батоне много перевязочек, поэтому получаются складки такие жирненькие. Ну очень хороший продукт. Как его название... Вспомнила! «Телячья в синюге»!

Мой взор переместился на Ларису. А она не такая уж тихоня, сейчас ехидничает с самым невинным видом.

Владимир провел пятерней по волосам.

– Леонид, вы натянули сорок восьмой размер?

– Да, – кивнул парень.

– Наденьте пятьдесят второй, и начнем, – велел постановщик.

– Никогда! – отрезал наш «Гамлет».

– Да почему? – опешил режиссер.

Леонид надулся.

– Я в нем утону.

– Вот если ты прыгнешь в этом наряде в реку, то определенно пойдешь ко дну, потому что ни руками, ни ногами пошевелить не сможешь, – не удержалась Белка, – и, думается, тебе нужен пятьдесят четвертый.

– Нет! – разозлился парень. – Он для слонов. А я... я...

– Носорог? – подсказала Лариса. – Ой, они милые-милые. Мы с мужем их в Кении видели! Представляете! Украли у нас из сумки бутерброды.

– Так это, наверное, мартышки, – возразила Несси, – носороги огромные!

Я молча слушала их разговор.

– Костюм хороший, – продолжала Агнесса Эдуардовна, – но, Леня, сделайте уж нам, девушкам, одолжение. Накиньте пятьдесят четвертый. Просто интересно, как он сядет.

– Весь обвиснет! – разозлилось любимое дитяtko Зинаиды Федоровны.

– И все-таки, – нежно пропела Лариса, – просто для удовольствия дам, прикиньте одежду на два размера больше!

– Это невозможно, – вздохнула я, – в этом бутике нет этажа одежды. Я попросила сотрудницу, которая занимается нарядами для съемок, связаться с Леонидом, уточнить его параметры и прислать костюм.

– Курьер привез пиджачную пару вовремя, – решила поучаствовать в разговоре Алевтина.

– Вчера мы не успели снять вторую часть ролика, – пояснила я, – задержались с первой. А сегодня...

Я замолчала. Не стоит сообщать, что отсюда только что удрал актер, который мог прекрасно влезть не то что в сорок восьмой, а даже в сорок шестой размер.

– Зачем вы себя преуменьшили? – нежно пропела Лара. – Какая разница: толстый вы или худой?

– И что делать? – расстроилась Несси.

– Леонид, у вас дома есть какой-нибудь костюм от фирмы «Бак»? – спросила я.

– Российские вещи я никогда не надену, все дерьмо, – высказался парень, – у меня мировые бренды. Очень люблю Тэтро!

– У них размерная линейка заканчивается на пятидесятом, – усмехнулась я, – этот дом работает для тех, кто не справил тридцатилетие.

– Экая ты, – упрекнула Белка меня, – Леня не сказал, что носит Тэтро, объяснил, что очень его любит. Любить можно и то, что не носишь.

– Да, да, вот мой муж обожает футбол, называет себя спортсменом, – оживилась Алевтина, – сидит в кресле, пьет пиво, когда гол кому вмят, орет бизоном, одновременно ест сосиски, чипсы и повторяет: «Я навеки со

спортом».

– Костюма нет, – занервничал Владимир, – нужный размер привезут в лучшем случае завтра утром. Мне это не нравится. Я договаривался об одном дне съемок! А работы выходит на более длительный срок. Все. Точка. Снимаемся в этом! Кто тут главный, а? Я! Женщины, встаньте у товара, изображайте, что рассматриваете его. Леня и чудовище входят...

– Собаку зовут Магда, и она красавица! – воскликнула Несси. – А вам, молодой человек, давно нужно постричься, и руки у вас неделю не мыты.

– Девочки, не ссорьтесь, – попросила Зинаида.

– Я мужчина! – возмутился режиссер.

– Всегда считала, что настоящий мужчина не может оскорблять собаку, – нежным голосом протянула Лариса, – настоящий мужчина понимает, что он сильный как телом, так и духом, потому не станет самоутверждаться за счет пса с яркой индивидуальной внешностью. Кстати, все животные после смерти попадают в рай. А вот в отношении их хозяев и тех, кто обижает четвероногих, Господь не так терпим.

Владимир сделал вид, что не слышал замечания.

– Все по местам. Оператор! Мотор! Начали.

Белка, Несси, Лариса и Зинаида бросились к стендам, Алевтина встала за прилавок.

– Дорогая! – заорала Несси. – Я хочу купить вон ту помаду, цвета... э...

– Поноса розовой цапли, – включив звук на полную мощность, закричала Белка, – самый модный цвет сезона, мустанг для каждой бабы!

Я опешила. Мустанг? При чем тут дикая лошадь?

– На мой взгляд, вам лучше подойдет гамма вишневых оттенков, – пронзительно завизжала Алевтина.

– Стоп, – взвыл Владимир. – Что вы делаете?

– Изображаем покупателей, сами так велели, – объяснила Белка, – лично я хочу мустанг лета!

– Must have! – догадалась я. – Или, как говорят некоторые, «муст хейф». Белка, это не конь! А выражение «необходимая вещь». И почему вы вопите, как на базаре, когда там работают перфораторы?

– Не знаю, – растерялась Изабелла Константиновна.

– В кино все громко говорят, – пояснила Алевтина.

– В моей ленте надо молчать, – взвизгнул режиссер, – у нас немое кино. Эмоции выражаются мимикой, жестами, улыбками! Галдеж нескольких сорок мне не нужен! Леонид, ты где?

– Стою, где показали, – прозвучало из-за большого шкафа с масками

для лица.

– Чудови... Магда с тобой?

– Да.

– О'кей! – приободрился режиссер. – Оператор!

Мужчина с камерой, который вот уже второй день подряд не говорил ни слова, поднял руку.

– Мотор! – велел Владимир. – Леня, сосчитай до пяти и выходи!

Послышался топот, в зоне видимости появился Леонид.

– Раз, два, три, четыре, – монотонно произносил он.

Я скосила глаза влево и чуть не скончалась от смеха.

Несси, стоя по-прежнему около прилавка, вытянула губы и делала правой рукой вращательные движения. Алевтина картинно схватилась за грудь, потом воздела руки к потолку и изобразила нечто вроде танца живота. Лариса принялась вертеть головой в разные стороны и подпрыгивать. Белка легла на прилавок, замерла на секунду, потом выпрямилась, снова рухнула на стекло и затихла. Лариса закивала, постучала кулаком по спине Изабеллы Константиновны, схватилась рукой за Несси, энергично встряхнула ее, сдернула со своей шеи скромный шелковый платочек от Гермес, стоимостью в бюджет города размером с пол-Москвы, и начала исполнять Камаринскую.

Меня так поразила с упоением изображенная сцена, что я с трудом оторвалась от созерцания немислимых па и решила посмотреть на работу Леонида и Магды.

Парень медленно двигался по проходу. Видели вы когда-нибудь, как ходит пингвин? Если да, то мне не понадобятся грузовики слов, чтобы описать выход младшего Ковригина. Руки Лени торчали в разные стороны и мерно подрагивали в такт его шагам, полное тело раскачивалось из стороны в сторону. Ноги... Ну я не права, сравнив любимого сыночка Зинаиды с пингином. Впрочем, если смотреть только на руки и живот, то парень чистокровный пингвин. А вот ноги... Походка у Леонида Алексеевича была как у японской гейши, шажки мелкие, короткие. Магда же...

Я чуть не разрыдалась от хохота. Четверолапая актриса шествовала с гордо поднятой головой, ее морда расплылась в широкой улыбке, губы растянулись от уха до уха, их можно было завязать на затылке.

– Стоп! – заорал Владимир и затопал ногами. – Молчать! Сидеть! Лежать! Бежать! Мрак! Жуть! Это как сало с вареньем!

Глава 26

– Если вы проголодались, то, наверное, можно заказать сюда обед, – засуетилась Белка.

– Немедленно объясните, почему вы так уродски кривлялись, – потребовал режиссер.

– Кто? – хором спросила массовка.

– Вы, – завопил Владимир, вытягивая губы и размахивая руками. – Что это?

Белка вскинула подбородок.

– Вы запретили нам разговаривать, велели работать жестами, гримасами, телом, поэтому мы изобразили диалог с консультантом так, как хотел постановщик.

– Сейчас поясним для тех, кто не сообразил, – пропела Лариса. – Хотя нам все ясно, сразу без репетиций догадались, кто чего хочет.

Захарьина превратила губы в трубочку и начала вращать рукой.

– Она ищет помаду, которая вывинчивается из тюбика без кисточки, – растолковала Изабелла Константиновна.

Алевтина прислонила ладони к груди, потом задрала руки вверх и энергично потрясла животом.

– Консультант ответила: «Увы, цвета, который вам подойдет, не существует. Попробуйте розовый, как заря, в бутылочке, но ее надо всегда перед употреблением встряхивать.

– М-м-м, – простонал Владимир.

Белка упала на прилавок, выпрямилась и опять рухнула. Находясь в таком положении, она заявила:

– Я же сказала, что лучше не брать ничего по совету продавца, так как жидкий товар растекается на губах, приходится наносить его второй раз, но он все равно превратится в лужу.

Лариса кивнула, треснула Изабеллу Константиновну кулаком промеж лопаток, затем встряхнула Несси и исполнила танец с платочком. Выкрутив последнее па, Лара зачирикала:

– Я согласилась с Белкой, отметила, что никакие методы, даже жесткие, не затормозят растекания тинта. Несси надо самой думать, а не надеяться на чужие советы. Ей нужно купить стоящий товар – а торговке продать барахло надо. И вообще, лучше пойти в «Гермес», там...

– У нас реклама фирмы «Бак», – живо напомнила я.

– Что такое тинт? – спросила Зинаида.
– Чернила, – перевела Лариса.
– Матерь божья, – обомлела мать мэра, – ну и ну.
– Они не настоящие, – успокоила я даму, – так называют жидкие румяна или помаду, которые наносятся на нужные места.
– С вами все ясно, – отрезал Владимир. – Леня! За каким дьяволом ты вопил: раз, два...

Леонид раздул щеки.

– С вами не соскучишься. Кто мне велел до пяти считать!
– М-м-м! – простонал Володя. – Ты первый раз на съемках!
– Нет! Я работал в Голливуде, – тут же соврал Леонид, – с этим, как его, Бэтманом!
– Это объясняет, почему Ленечка маршировал как человек-пингвин, – нежно пропела Лариса.

– Просто ему брюки малы, – как всегда, сказала правду Белка.
– Слушать меня! – взвизгнул Владимир. – Тетки! Женщины! Бабы! Дамы! Стойте каждая у своего прилавка. Нет. Я сам отведу вас на нужные места...

Постановщик начал метаться по залу. Минут через десять он потерял руки.

– Отлично! Не шевелиться! Молчать. Леонид считает про себя, то есть тоже беззвучно, до пяти. После этого он движется по проходу. Очутившись около колонны, он остановится, погладит Магду! Затем возьмет псину на руки и со счастливым лицом покинет хренов бутик, который лично я уже ненавижу. Сыграйте хорошо, без ошибок. Все берите пример с Магды! Стоит беззвучно, улыбается роскошно! Делайте, как она!

Я с удивлением посмотрела на Магду. Что это с ней? По какой причине шkodливая псина не желает сожрать тональный крем? Не охотится на гель для душа с ароматом шоколада? Почему она стала улыбочивой паинькой? Ох, не к добру покладистость Магдюши!

Владимир хлопнул в ладоши.

– Оператор! Мотор!

Я прищурилась. Несси держит в правой руке помаду, Белка шампунь, Лариса крем для детей, Зинаида купальную шапочку, Алевтина прижимает к сердцу упаковку лосьона от прыщей. У всех участников массовой одинаково выпучены глаза, а губы растянуты в жутком оскале, от которого у меня забегали по спине мурашки. Из-за стенда торжественно выплыл Леонид и засеменял к колонне. Рядом с ним праздничной иноходью, высоко задирая лапы, шагала Магда, которая улыбалась с такой страстью, что

превратила свои глаза в щелочки, а уши отбросила на спину.

Леня добрался до колонны, остановился, повернулся к камере боком, наклонился...

Раздался громкий треск.

– Стоп! – скомандовал Владимир. – Что за звук? Собака сблевала?

– Почему у тебя всегда виновата Магдюша? – разозлилась Несси. – Она шикарно работает!

– И мы гениальны, – заметила Зинаида.

– Плохому режиссеру вечно артисты мешают, – высказалась Белка.

– Синюга лопнула, – нежно пропела Лариса, – то есть пиджачок! По шву рукава оторвались!

Леня, который успел выпрямиться и встать лицом к камере, начал возмущаться:

– Сшито гнилыми нитками.

– Просто кто-то слишком много ест, – словами кролика из мультфильма про Винни-Пуха ответила ему Белка.

– Капец! – впал в истерику режиссер. – Сегодня не снимем! А мне надо завершить ролик! Завтра я не могу! Что делать?

– Степа, – зашептала мне на ухо Несси, – где у вас туалет?

– Первая дверь налево, – тихо ответила я, – ступайте вон туда, где воздушные шарик.

– Бумага в кабинке есть?

– Должен висеть рулон, – вздохнула я, – покупателей-то почти нет.

– А мыло?

– Конечно! Всегда ставим дозатор с шоколадным гелем, он чудесно пахнет. Если понравится, подарю вам такой, – пообещала я.

Несси быстро пошла в указанном направлении, но постановщик не заметил дезертирства статистики. Он визгливо вопрошал:

– Как? Что делать? Как снять? Что делать?

Белка обняла парня и притянула к себе.

– Масик! Не плачь. Сядь вот тут. Аля, налей бедолаге воды! Сейчас я все организую. Леня! Слушай меня внимательно. Ты гениально шел. Сейчас просто это повтори. Но помни, что рукава к спинке не приделаны, поэтому прижми лапы к бокам и шагай как солдат. Ты был нищий, теперь купил костюм и слегка стесняешься своей красоты. Понял?

Леонид кивнул.

– Умница, – похвалила толстяка Изабелла Константиновна, – я восхищаюсь тобой! Кто другой все бы тут в гневе побил. А Леня! Красавец, талант, гений.

Парень приосанился, послышался треск.

– Лучше не шевелись, – испугалась я.

– Дойдя до колонны, – продолжала Белка, – не поворачивайся спиной к объективу, скажи: «Магда, ко мне». Собака встанет перед тобой, тогда ты присядешь, обнимешь ее, поцелуешь, погладишь и прямо в камеру проникновенно скажешь: «Новый магазин «Бак» – новые возможности для всех. Не бойтесь изменить свою жизнь к лучшему!» Ля-ля! Потом наложат музыку. И усе.

– Гениально! – завопил Владимир. – Белка! В вас погиб режиссер!

– Кто тебе это сказал, – фыркнула бабуля, – я привыкла устраивать шоу, съемки и прочую дребедень. У нас с мужем большая фирма, мы проводим всякие мероприятия.

– У него еще рубашка треснула, – пропела Лариса, – на животике.

– Капец! – снова впал в истерику Владимир. – Как парню теперь идти? Что делать?

Изабелла Константиновна огляделась по сторонам.

– О! Зверушка! Вроде кота!

– Кот? – повторила я. – Где?

– На диване, у окна!

Я присмотрелась. Надо признать, что у Белки зрение намного острее, чем у внучки.

– И правда, пушистик, странный только, – восхитилась Алевтина. – Откуда он взялся?

– Понятия не имею, – честно ответила я, – с улицы забежал.

– Да он искусственный, – засмеялась Зинаида, взяв в руки животное, – на батарейках работает. Недавно я дарила одной бедной девочке из многодетной семьи похожего, называется «Живая игрушка». Она теплая, может шевелиться, моргать, мяукать.

– Я бы в детстве от радости рехнулась, принеси мне кто такую, – зачастила Алевтина.

Белка живо выхватила у матери мэра кота.

– На мой взгляд, он жутко страшный! Больше на инопланетное чудище смахивает! Коты совсем другие.

Зина улыбнулась.

– Это герой ленты «Кошки рулят». Их там много. Забыла, как его зовут. Джонни-понни? Мистер Кискис? Не надо на меня смотреть с изумлением. Обожаю живые рисунки, и что?

– Ничего, каждый сходит с ума по-своему, – элегически заметила Лара. Изабелла Константиновна повесила кота на шею Леониду.

– Прошу! Горжетка!

– Кого-то она мне напоминает? И мужчины их не носят, – протянула я.

– Кто так решил? – поинтересовалась бабуля. – Назовите имя человека, который решил запретить боа из меха в мужском гардеробе? Тебе и белые носки с босоножками не нравились!

Крыть было нечем! Но я нашла новый аргумент:

– Нас заклюют защитники животных!

– Боже! – закатила глаза Изабелла и начала шептать что-то Леониду на ухо.

– Ясно, о'кей, понял, – кивал тот, – вы гений!

Изабелла похлопала младшего сына Зинаиды по плечу.

– Если надумаешь работать в мире развлечений, звони. Возьму тебя к себе. Володя! На место! Бабоньки, на точки. Улыбочки! Мордочки радостные! Все молчат. Где Несси?

– В туалете, – объяснила я.

– Ждать не будем, – решила Белка, – начинаем. Оператор готов?

– Йес! – неожиданно заорал мужик с камерой.

Я подпрыгнула.

– Вы умеете разговаривать?

Оператор проигнорировал мой вопрос.

– Начали, – скомандовала Белка, – мотор.

Глава 27

Жаль, что бабуля никогда не станет сотрудницей фирмы «Бак», если она берется за дело, то даже не работавшие пару веков часы начинают точно показывать время.

Съемка покатилась, как санки по льду. Дамы отчаянно улыбались, на их лицах сияло выражение восторга. Леонид красиво дошел до колонны и остановился. Секунду толстяк пребывал в молчании, потом просюсюкал:

– Магдюша, иди сюда!

Псина послушно встала перед братом Ильи. Наш «Гамлет» присел, обнял собаку, и...

Горжетка на шее парня отчаянно зашипела, подняла шерсть, задрала хвост.

– Он живой! – заголосил Леонид. – Снимите с меня эту пакость немедленно!

– Снимаем, снимаем, – успокоил его Владимир, который почему-то не впал в истерику.

Леонид сел на пол.

– Вы не поняли? Чудище натуральное! Живое! Ой! Ой!

Я кинулась к Ковригину, Зинаида тоже побежала к сыну, кот прыгнул на спину Магде. Собака присела, потом подпрыгнула и понеслась по магазину.

– Держи их! – завизжала Алевтина. – Степанида, блокируйте дверь в отдел эксклюзива.

Я ринулась вперед, задела стенд с губной помадой, но умудрилась его удержать. Послышался звон.

– Белка упала! – закричала Лариса.

Я захлопнула дверь в отсек, где стоят флаконы по очень дорогой цене, и помчалась посмотреть, что случилось с бабулей. Раздались грохот, вопль, звон, визг... Минут пять в магазине творилось что-то невообразимое, потом внезапно наступила тишина. Я стояла на четвереньках у прилавка с кремами для тела, потом начала осторожно подниматься. И увидела восхитительную картину. Стенд с упаковками масок для лица повален. Все бумажные конверты лежат на полу, возле них сидит Леонид, держась за лоб. Зинаида привалилась к стенду с пудрой. Белка и Лара обнялись и сели в кресла для мужей, которые ждут жен в отделе ухода за лицом. Оператор так и не опустил камеру, Владимир прыгал за его спиной, безостановочно

повторяя:

– Снимай, снимай, есть идея!

Магда мирно устроилась на диване, у нее на спине лежит кот. Животные не дерутся, они ведут себя как лучшие друзья.

Я перевела дух. Вроде все живы. И особого ущерба нет, маски упакованы в пакеты, не бьются, их соберут и снова положат куда надо.

Владимир замолчал. В бутике стало тихо. И в эту секунду Магда издала странный звук, то ли кашель, то ли стон. Кот со всего размаха треснул псину лапой между ушей! Магдюша разинула пасть, я заорала от ужаса. Где зубы собаки? Что случилось? Почему у нее во рту чернота?

Магда икнула. Кот снова отпустил ей затрецину, собака издала утробный кашель, и из ее пасти выпал дозатор шоколадного мыла, который я своими руками установила утром в туалете для посетителей. В пасти Магдюши засверкали белые клыки. Я выдохнула. Сразу стало понятно: наша рыжебородая магера пробралась в сортир, унюхала, как ей подумалось, конфеты, схватила мыло, не смогла разгрызть жестяную упаковку, а та целиком поместилась в пасти, раздвинув щеки Магды. Вот и получилась восхитительная улыбка.

Присутствующие открыли рты, в полной тишине раздался тихий скрип двери, из туалета вышла Несси и громко сказала:

– Степа! А в сортире нет мыла! Руки помыть нечем. Ой! Что вы такие грустные? Случилось несчастье?

– Все нормально, – вздохнула я, – так, небольшой беспорядок получился. Алевтина, откуда в бутике странное создание, точь-в-точь плод фантазии создателя фильмов о пришельцах, которые воруют души людей?

– Честное слово, понятия не имею, – принялась оправдываться управляющая, – я не против животных, даже люблю их. У нас в семье, например, живут муж, свекровь...

– Он милый, совсем не злой, – перебила Алю Белка и взяла на руки диковинное создание, – просто испугался незнакомой обстановки. И у него есть хозяин. Лохматик чистенький, в ошейнике.

– Правда, он очаровательный? – обрадовалась Захарьина. – Чудомальчик, был бездомным, теперь мой! Сначала я назвала его Алексом, но потом увидела по телику сериал, там был герой Алекс! Гадкий! Поэтому теперь кота зовут Франциск. Но можно звать просто Франци.

И только в этот момент я вспомнила, что Несси села в машину, имея при себе перевозку, в которой сидело чудо-юдо непонятного происхождения.

Почему я не узнала Алекса, простите, Франци? Да после всех

приключений в Фурске я себя в зеркале не опознаю. И не ожидала увидеть мутанта в бутике, все его игрушкой называли!

– Милое создание, оригинальное, – протянула Зинаида и погладила неведому зверушку, – какая шерстка мягкая.

– Он меня лизнул, – восхитилась Лара, обнимая Франциска, – лапы мощные, но не кошачьи, смотрите, когти не убираются.

– Это собака? – удивилась Алевтина. – Но морда-то!

– Как у землеройки, – влез со своим мнением Леонид.

– Врач сказал, что Франциск кот, – возразила Несси, – но особой породы: новый шоссейно-кустарниковый Май Кунин.

Я с трудом сдержала смех. Доктор думал, что удачно пошутил, да только он понятия не имел, что у Несси уже живет рыжебородая горно-пятнистая магера. И вот теперь к ней прибавился шоссейно-кустарниковый Май Кунин.

– Раньше тут работал ветеринаром Савелий Михайлович Разгонов, – неожиданно сказал оператор.

Ну и ну! Он, оказывается, говорлив!

– Мы посетили врача в Москве, – пояснила Захарьина, – его зовут Константин. Отчества не знаю. А что, Разгонов отличный доктор?

– Любезный, как вас зовут? – спросила Зинаида Федоровна.

– Петр, – коротко ответил оператор.

– Отчество? – не удовлетворилась Ковригина. – Неудобно постороннего человека только по имени звать.

– Сергеевич.

– Ну уж и фамилию свою назовите, – не утихала мать мэра.

– Кузнецов.

– Петр Сергеевич, – улыбнулась Зинаида, – вы, очевидно, недавно живете в Фурске...

– Меня тут вообще нет, – уточнил оператор, – я из столицы на съемки приехал.

– И знаете ученого Разгонова?

– Да.

– Откуда?

– Читал о нем!

– Где?

– В газете.

– В какой?

– Не помню.

– Что там написали?

– Ну... он опыты какие-то проводил, – наконец-то дал слегка развернутый ответ оператор.

Ковригина сложила руки на груди.

– Петр Сергеевич, если пресса сообщит, что у меня есть пушистый хвост, вы поверите?

– Нет.

– Почему? Печатное издание всем новость сообщило! Зинаида Федоровна прячет от посторонних глаз отросток позвоночника.

– Глупость же.

– Почему тогда вы доверяете рассказам про Савелия Михайловича? – наседала мать мэра.

Кузнецов молчал, а Ковригина разозлилась еще больше.

– Савелий умер, он не может ответить тем, кто его не знает, но распространяет сплетни! Отвратительно! Вы хоть в курсе, что Разгонов никогда не работал ветеринаром? Он ученый! Трагически погиб от рук безумных людей. Клинику исследователь просто открыл, владел ею. И все.

Ковригина уперла одну руку в бок, вторую вытянула вперед и погрозила оператору пальцем:

– Если еще раз услышу из ваших уст гадость, то выгоню вас из Фурска навсегда! Вот так!

Зинаида замолчала. Мне стало жалко человека с камерой.

– Госпожа Ковригина, Петр не произнес ни одного дурного слова о покойном. Он просто сообщил, что в городе работал Савелий Михайлович Разгонов.

– Замолчите, Степанида! – взвилась пожилая дама. – О вас я тоже многое знаю, в курсе, как вы охотились на наивного Романа! И кто виновник ужаса, который случился в семье Звягиных, когда там впервые появилась девочка Козлова. Гадина! Сволочь! Мерзавка! Леонид! Домой!

Вскинув подбородок, мать мэра, забыв попрощаться, торжественно направилась к двери. За ней поспешил сынок. Когда маменька выплыла на улицу, Леня, который не успел перешагнуть порог, обернулся, повертел указательным пальцем у виска, развел руками и последовал за Зинаидой.

– Что я не так сказала? – оторопела я.

Владимир оглянулся по сторонам и неожиданно понизил голос до шепота:

– Ничего плохого вы не лягнули. Старая мегера напала на Петьку. Зинаида улыбается всем, комплиментами сыпет, но в реальности она хуже гадюки. У нее припадки злобы случаются. Зря я тебя, Петяха, позвал, хотел как лучше. А ты тоже хорош! Что я просил?

– Не раскрывай рта, – вздохнул оператор.

– И зачем ты про Разгонова сказал? – рассердился режиссер. – У тебя с баблом пролет! Поэтому я решил тебе помочь, пригласил на съемки. И нате! Теперь ни копейки не получишь! И меня подставил!

– Секундочку, – остановила я режиссера, – охотно верю, что в Фурске мать мэра всевластная царица. Но ее правление ограничено масштабами вашего околотка. В Москве она никто.

– Ошибаетесь, – вздохнул Петр, – знакомых у госпожи Ковригиной армия, в столице она имеет покровителей.

– Возможно, что так, – не стала спорить я, – но в фирме «Бак» есть лишь один человек, который может выслушать вопли бабки и принять решение. Это Роман Звягин, владелец фирмы и по совместительству мой муж. Петр, обещаю точно: вам заплатят сполна, да еще выпишут премию за отличную работу. Мы будем привлекать вас и к другим съемкам.

– Используйте Петьку как хотите, – фыркнул Владимир, – но в Фурск ему теперь въезд заказан. Прости, друг, но я с тобой более не общаюсь. Я-то пока в этом болоте живу. Вот в Москву переберусь, тогда и возобновим отношения.

– А вы трус! – громко сказала Белка.

– Да! И не скрываю данный факт, – не обиделся постановщик, – мой дед один раз попал в аварию: в троллейбус, в котором он ехал, врезался бензовоз.

– Жуть! – ахнула Лара. – Дед остался жив?

– Гениальный вопрос, если учесть, что я его внук, – засмеялся Владимир, – дедушке в момент ада, который на дороге начался, едва двадцать годков стукнуло. Сергей Николаевич увидел пламя, успел выскочить и убежать. С ним находился приятель, тот бросился людей вытаскивать. Пятерых выволок наружу, за шестым кинулся и погиб сам. О товарище деда написали газеты, назвали героем, наградили его посмертно. Сергей Николаевич струсил, сам вылез, о других не подумал, жив остался, институт окончил, стал врачом, многим людям здоровье вернул, детей родил, внука воспитал и мирно ушел в девяносто два года, оставив о себе самую светлую память. А его приятель? Похоронили его совсем юным, мать от горя вскоре умерла, и конец роду. Ничего и никого после юноши не осталось. Да, он вытаскивал людей из огня, помог пятерым. Но ведь собирался стать доктором, скольких людей мог сделать здоровыми? Кто поступил правильно в данной ситуации? Трус или герой? Я трус. Поэтому, Петя, прости. Продолжу пресмыкаться перед Ильей Ковригиным и его мамашей-гиеной. Ты ситуацию знаешь, я сам из сортира вылезаю.

Ковригин обещал меня на работу к своему другу в «Инстройпромбанк» устроить, там однокомнатные квартиры сотрудникам по цене производителя дают. Вот такая ботва, друган.

– Понимаю, – кивнул Петя, – больше сюда не приеду. Не волнуйся, Зинаида меня точно не узнала. И фамилия...

Оператор замолчал.

– Вы знакомы с мамашей местного вождя? – уточнила Белка.

– Нет, конечно, – быстро произнес режиссер, – они сегодня впервые увиделись.

– Но Петя сказал: «Зинаида меня точно не узнала», – напомнила Изабелла Константиновна.

– Петька не птица-говорун, – вновь ответил вместо Кузнецова Владимир, – он имел в виду, что Зинаида его в соцсетях по фото точно не узнает, а фамилия Кузнецов самая распространенная в России. Она не найдет Петяху.

– У вас спросит его адрес и паспортные данные, – колокольчиком прозвенела Лариса, – а вы, Владимир, точно сдадите друга, вы же нам изложили только что свое жизненное кредо.

– Я трус, но не предатель, – обиделся режиссер.

– От первого до второго коротка дорога, – заметила Белка.

Глава 28

– Тут и впрямь никого нет, – обрадовалась я, усаживаясь за столик, – вы нашли хорошее место.

– Здесь тихо, – согласился Родионов. – Загадка, почему народ сюда не спешит? Тут уютно, чисто.

– Наверное, из-за цен, – предположила я, изучая меню, – они высокие даже для Москвы. Игорь, давайте представим, что мы с вами уже обсудили погоду, поболтали о всякой ерунде и приступили к главной части беседы.

– Хватаем быка за все места, а не только за рога? – усмехнулся детектив.

– Не люблю пустопорожних разговоров, – объяснила я. – Мы с вами не близкие друзья, чтобы самозабвенно сплетничать. Вы не модельер, не байер, обсуждать новые коллекции домов Шанель, Прада, Дольче и Габбана не станете. А мне не доставит удовольствия беседа о машинах. Лучше избежим потери времени на пустое бла-бла. Зачем я вам понадобилась?

– Роман Звягин позвонил моему приятелю Борису Ляпину, тот занимает высокий пост в системе МВД, – начал пояснять Игорь, – мы с Борей на двоих в студенческие годы снимали квартиру. Ляпин потом попер вверх в госструктуре. А я работал в уголовном розыске и ушел. Не люблю диктата, мне влом стоять на ковре перед дураком и слушать, как он меня за свои ошибки отчитывает. Совершенно не нравится, когда твои заслуги идиот-майор себе приписывает, а свои косяки на подчиненного переводит. Я ушел в частный бизнес. Держусь пока на плаву. Поговорив с вашим мужем, Борька вспомнил обо мне, позвонил, попросил связаться со Звягиным. Дальнейший путь мой вам описывать?

Я взяла у официантки чашку с чаем.

– Не надо. Роман решил не играть в испорченный телефон.

– Верно, – согласился Игорь, – сейчас объясню, что к чему. Я сам из Обеляновска, это город чуть дальше Фурска. Моя мама была главврачом родильного дома, а отец начальником милиции. Меня они держали в ежовых рукавицах. Вечером мне предписывалось в девять идти в кровать. Подростку такое положение вещей никак не нравилось. Посудите сами, мне четырнадцать, а меня в постель, как мелочь, отправляют. Но с моими предками спорить было опасно для здоровья. Только не подумайте, что меня били, голодом морили, в погребе запирали. Ничего такого.

Применялись иные методы. Отец меня раз отвел в судебный морг, показал труп моего ровесника в таком жутком состоянии, что меня стошнило. Лев Сергеевич, мой отец, закрыл останки простыней и сказал: «Паренек не наркоман, не пьяница, отличник, на скрипке играл. Но в его классе появился ученик с плохими привычками. Хулиган вмиг стал лидером. Подростки считают крутым и взрослым того, кто хамит учителям, лихо вливает в себя пиво, не уважает девочек. Детская глупость. Будущее такого героя черно: преступление – суд – зона. Но хороший мальчик, который сейчас лежит в холодильнике, решил стать самостоятельным и вопреки запрету матери удрал поздно вечером в гости к однокласснику. На вечернике лилась рекой водка, а где спиртное, там и драка. Случилась потасовка. И хорошего мальчика сначала избивали, а потом выкинули из окна. Результат ты видел. Советую тебе думать, как себя вести, с кем дружить, стоит ли поздним вечером бегать по улицам. Мы с мамой видеть тебя в холодильнике не готовы».

Я молча слушала Игоря. А тот, рассказав о своей семье, перешел к другой теме.

Игоря очень напугал визит в морг, и он решил не водиться с хулиганами. Родионов занимался в музыкальной школе, создал ансамбль, мечтал стать богатым и знаменитым. Отец оборудовал в подвале дома студию, ребята там репетировали. Игорек иногда забегал домой за чаем, бутербродами.

Как-то раз он прилетел на первый этаж и начал копаться в холодильнике. Стояло лето, дверь из кухни в сад держали открытой.

– И чего она в Обельяновск приехала? – раздался голос отца.

Гарик понял: родители сидят на втором этаже на балконе своей спальни, отец и мать любят вечерами отдыхать на свежем воздухе.

– Она предъявила документы на имя Фазиной Олимпиады, – засмеялась мать, – оделась в простое дешевое платье, сказала: служу домработницей, ехала по делам в Псков, и по дороге случился выкидыш. Ну да я сразу поняла: наелась чего-то, хотела от беременности избавиться, кровотечение началось, а плод не вышел. До Москвы далеко. Она испугалась. В Фурске Зинаиду каждый таракан знает, слух о том, что у жены самого Ковригина беременность прервалась, вмиг разлетится. Вот они и рванули в Обельяновск. Она парик натянула, где чужой паспорт взяла, понятия не имею. На фото в документе баба слегка на супругу Ковригина похожа. Савелий Разгонов усы приклеил и бороду. Анекдот!

– Интересное дело, – хмыкнул Лев Сергеевич, – чего они в Москву не подались? Совсем дураки?

– Время за полночь перевалило, – объяснила мама, – ты же помнишь, меня вчера, вернее, сегодня в районе часа вызвали?

– А то нет, – хмыкнул отец, – удрала жена, только сейчас вернулась.

– Не знала парочка, что Родионову на кесарево вытащат, – продолжила Раиса Николаевна, – думали, я дома. Или вообще ни о чем не думали, ужас их охватил. Наш-то Георгий Петрович на слет мэров подмосковных городов в Москву порулил. Думаю, Алексей, законный муж Зины, тоже там. Кто ж упустит возможность в столицу скататься и пред очами большого начальства показаться? Уж точно не Алексей, тот еще лизоблюд. Кот из дома, мыши в погреб за сыром. Самое время от нежелательной беременности избавиться. Думаю, Савелий сам намешал какой-то дряни, дал Зине, та выпила, и как из нее хлынуло. Разгонов не врач, что он мог сделать? В Фурске вход им в клинику закрыт. Беременность у Зинки девять недель была. Она точно знала, что с ребенком ходит. Главврач в Фурске вмиг Алексею Михайловичу доложил бы: «Простите, барин, лишились вы сына».

Мама тихо засмеялась.

– Конечно, я точно не знаю, но предполагаю, что именно так дело обстояло. В приемном покое сидела Матрена Васильевна, прежде хороший врач, сейчас ей за восемьдесят. Она плохо видит, еще хуже слышит. Но она живая история нашего роддома, первым главврачом когда-то была, потом просто роды принимала. Мотя у меня останется, даже если в инвалидную коляску сядет. Она Зинаиду не узнала, увидела, что выкидыш у нее, меня кликнула. Когда я вошла, Зинка прямо лицом перевернулась, но врать продолжала: она Фазина Олимпиада, ехала с гражданским мужем на машине, и вот неприятность. Я прикинулась, что ей поверила, все сделала под местным наркозом, как надо, сказала:

– Оставайтесь на сутки.

Она вскочила:

– Нет! Нам пора.

Я ей на пороге шепнула:

– Врачи, как священники, рот на замке держат. У Матрены Васильевны из-за возраста памяти никакой нет, да и я вас сразу забуду. Не знаю, что вы пили, но больше так не делайте. Очень вредно для здоровья.

Она кивнула, обняла меня и ушла.

– М-да, – крикнул отец, – надеюсь, Зинаида не пришлет нам в знак уважения коньячок с отравой!

Мама тихо засмеялась.

– Ей бояться нечего. Да мы и не сталкиваемся никогда. Даже в школе

на собраниях не встречаемся, хотя мальчики наши вместе учатся. Ты знаешь, я кладбище секретов. Только тебе чужую тайну рассказать могу, но она всегда между нами умирает.

Игорь слушал беседу родителей, забыв про бутерброды. Кто такой Разгонов, он тогда не знал, но сразу понял: Алексей Михайлович и Зинаида – родители Ильи Ковригина, его одноклассника. Почему Илюша, житель Фурска, ездил на занятия в Обельяновск?

Ну ехать было недалеко, и не на автобусе Илья трясся, мальчика привозил шофер Ковригиных. До седьмого класса Илюша ходил в школу в родном городе, он рос на редкость капризным, противным парнем, не слушался учителей, отчаянно безобразничал. Зинаида тщательно скрывала от мужа выходки сына, приходила в учебное заведение, просила, чтобы безобразника не оставляли на второй год, приносила щедрые презенты. Муж понятия не имел об активности жены. А потом в гимназии поменялся директор, тот, что всегда помогал Зинаиде, ушел на пенсию. Новый начальник записался к мэру на прием и объяснил ему, что ни за какие бутылки-конверты не собирается держать в учебном заведении мальчика, который заявляет прилюдно учителю: «Хотите мне пару влепить? Знаете, кто мой отец? Хорошенько подумайте и нарисуйте в журнале “отлично”».

Алексей Михайлович обомлел, потребовал рассказать ему все, и через неделю Илюша оказался в Обельяновске, где городом правил другой человек. Там сын Алексея Ковригина потерял весь свой авторитет. Он, правда, попытался качать права, привычно нахамил несколько раз учительнице математики, получил «два» в полугодии и притих.

Откуда Игорь столь подробно знал, что случилось в Фурске? Думаете, учителя, основная масса которых женщины, никогда не сплетничают? Полагаете, дети не слышат разговоров педагогов? Да Илья еще порог гимназии не переступил, а по ней мигом разлеталась вся правда о Ковригине. И лучшим другом Гарика был Максим, сын главы Обельяновска. Макс, как и Гарик, любил слушать тайком беседы старших и потом все доносил приятелю.

Глава 29

В пятнадцать лет у Игоря уже была голова на плечах. Он понимал: распространять по школе весть о том, что мать Ильи изменила мужу и забеременела от любовника, никак нельзя. Зинаиду Федоровну не жалко, но в ситуации еще запутана его мама. Врач не имеет права ни с кем обсуждать положение дел больного, гинеколог обязан хранить тайны пациентов. Гарик молчал, но всякий раз, когда Илья пытался раздуть щеки, Родионов думал: «А вот я могу в одну минуту уничтожить твою семью. Скажу Алексею Михайловичу про ночной визит его жены в роддом Обельяновска, и конец счастью Ковригиных».

Гарик окончил школу, уехал в Москву учиться, родители купили ему квартиру. Когда Игорь стал детективом, открыл небольшое агентство, умер его отец. Мама спустя год после смерти мужа поехала в Германию на конгресс гинекологов, там познакомилась со своим коллегой из Швейцарии. Через некоторое время у Гарика появился отчим. Раиса Николаевна улетела жить к новому супругу. Сын не осуждал мать, наоборот, он радовался, что она счастлива.

В родительский особняк детектив приезжал очень редко, за домом следил нанятый им человек.

Как-то раз в агентство Игоря обратился Петр Кузнецов. Он хотел найти убийцу своей матери Элеоноры Елкиной.

Гарик стал расспрашивать потенциального клиента и услышал такую историю.

Когда Петя был маленьким, он с мамой жил в Москве. У Элеоноры в Обельяновске была подруга Нина Кузнецова, она работала лаборанткой. Школьник не особенно интересовался службой Нины, но он очень любил бывать в Обельяновске, и понятно почему. В столице малочисленная семья Елкиных обитала в десятиметровой комнате в коммуналке, Элеонора работала на почте, выдавала посылки, после окончания смены мыла в депо трамваи. За тяжелую физическую работу, как правило, платят копейки. Элеонора получала очень мало, экономила на еде, Петя хуже всех в классе одевался, мечтал об эскимо. Плохо жили в Москве Елкины. А вот у тети Нины Кузнецовой в Обельяновске был рай. Она забирала Петю на лето, мальчик объедался вкусностями, тем, что его мама не могла купить в столице. Обожаемый им творог и сметана от своей коровы были в неограниченном количестве. На огороде росли морковь, огурцы, в теплице

зрели помидоры, на кустах малина, на деревьях груши, яблоки, сливы. А еще черная смородина, ежевика, грибы в лесу, яйца от курочек... Нина объяснила Пете, что за всем надо ухаживать. Мальчик без писка вставал в пять утра и шел доить буренку. Он с раннего детства понял: творог и сметана сами собой в доме не появятся. И на рынок ехать, таскать там мешки с овощами, мальчик не отказывался, потому что хорошо знал: продаст Нина товар, и они пойдут в магазин, где купят сборную модель самолета или корабля.

День отъезда из Обеляновска всегда становился горем. Приходилось прощаться с тетей Ниной, с коровой Таней, с собаками Диком и Крошкой, кошкой Клеопатрой, приятелями, вкусной едой и возвращаться в ненавистный город.

И вдруг один раз мама спросила:

– Милый, не согласишься ли ты пожить у Нинуши еще и осень?

– В Обеляновске? – запрыгал от радости мальчик. – Да, да, да!

Но потом он притих и пробормотал:

– А школа?

– Не проблема, – улыбнулась Элеонора. – Нина устроит тебя на время в местную гимназию.

– Мама! – завопил Петя. – Ура!!!

– Есть и не очень хорошая новость, – продолжала мать.

– Какая? – испугался мальчик.

– Мне придется уехать, – объяснила Элеонора.

– Куда? – спросил сын.

– Далеко. Во Владивосток, – вздохнула Нора, – хочу купить нам избушку в Обеляновске, как тебе эта идея?

Петя не поверил своим ушам.

– Будем жить с тетей Ниной?

– В соседнем домике, он продается, – сообщила Элеонора, – я очень устала от безденежья и коммуналки. А в избе пять комнат, кухня, дворовые постройки.

– Корову заведем! – завопил Петя. – Курочек! Кота! Собак!!! Мама! Покупай скорей!

– Вот поэтому я и улечу на другой конец страны, – улыбнулась Элеонора, – договорилась работать на траулере. За большие деньги. Вернусь, и изба наша. Не будешь скучать?

– Нет, – выпалил Петя, – я такой здесь счастливый.

– Невежливо, но честно, – засмеялась Нора.

Сын смутился.

– Мамочка, я очень тебя люблю.

– Солнышко, что бы ни случилось, знай, я тебя обожаю, – сказала мама и обняла Петю.

Больше Петя ее не видел. Мать из Владивостока не вернулась. Тетя Нина сначала говорила, что она задерживается, Петя верил. Если честно, он, совершенно счастливый, не очень скучал по матери. Осень, потом зима, затем весна в Обельяновске были прекрасными. Елкин неожиданно стал отличником, его хвалили учителя, у Пети появилось много друзей. Среди них не было никого в модной одежде, Петя в новых джинсах, которые ему купила Нина, выглядел щеголем. Елкин не хотел в Москву, о маме он вспоминал редко.

На следующее лето тетя Нина сказала Пете:

– Ты уже взрослый, поэтому я расскажу тебе правду. Элеонора, твоя мать, погибла. Траулер, на котором она работала, перевернулся, все утонули. Нора ушла из жизни, как героиня. Она спасла двадцать человек. Ей за это дали орден.

Петя не заметил нестыковок в рассказе Нины. Сначала она заявила, что погибли все, а потом выяснилось, что его мать вытащила из океана много людей. Подросток постарше мог бы начать задавать вопросы, а Петя просто выслушал Кузнецову и не особенно расстроился. Мама мало занималась сыном, в Москве она днями-ночами пропадала на работе, летом мальчик жил у Нины. Кончина матери не ввергла Петю в тоску, из его жизни никто не пропал, вот уже год как он считал мамой Нину.

В декабре Нина Антоновна усыновила мальчика, и тот из Елкина стал Кузнецовым. Об Элеоноре подросток вспоминал два раза в году, в день рождения и смерти биологической матери, когда Нина водила его в церковь.

Петя окончил школу, поступил в Москве в институт, стал учиться на оператора и узнал, что коммунальную квартиру Елкиных давно расселили, на Петю записана в столице однушка.

– Пока ты был маленьким, я сдавала жилье, рубли переводила в валюту, прятала, – объяснила Нина.

Петя был благодарен ей за все, но он не заволновался, когда ее положили в больницу. Она все время говорила юноше:

– Да у меня ерунда, вроде поноса. Вылечат.

А потом вдруг звонок и голос:

– Уважаемый Петр, если хотите застать маму в живых, поторопитесь. Боюсь, ей осталось недолго.

– Кто вы? – испугался Кузнецов.

– Не узнали? Андрей Николаевич, лечащий врач, мы с вами регулярно в клинике встречаемся. Пожалуйста, приезжайте.

Петя ринулся в Обельяновск, его пустили в реанимацию. Парень посмотрел на Нину и испугался.

– Мамочка, не умирай!

– Сядь, милый, – попросила больная, – мне надо тебе кое-что рассказать. Правду про Элеонору.

– Зачем? – изумился студент. – При чем тут она?

Нина нахмурилась.

– Не перебивай меня! Слушай!

– Прости, – залепетал Петя, – больше ни слова не произнесу.

Приемная мать начала рассказ.

Глава 30

Неподалеку от Обельяновска в лесу находилась лаборатория, в которой царствовал доктор наук Григорий Константинович Огарков. У него было огромное желание избавить людей от болезней. От каких? От всех! Сразу! Одним махом! Прямо скажем, глобальная задача. Господин Огарков принадлежал к славному племени, имя которому – спасители человечества.

Купить одному малышу из бедной семьи игрушку, доставить ему радость в день рождения – это для спасителя человечества слишком мелко. Он мыслит в масштабах планеты, восклицает:

– Ради прекращения всех войн на Земле я готов сгореть на костре, пусть меня сожгут ради общего блага.

Но все вооруженные конфликты в нашем мире остановить невозможно, никто не собирается бросать радеющего за мир гражданина в костер. Не надо делать счастливым весь мир, позаботься о тех, кто рядом: о родителях, детях, друзьях, соседях. Если каждый из нас будет милосердным к своему ближайшему окружению, то в мире не останется брошенных детей, стариков, голодных и нищих людей. Но пойти к одинокой пенсионерке с пакетом продуктов, посидеть с ней, попить чаю значит зря потратить деньги и время. Намного легче кричать о своей сердечной боли за судьбу далеких африканских племен. Болтовня – это всего лишь болтовня, ни копейки из своего кармана не потратишь, ни минуты от собственного времени не откусишь, а гордости через край: я спасаю человечество, а остальные равнодушны, у них душа плесенью покрылась. И потом, ну кто узнает, что ты нищей бабуле батон и сто граммов сыра принес? Неинтересно совершать благие дела тихо. Спасители человечества давно перебрались в Интернет, они мигом откликаются на чью-то просьбу собрать деньги на лечение больного человека, пишут гневные обвинительные строки в адрес врачей, клеймят позором государство, но сами никогда не отправят ни гроша.

Особняком среди людей этой породы стоят ученые, такие как Огарков.

Григорий Константинович окончил два вуза, имел диплом химика и биолога, работал в НИИ, который занимался разработкой новых лекарств, защитил сначала кандидатскую, потом докторскую диссертации, преподавал в институте, пользовался уважением коллег, любовью студентов. Правда, Григорий мог завести речь об универсальной вакцине, восклицал:

– Представьте, один укол, и население земного шара более не страдает от гриппа, инфаркта, инсульта...

Странно было слышать такую речь из уст образованного человека, биолога и химика. Но Огарков не выглядел сумасшедшим, вел себя адекватно. Поэтому, услышав заявление про единую прививку от гриппа и сердечно-сосудистых болезней, окружающие говорили:

– Да уж! Мечтать не вредно, жаль, что такой вакцины никогда не будет. Она существует лишь в фантастических романах.

А потом случилось невероятное. Огарков принес Роберту Ивановичу Полозкову, директору НИИ, заявление об уходе.

Академик изумился:

– Григорий Константинович, что случилось? Вас кто-то обидел?

– Нет, – сухо ответил профессор.

– Что не так? – недоумевал Полозков. – Вы пользуетесь уважением коллег, зарплата достойная, но я могу подумать и о прибавке.

– Не надо, – остановил шефа Огарков, – семьи у меня нет, денег хватает.

– В чем тогда дело? – растерялся Полозков.

– Надо мной здесь потешаются, – сердито ответил Огарков.

– Кто? Немедленно назовите имя, – потребовал Роберт Иванович, – я накажу хама.

– Да все, – отмахнулся Григорий Константинович, – включая вас.

– Меня? – обомлел Полозков. – Если вам показалось, что я сказал...

– Когда я говорю об универсальной вакцине, сотрудники НИИ хихикают, считают мои слова шуткой, – перебил Огарков.

– Вы всерьез о ней говорите? – опешил академик.

– Да! – отрезал Григорий. – Но скоро юмористам придется замолчать. Я приступаю к ее разработке.

– А-а-а, – протянул Полозков. – Григорий Константинович, идея, конечно, заманчивая, благородная... Но, голубчик, подумайте. У нас в научном плане ее нет. Финансирование в бюджет не заложено и...

– Поэтому я и ухожу, – отрезал Огарков, – открываю собственную лабораторию.

– Господи! – выпал из роли интеллигентного академика Полозков. – Григорий! Вы с ума сошли! С таким же успехом можно разрабатывать вечный двигатель.

Огарков встал и направился к двери.

– Пока я не подпишу ваше заявление, – крикнул ему в спину шеф, – подумайте как следует.

- Завтра я не выйду на службу, – буркнул Григорий Константинович.
- Академик решил припугнуть сошедшего с ума профессора:
- У вас из зарплаты вычтут.
- И фиг с ней, – перешел на сленг улицы Огарков, – оставьте ее себе.

Откуда Нина, которая рассказывала приемному сыну эту историю, знала мельчайшие подробности их беседы? Кузнецова работала секретарем директора НИИ. Чтобы услышать, с кем и о чем беседует босс, ей всего-то нужно было нажать кнопку интеркома и сидеть тихо. Переговорная аппаратура тех лет современному человеку покажется сродни каменному топору. Но она служила многие годы без поломок, простой безотказный аппарат.

Нина никогда не шпионила за Робертом Ивановичем, но случай с Григорием Константиновичем был особенный. Почти десять лет Огарков и Нина жили вместе, что являлось полной тайной для всех окружающих. Зная нежелание любовника делиться хоть какой-либо информацией, связанной со своей научной деятельностью, Ниночка решила узнать, о чем Огарков будет беседовать с Полозковым. Весть об уходе Григория из НИИ ошеломила секретаршу. Вечером она налетела на него и потребовала ответа. Григорий нехотя заговорил. Да, он решил открыть в лесу у городка Обеляновск, неподалеку от Фурска, лабораторию. Почему именно там? У Григория был брат Константин, известный художник. Фамилия Огарков показалась ему не особенно красивой, поэтому живописец творил под псевдонимом Майский, рисовал портреты вождей советского народа, как самых больших, так и мелких. Власть любила и баловала его, жены и дочери партийного руководства зазывали в гости. Чем мастер им угодил? Дамам хотелось красоты, роскоши, но в советские годы высокопоставленные мужья запрещали членам своих семей демонстрировать достаток. Спутницы жизни прилюдно появлялись под руку с властными супругами считанные разы в год: на концерте в честь очередной годовщины установления советской власти, в день выборов в Верховный Совет, на премьере балета в Большом театре. И всякий раз приходилось надевать простое платье и украшаться скромным жемчугом. Бриллианты спали в сейфе, шубы в холодильниках. А теперь скажите, какой смысл владеть камнями-мехами, если не имеешь возможности показать их? А Майский предлагал:

– Давайте сделаем ваш парадный портрет: бальное платье, колье, кольца, браслеты...

Работал живописец очень быстро, беззастенчиво льстил заказчицам: убирал вторые подбородки, сглаживал морщины, шлифовал фигуры. В

результате вместо шестидесятилетней колоннообразной дамы получалась едва отметившая сороковой год рождения стройная женщина с осиной талией, вся в соболях и алмазах. Картина торжественно вешалась в спальне, и вскоре заказывалась новая для гостиной, третья в спальню. Вслед за большими вождями портреты заказывали и мелкие. Майский никогда не сидел без работы. Он жил в достатке: огромная квартира в центре Москвы, роскошная дача на Пахре, охотничий дом с огромным участком в лесу около Обельяновска, коллекция произведений искусства, состоящая из картин, на которые облизывались Третьяковка и Эрмитаж, еще были милые мелочи: запонки, зажимы для галстука с бриллиантами, дорогие перстни, уникальные часы, старинная мебель, кузнецовские сервизы. Жилье художника походило на музей.

У мастера не было ни жены, ни детей. По Москве упорно курсировали слухи о нетрадиционной ориентации Кости. Но такие всегда распускают о мужчинах, которые не желают открыто демонстрировать любовниц. Константин просто не хотел ни о ком заботиться, единственный, кого он нежно любил, был младший брат Григорий. Поэтому, услышав из уст врача страшный диагноз, Майский все завещал ученому и до последнего дня не рассказывал ему, что смертельно болен.

После вступления в права наследства Григорий решил осуществить свою мечту, создать универсальную вакцину. В помощники себе Григорий Константинович пригласил своего лаборанта Савелия Михайловича Разгонова и любовницу Нину.

Кузнецова обожала профессора, верила, что тот изобретет чудо-вакцину. Нину не смутило, в какой форме Огарков предложил ей сотрудничать. А произнес ученый такие слова:

– Если хочешь, перебирайся в Обельяновск, купи дом, начинай разводить лабораторных мышей, они мне понадобятся, буду их у тебя покупать. Ежели решишь остаться у Полозкова секретаршей, то пожалуйста. Но в этом случае мы не сможем часто видеться. Я намерен жить в доме, где находится лаборатория, кататься в Москву ради тебя не собираюсь.

Нина любила Григория, понимала, что его не переделаешь, он таков, каков есть. Но, несмотря на отсутствие иллюзий, Кузнецова все же надеялась, что рано или поздно Огарков предложит ей руку и сердце. Поэтому она быстро продала московскую квартиру и переехала в Обельяновск, купила там избу. Григорий не предложил любовнице материальную помощь, он тратил деньги только на свой безумный проект.

Глава 31

Огарков, увлеченный работой, сутками не выходил из лаборатории. А вот Савелий находил время на маленькие удовольствия. Разгонов не обладал научными титулами, не блистал знаниями, не мог похвастаться оригинальными идеями, но он был гениальный хозяйственник, мог достать что угодно. Утром Огарков говорил:

– Мне нужен для работы самец мартышки.

И вечером животное появлялось в лаборатории. Любые приборы, препараты – все что угодно добывалось Савелием в кратчайший срок.

Огарков никогда не интересовался, где и как помощник находит необходимое. Григорий Константинович неделями не выходил во двор. На первом этаже дома он занимался научной работой, а на втором было комфортное личное помещение. Нина прибегала к нему с судками и буквально заставляла профессора поесть. Тот вечно сердился на любовницу. Да и слово «любовница» Нине уже не подходило, она превратилась в кухарку, домработницу, а как женщина профессора уже не волновала. Савелий же с интересом посматривал на Кузнецову. Разгонов был молод, хорош собой, весел, любил модно одеваться. Как-то раз Нина не сдержала любопытства и поинтересовалась:

– Ты всегда такой модный. Сколько тебе платит Огарков?

– А тебе? – задал свой вопрос Савелий.

– Ничего, – призналась она, – он мне обещал деньги за лабораторных животных, я их честно развожу, Григорию Константиновичу отдаю, а он говорил: «Очень хорошо. Работай дальше». Пару раз я ему объясняла: «Я зарабатываю огородом, на рынке торгую. Не упрекаю тебя, что продала квартиру в Москве, поселилась в глуши, это мой собственный выбор. Но заплати за мышей-кроликов, их корм не дешевый и с содержанием хлопоты». Но профессор меня не слышит. Ты же определенно хорошо живешь, вот я и подумала, что ты неплохо получаешь и можешь посоветовать, как мне из Огаркова деньги вытащить.

Савелий рассмеялся:

– Дурочка. Нашла кому верить! Никогда профессор тебе ни копейки не даст. Сейчас ты могла жить в Москве, зачем в Обельяновск поперлась?

– Григорий Константинович гениальный ученый, я его обожаю, никогда его не брошу, – гордо ответила Нина.

– Он это понимает, поэтому ты ходишь в обносках, – резюмировал

Савелий, – лично я разок ему пригрозил, что уйду, и с тех пор он мне исправно зарплату платит. Еще я экономлю на покупках. Как? Сама догадайся. Меня он сначала тоже решил надуть, задержал зарплату раз, второй, третий. Тут я ему сказал: уйду, не могу пахать за воздух. Он испугался, что без помощника останется, долг возместил, и с той поры все у нас с ним наладилось.

Даже очень наивная в финансовых вопросах Нина сообразила, как Разгонов обманывает Огаркова, покупает оборудование и препараты дешево, а ученому врет, что дорого, забирает «прибыль» себе и доволен. Почему Кузнецова не наябедничала Григорию Константиновичу? У нее была лучшая подруга Элеонора Елкина, с которой Ниночка сидела за одной партой в школьные годы. Нора одна воспитывала маленького Петю, которого родила от недолгой связи с женатым мужчиной, в ее жизни не было радости. Когда Кузнецова перебралась в Обельяновск, Нора сразу приехала к ней в гости. Крошечный Петя пришел в восторг от коровы, собаки, кошки, кур, которые жили у Нины, и убежал во двор. А к Нине по каким-то делам пришел Савелий.

Спустя короткое время Разгонов и Елкина стали любовниками. Нора не могла привести красавца в свою коммуналку. Соседи несколько раз вызывали органы опеки и ябедничали проверяющим, что Елкина днями-вечерами где-то шляется, возвращается пьяная, а ребенок сидит взаперти. Понятно, что милые соседки мечтали лишить Элеонору родительских прав, отправить Петю в детдом, женщину выселить и заграбастать ее жилье, но пока проверяющие ничего дурного не находили. Нора боялась, что соседи увидят Савелия, состряпают донос на нее, одинокую мать, сообщат, что она с помощью древней профессии зарабатывает. Комиссия из отдела опеки, как всегда, нагрянет внезапно, застучает у нее Сава...

Роман длился около полугода, потом Разгонов стал избегать Елкину, а та очень переживала, надеялась, что любовь опять вспыхнет ярким пламенем. Если Нина расскажет Огаркову о «бизнесе» Разгонова, Григорий закатит скандал. Сава поймет, кто его сдал, и, чтобы проучить Кузнецову, порвет отношения с ее подругой Элеонорой. Красавчик знал, что Нина любит Нору как сестру. Страдания Елкиной для Кузнецовой более мучительны, чем ее собственные неприятности. Нина не могла так поступить с подругой.

Потом в лабораторию стали заходить бомжи, нищие, явно больные люди. Нина встревожилась и поинтересовалась у Разгонова:

– Что у вас происходит? Зачем ты приводишь бездомных, многие из них так кашляют, что стены трясутся.

Савелий махнул рукой:

– У Григория новый этап исследований. Профессор берет кровь у тех, кто неизвестно чем заразился, и работает с материалом.

– Кошмар, – ужаснулась Кузнецова. – А вдруг там есть человек с туберкулезом?

– Находил таких, – равнодушно отметил Разгонов.

– Находил? – повторила Нина. – Специально? Они не случайно к нам попали с заразой?

– Глупая ты, Нинка, – усмехнулся Разгонов, – это же научная работа, у нас определенный план опытов.

Кузнецова растерялась.

– И чесотку ты ему отыскивал?

– Конечно, – согласился Савелий, – и сифилис, и триппер, и много чего еще.

– Катастрофа, – простонала Кузнецова. – Вдруг вы заразитесь?

– Ерунда, – отмахнулся Савелий, – есть специальные костюмы, перчатки, маски.

– И куда Григорий их потом деваает? – спросила Нина.

– Спецодежда утилизируется, – спокойно ответил Разгонов, – есть особые средства. Я занимаюсь уничтожением очень аккуратно. Все по правилам. В контейнере превращаю одежду в пепел.

– Хорошо, что так, – кивнула Нина, – но я имела в виду не шмотки. Про людей речь вела. Бомжей потом куда определяешь?

Разгонов выпучил глаза.

– Так откуда взял, туда и вернул. На вокзал, например, или на трассу, если проститутка.

– Они же больные! – обомлела Нина.

– И что? – хмыкнул Савелий. – Другой жизни они не знают, привыкли в дерьме сидеть. Огарков крыскам деньги платит. Вот тебе жалеет, а им нет.

– Нельзя людей крысками звать, – возмутилась Нина.

– Они не человеки, они крысы, – повторил Савелий.

– Если девушка зарабатывает обслуживанием мужчин на шоссе и у нее нашли сифилис, то преступно возвращать заразу туда, откуда взяли. Она же своих клиентов болезнью наградит! – возмутилась Кузнецова.

– Нашлась тут совесть человечества, – засмеялся Савелий. – Знаешь, как новое, очень действенное лекарство на людях испытывают? Набирают две группы, все в них больные. В первой используют настоящие таблетки, а во второй сахарные. Внешне они похожи, ни на секунду не заподозришь, что пустышку тебе дали. И что? Те, кто подлинные пилюли получал, в

основном выздоровели. А те, кому плацебо подсунули, в основном умерли. Это тебе как?

Нина растерянно молчала.

– Люди на краю смерти, есть медикамент, который им поможет, а им таблетированный сахар всучили, – сгустил краски Савелий. – Оно тебе как? Такова наука, детка. Каждый раз, когда ты глотаешь нечто от головной боли, простуды, давления, разве думаешь о тех, кто умер в процессе создания препарата?

– Нет, – прошептала Кузнецова.

– Поверь, их было много, – отрезал Савелий, – в науке одна человеческая жизнь ничего не стоит, важно лекарство для миллионов.

– Это отвратительно, – возмутилась Кузнецова, – и несправедливо по отношению к тем, кому пустышку дали.

– Жизнь вообще несправедливая штука, – философски заметил помощник Огаркова, – ты живешь в убогой избе. А Зинаида Ковригина в шикарном доме.

– Ты имеешь в виду жену мэра Фурска? – удивилась Нина. – Она тут при чем? Только не говори, что эта фигля-мигля больна сифилисом и в экспериментах участвует.

– Нет, – засмеялся Савелий, – но разве справедливо, что у нее кровать на позолоченных ножках, а у тебя денег на новый дешевый диван нет?

– Мне все равно, на чем спать, – начала Кузнецова и осеклась. – Сава! Откуда ты знаешь, какая у Ковригиной кровать?

– Понятия не имею, что за мебель у них в доме, – живо парировал Разгонов, – просто так сболтнул, для примера.

Но Нина сообразила: дело нечисто, Сава точно видел койку. А может, и не только видел.

Потом Разгонов неожиданно открыл в Фурске ветеринарную клинику. Кузнецова узнала о новости от Огаркова, который впервые за время существования лаборатории примчался к бывшей любовнице домой и стал метаться по ее избе с воплями:

– Гаденьш меня бросил! Открыл больницу для собак-кошек и смылся! Два дня его нет! Один я работать не могу!

Нина изумилась:

– Клиника для зверушек? Разве он ветеринар?

– Лучше молчи, – огрызнулся Григорий Константинович. – По-твоему, хозяин обувной фабрики сам ботинки шьет?

– Ну, нет, – ответила Кузнецова.

– Ну, нет, – передразнил Огарков. – Вот и мерзавцу нет необходимости

слона от кота отличать! Наймет специалистов!

В разгар истерики в избу вошла Нора, которая без предупреждения прикатила вместе с сыном к подруге. Петя опрометью кинулся на улицу к друзьям, а Огарков перестал гневаться, он с интересом взглянул на Элеонору и вдруг мирно сказал:

– Нинок, взбодри кипяточек! Давно я в компании прелестных дам чаи не гонял.

Троица села за стол, и Григорий Константинович мигом превратился в того мужчину, которого когда-то без памяти полюбила Ниночка. Огарков сыпал анекдотами, комплиментами, рассказывал байки. Когда он, попрощавшись, ушел, Нора спросила:

– И почему ты мне говорила, что профессор бирюк, слова лишнего не скажет? Он милашка!

– Сама удивляюсь, – развела руками Нина, и тут в избе появился Разгонов.

– Слава богу! – воскликнула хозяйка.

– Приятно, когда тебя так встречают, – засмеялся Савелий.

– Я радуюсь не твоему появлению, – отрезала Нина, – пару минут назад Огарков смылся. Страшно представить, что бы он тут устроил при виде дезертира и предателя.

Сава без приглашения сел к столу.

– Привет, Норчик, сто лет не виделись.

– Здравствуй, Савелий, – тихо ответила Елкина.

– И почему я предатель и дезертир, дайте чайку, – на одном дыхании выговорил незваный гость.

– Клинику открыл? – прищурилась Нина. – От Огаркова ушел?

– Кто сказал? – пришел в недоумение красавчик.

– Сам Григорий Константинович, – пояснила Кузнецова, – так орал тут! Хорошо хоть при виде Норы успокоился.

– А я вот при виде Норчика, наоборот, волноваться начинаю, – пропел Казанова, – она все хорошеет и хорошеет!

Елкина залилась краской, Нина рассердилась на подругу. Неужели у нее до сих пор есть какие-то чувства к этому охламону? Ну как можно быть такой глупой?

– Он все забыл, – смеялся тем временем Разгонов, – чуяло мое сердце, что так и будет. Да, моя ветеринарка заработала. Но я сам не Айболит, нанял специалистов. Позавчера уехал в Москву, решал последние вопросы, всякие печати-штампы ставил. Огаркова предупредил, что вернусь через пару дней, рассказал ему про лечебницу, объяснил: он не один год свое

наследство расфуфыкивает, что делать будет, когда казна опустеет? Как мне жить? Я денегат скопил, хочу их в бизнес вложить. Ветеринарной лечебницы в Фурске нет. А какая кошка первой к банке подошла, той и достались жирные сливки. Григорий одобрил мое решение.

– Чего же он взбесился? – поразилась Нина. – Орал: «Он меня бросил!»

– А спроси у него, – пожал плечами Разгонов, – он вообще в последнее время неадекватен. Сделай одолжение, принеси квасу. Неохота чай горячий пить.

Домашний напиток стоял в подполе, Нина ушла на кухню. Она сходила в сарай, открыла погреб, вытащила трехлитровый баллон, вернулась домой и увидела у стола одного Петю.

– А где твоя мама? – удивилась Нина. – И Савелий Михайлович?

– Они пошли воздухом подышать, – с набитым ртом ответил мальчик, – просили тебе передать: ложись спать, они поздно вернутся.

– ...! – вырвалось у Нины.

– Ой! – изумился Петя. – Ты ругаешься, как баба Галя!

– Ты просто не расслышал, – замела хвостом Кузнецова, – я сказала совсем другое слово.

Мальчик захихикал и убежал.

Глава 32

Утром Элеонора начала:

– Нинуша, я хочу тебе сказать...

– Если Савелий тебе снова голову задурил, то лучше молчи, – зашипела подруга, – ты идиотка! Разгонов вчера с тобой просто порезвился. У него отношения с богатой бабой! Подозреваю, что клиника мерзавца на ее деньги открыта. Немедленно забудь, чем вы вчера занимались.

– Ничего мы не делали, – покраснела Нора, – Сава давно вне поля моих интересов. Я вообще мужчинами не интересуюсь. Он предлагает мне купить дом бабы Кати.

– Кого? – переспросила подруга.

– Твоей соседки, – пояснила Нора, – она умерла, сын хочет от дома избавиться. Сама же мне говорила.

– Верно, – согласилась Нина, – но Серега скупой, цену заломил, поэтому никто не интересуется. Хотя дом хороший, большой, недавно ремонт сделали, новую кухню поставили.

– Представляешь, как мы заживем, – обрадовалась Элеонора, – уберем забор между участками! Опротивела мне Москва, сил нет. Буду тебе помогать.

– Вечером огород польем, сядем на веранде чай пить, – подхватила Нина.

Помечтав пару минут, Кузнецова спохватилась:

– Погоди, Сава тебе предлагает дом купить?

– Он обещает большую скидку у хозяина потребовать, – уточнила Нора.

– Где деньги взять? – задала самый насущный вопрос Кузнецова.

– Нужную сумму Сава даст, – потупилась Элеонора.

Нина забеспокоилась.

– В долг? Чем отдавать собираешься?

– Ну... Это плата, – проямлила Елкина.

– За что? Немедленно рассказывай, – потребовала подруга.

– За работу.

– Какую?

– Исследовательскую.

– Мне из тебя каждое слово надо клещами вытаскивать? – обозлилась

Нина.

И Элеонора объяснила суть дела. Ей будут давать пить чай, рецепт которого придумал Григорий Константинович. Напиток регулирует работу кишечника, улучшает обмен веществ. Жить Норе придется в лаборатории. Огарков поселит ее на своей половине, сам будет ночевать в кабинете. Весь эксперимент займет двадцать один день. Потом Нора получит дом – и свободна.

– Никогда! – заорала Нина и стукнула кулаком по столу. – Они там не чаями занимаются. Наврал Савелий. Неужели ты забыла, какой он сказочник?

– Сава мне не лгал, – возразила Нора, – никогда не обещал жениться и вечно любить.

– Ну и целуйся с ним теперь, – вскипела Кузнецова и отправилась заниматься домашними делами.

Заволновалась она к вечеру, когда подруга не пришла ночевать. Прекрасно понимая, куда она делась, Нина помчалась в лабораторию. На ее настойчивый стук из двери выглянул Огарков.

– Тебе чего надо?

– И я рада тебя, Григорий Константинович, видеть, – парировала Нина. – Где Нора?

– Кто? – прикинулся дурачком профессор.

Кузнецова схватила булыжник, который лежал на земле.

– Если сию секунду не ответишь, окна побью.

– Сава, – закричал Григорий Константинович, юркнув в дом, – тут эта сумасшедшая.

Во двор вышел Разгонов, он спокойно объяснил Нине: ему удалось получить заказ от одной крупной торговой сети. Фирма хочет поместить на упаковку своего товара авторитетное мнение ученого о качестве напитка. Огарков доктор наук, профессор, уважаемый ученый, не шантрапа. Григорий не готов поставить свой автограф на некачественном продукте. Поэтому они устроили трехнедельное испытание. Элеоноре надо просто пять раз в день пить чай. И все!

– Избу за такое ерундовое занятие не дадут, – возразила Нина.

– Глупышка, ты просто не в теме, – усмехнулся Савелий, – это же, считай, реклама французской фирмы, дом она покупает.

Савелий говорил спокойно, приводил весомые аргументы, потом во двор вышла Нора и сказала:

– Нинуша, ступай к себе, не волнуйся. Чай вкусный, фруктовый. Чего ты нервничаешь?

И тут в окно высунулся Огарков.

– Да нет, оставайся. Хочешь парижский чай попробовать? У нас его много. Я анализ сделал, отличная рецептура! Я бы такой ерундой не занимался, но с деньгами швах! Приходится выкручиваться.

И Кузнецова поверила, что Элеонора будет просто наливать напиток.

По дороге назад Нина ломала голову, что сказать Пете. Мальчик уже взрослый, ему про служебную командировку не споешь.

Так и не придумав ничего достойного, Кузнецова решила сказать подростку правду про чай, села на диван рядом с Петей и начала:

– Петяша, твоя мама...

– Знаю, – не отрывая взгляда от экрана, перебил ее тот, – она нанялась на траулер, поедет в город Владивосток. Будет рыбу по банкам раскладывать. Когда вернется, мы соседнюю избу купим, вместе заживем!

Нина подивилась изобретательности подруги, решила, что версия с траулером намного лучше правды, и пошла спать.

На следующий день Нина проснулась с резью в горле, у нее поднялась температура, появился насморк, кашель. Десять дней Кузнецова болела, потом еще несколько суток качалась от слабости. Когда Нина наконец оправилась, она решила сходить в лабораторию и пошла в лес.

Дверь и окна в доме оказались закрыты. Кузнецова стучала, кричала, но ей никто не открыл. Пришлось возвращаться домой. Вечером Нина опять явилась к Огаркову и застала в лаборатории одного Григория Константиновича.

– Где Нора? – спросила Нина.

– Лучше не спрашивай, – разозлился Огарков.

Дверь в дом распахнулась, сказав: «Закончено», – внутрь ввалился Савелий.

– Ты один? – быстро спросил профессор. – А где Элеонора? Нина с ней поговорить хочет! Ты ее нашел?

– Нет, – заорал Разгонов, – небось на автобус села и смылась. Это она все деньги сперла! Стопудово!

– Вы о чем? – испугалась Нина.

Огарков встал и вышел, Савелий поморщился.

– Вот не ожидал такого от Норы, честное слово. Что угодно: истерику, слезы, зудеж на тему: «Спишь со мной, а жениться не собираешься», но воровство! Твоя драгоценная подружница унесла весь бюджет на исследование.

– Не понимаю, – пролепетала Кузнецова.

– Ничего сложного, – буркнул Разгонов, – фирма, которая торгует чаем, нам заплатила за исследование. Часть этих средств предназначалась для оплаты Норе. Очень нехилая часть. Бомжи и разные больные у нас за тысячу рублей в экспериментах участвуют. А Елкиной следовало аж десять тысяч долларов отдать.

Нина чуть не упала.

– Сколько?

– Десять кусков зелени, – повторил Савелий, – но это же не мы с Григорием Константиновичем из своего кармана платим. Иностранная фирма такие деньги людям выписывает.

– Мне Нора не сказала, сколько получит, – промямлила Кузнецова, – я сама набрала за несколько лет кой-чего. Хотела наши средства сложить, купить...

– Да плевать мне на то, что вы придумали, – заорал Савелий, – в столе было намного больше, чем десятка для бабы! Двести тысяч! Двести! Раз в жизни такая удача подваливает. В голову прийти не могло, что она их упрет.

Нина попятилась.

– Две сотни тысяч?! Две? Сотни? Тысяч? Долларов?

– Именно так, – продолжал кричать Разгонов. – Может, ты с ней в доле? Нора подруженции чуток отсыпала и смылась.

Кузнецова перепугалась насмерть.

– Конечно, нет!

– А вот я думаю иначе, – завопил Сава и стал медленно наступать на Нину.

Глава 33

Кузнецова, словно ошпаренная, кинулась вон из лаборатории. Домой она прибежала почти в предынфарктном состоянии. Руки, ноги у нее тряслись, в висках стучало, в голове гудело. Одна часть мозга не могла поверить в то, что Нора воровка, но вторая подсказывала: Елкиной очень нужны деньги, она постоянно жалуется на усталость от работы, мечтает выиграть в лотерею... Кузнецова пребывала в полнейшей растерянности, не знала, что делать. За полночь неожиданно затрезвонил телефон. В те годы у Нины не было сотового. А вот обычный аппарат стоял, да только номер знала лишь Элеонора.

Кузнецова схватила трубку, сквозь треск, шум, писк прорезался еле слышный женский голос:

– Нина, это я. Нора.

– Ты где? – заплакала Нина. – Вернись, мы все уладим.

– Я хочу жить одна, – ответила подруга, – для себя. Есть вариант хорошо устроиться. В буфете лежит тысяча баксов, это на Петьку. Делай с ним что хочешь, я от мальчишки устала. Прощай.

– Нора, Нора, – зарыдала Нина, но из трубки уже полетели частые гудки.

Кузнецова бросилась в зал, открыла буфет и ахнула. Названная сумма и впрямь оказалась на полке. Нине стало ясно: Савелий не врал! Ее подруга украла немереные доллары.

На следующий день Ниночка, взяв валюту, побежала к Разгонову, нашла его во дворе, отдала деньги, рассказала про ночной звонок и задала вопрос:

– Что мне делать?

– Жить дальше, – меланхолично ответил Савелий, забирая купюры, – сын за отца не отвечает, а уж подруга за приятельницу тем более.

Нина молча смотрела на любовника Норы, потом взгляд ее переместился на грязные ботинки Савелия и на лопату, лезвие которой испачкалось в свежей земле.

– Огород решил завести, – объяснил Сава, заметив, куда смотрит Кузнецова, – вскопал за домом грядки.

– В лесу ничего не вырастет, – вздохнула Нина, – солнца мало. Что мне с Петей делать? Я его как сына люблю. Но если заявлю о пропаже Элеоноры, мальчика в приют определят.

Разгонов встал.

– Нора не пропала. Она удрала, украв деньги. Хочешь, чтобы ее посадили?

– Нет, – прошептала Нина, – прости, понимаю, ты очень расстроен пропажей...

– Я? – усмехнулся Сава. – Нет. Мне из той суммы ничего бы не досталось. Огарков, естественно, их на свои исследования потратить собирался. Вот Григорий в шоке, всю ночь истерил, сейчас спит. Поэтому я на улице сижу, не хочу его тревожить. Если не желаешь упечь Норку на зону, помалкивай о том, что случилось. Ее никто не хватится. А насчет мальчишки...

– Он мне родной, – перебила Нина, – но, если просто так в Обеляновске жить останется, народ удивится. И в школу его здесь не отдашь. Не в Москву же подростку кататься!

Разгонов взял ее под руку.

– Пошли, провожу до дома. Хочешь усыновить Петю?

– И как это осуществить? – изумилась Кузнецова. – Мальчик не собачка, его просто так на себя не оформишь.

Сава остановился.

– У меня есть, ну, скажем, давняя знакомая. Она все оформит как надо, бесплатно.

Разгонов не обманул, Нина вскоре официально стала мамой Пети, получила все необходимые документы.

Родионов прервал рассказ.

– Извините, Степанида, за долгую историю, но если ее изложить вкратце, то непонятно будет.

– Пока все ясно, – пробормотала я, – в том числе и то, по какой причине Зинаида Федоровна налетела на оператора, когда тот сказал: «Раньше тут работал ветеринаром Савелий Михайлович Разгонов». Не один год прошел после событий, которые вы описали, да, видно, для матери Ильи до сих пор каждое упоминание о любовнике стресс. Но почему Петя к вам пришел?

Игорь допил кофе.

– Он искал частного детектива, понимал, что полиция не станет заниматься исчезновением женщины, которое произошло много лет назад. Кузнецов обращался в разные агентства. В двух наиболее известных ему сразу выдали примерный счет за работу на огромную сумму! У Петра даже близко нет таких денег. Он решил обратиться в маленькие фирмы, нашел в Интернете Родионова, прочитал мою биографию, узнал, что я из

Обеляновска, вспомнил, что мы вместе учились, и понадеялся: однокашник его раздевать постесняется.

– Простите, Игорь, – остановила я его, – я неточно задала вопрос. Хотела узнать не по какой причине Петр вас из всех детективов выбрал, а почему он решил пойти к сыщику, отчего ему в голову пришла мысль, что его родную мать убили?

– Потому что Нина в предсмертной беседе ему сказала: «Нору лишили жизни», – пояснил Игорь. – Спустя не один год после побега Элеоноры Кузнецова обнаружила в своей сумке письмо. Читайте.

Родионов повернул айпад, перед моими глазами появилось фото страницы, которую напечатали на пишущей машинке. «Вашу подругу закопали в лесу. Валеру тоже убили. Он точно не сам из окна выпрыгнул. Наташу заравили. Я боюсь. Мне плохо. Анна Сергеевна Наташу продала за квартиру в Москве. Я все знаю. Помогите. Откопайте свою подругу. Тогда полиция найдет убийцу. Я знаю, кто это. Боюсь сказать. Сожгите мое письмо».

– Валера – это, наверное, сын Юрия Петровича, – заметила я, отрываясь от чтения. – Наташа, думаю, дочь Анны Сергеевны Сытиной. А вот про квартиру явная ошибка или намеренная ложь.

Родионов посмотрел в пустую чашку.

– Заказать тебе, простите, вам, еще кофейку? Почему пирожное не ешь?

– Не хочу, – отказалась я. – Анна Сергеевна после инсульта стала инвалидом, правда, она уже ходит, нормально разговаривает, но нуждается в деньгах. Наталья вернулась жить в Фурск, чтобы ухаживать за мамой. Уехала девушка в Москву, потому что все считали ее виновницей гибели Валерия, и до сих пор у нее дурная слава, поэтому ее нигде на работу не брали. Только в «Бак» приняли. И Наталья, и ее мать мечтают покинуть Фурск, имей они квартиру в Москве, могли бы уехать.

– Насчет Анны Сергеевны ты... простите, вы ошиблись, – возразил детектив.

– Можете мне более не «выкаты», – улыбнулась я.

– Отлично, давай глотнем капучино на брудершафт, – пошутил собеседник.

– Что не так с матерью Натальи? – удивилась я. – Была у нее дома, бедность кричит из каждого угла.

– Анна Сергеевна давным-давно приобрела трешку в Москве, – ответил Родионов. – Когда Петя дал мне это письмо, я решил проверить людей, о которых в нем говорится. И сразу убедился, что на старшую

Сытину зарегистрированы апартаменты. Они сдаются, арендная плата перечисляется на кредитку, которая оформлена на Анну. Сейчас она получает восемьдесят тысяч. Не хочу сказать, что на эту сумму можно каждый день лопать черную икру, но с голоду точно не умрешь. Прочитав послание, Нина Кузнецова никого откапывать не побежала, но она вспомнила, что в тот день, когда пришла к Огаркову повидаться с Норой и узнала, что та сбежала, в дом со словами: «Закончено» – ввалился Савелий. У него были испачканы в глине ботинки и обшлага джинсов. А на следующее утро, принеся ему тысячу долларов, Нина увидела, что Сава опять в заляпанной обуви, а у дома стоит лопата с лезвием в земле. Разгонов заметил взгляд Кузнецовой и объяснил: «Огород решил завести, грядки копал».

Нина была взбудоражена известием о воровстве и бегстве Норы, поэтому не придавала значения тому, что заметила. Но после получения письма у нее в мозгу забрезжил свет, и Кузнецова испугалась: что, если Сава копал могилу для Норы? Вдруг та не сбежала?

Глава 34

Неделю Нина не знала, что ей делать, потом вдруг сообразила. Письмо-то оказалось у нее в сумке. А где она в тот день оставляла кошелку без внимания? Нина не беспечна, она понимает, что вокруг всегда найдутся воришки, поэтому крепко держит ридикюль. Но во вторник торбочка временно оказалась без хозяйки. Где? Нина следит за своим здоровьем, раз в году проходит диспансеризацию. Она отправилась на маммографию, разделась за ширмой, встала к аппарату, а одежда и все прочее лежало на стуле. По кабинету туда-сюда сновала медсестра Елена Зайцева. Нина знала девушку. Давно когда-то Нине приходилось не раз делать замечания Елене, Наталье Сытиной и Валерию Зиновьеву. Троица ездила на велосипедах купаться на озеро и, чтобы срезать дорогу, катила не по шоссе, а через лес, с которым граничил участок Кузнецовой. Сколько раз дети мяли колесами грядки! Потом Валера и девочки обзавелись великами с моторами, и мальчик вломился в стену сарая, где Нина держала инвентарь. На беду именно в тот день там стояли трехлитровые баллоны со свежесоленными огурцами-помидорами, хозяйка не успела их переместить в подпол. Банки погибли. Вот тут Кузнецова разозлилась и велела детям не приближаться к ее участку. Но вредные подростки продолжали ездить через сотки Нины, а потом вдруг резко перестали появляться. Сообразив, что никто, кроме Зайцевой, накатать ей послание не мог, Кузнецова приехала в больницу, нашла Елену и сказала ей:

– Ты увидела меня в списке пациентов, живо составила цидульку, положила тайком в сумку, пока мне делали маммографию. Напечатала небось на машинке, которая в кабинете стоит. Доктор заключения на ней шлепает. Давай рассказывай все!

– Понятия не имею, о чем вы, – взвилась Лена и сбежала.

Но Кузнецова пребывала в уверенности, что автор сообщения – медсестра. Что за чушь она состряпала? Кого и что видела? Нина несколько раз пыталась поговорить с Зайцевой, дважды подстерегла ту у ее дома. И оба раза Лена находилась в состоянии опьянения, Кузнецовой стало ясно: медсестра увлекается алкоголем, небось записку она составила под действием спиртного, нет в ней правды.

До последних дней жизни Нина хранила всю историю в тайне. Но потом поняла, что умирает, и покаялась Пете:

– Прости, сыночек! Я плохо подумала об Элеоноре, она не воровка, не

крала денег у Огаркова.

– Но тысяча в буфете... – заикнулся Петя.

– Думаю, их подбросил Разгонов, – прошептала Нина, – и звонок Савелий организовал. Со мной определенно беседовала женщина, но голос еле-еле пробивался сквозь писк, треск, шум. Я поверила, что на том конце провода Нора, потому как она сообщила про доллары и они нашлись там, где она сказала. Но подложить купюры у нас в доме было легко. Мы никогда не запираем ни калитку, ни дверь. Живем-то на отшибе, за домом сразу лес, чувствуем себя деревенскими жителями. Сава просто вошел в избу. Но, даже наткнись он на тебя или на меня, его появление не вызвало бы удивления. «Привет, я зашел чайку попить», – скажет Разгонов и получит кружку. Савелий выбрал удобный момент и сунул деньги в буфет. Он меня отлично знал, понимал: увижу зеленые бумажки и, памятуя ночную беседу по телефону, побегу и немедленно отдам украденное твоей мамой. И ведь не ошибся. Я к нему полетела. Сыночек, найди тело Норы, похорони ее по-человечески и отыщи убийцу.

Петя попытался возразить:

– Мамочка! Зачем Савелию лишать жизни Элеонору?

– Ответа я не знаю, – прошептала больная, – думаю, они с Огарковым никакой чай не рекламировали. опыты проводили. Может, таблетки Норе давали, уколы ставили, и она умерла. Тело спрятали, мне наврали, что воровка сбежала. Понимали, что я испугаюсь, в отделение не побегу. Обельяновск городом считается, а по сути, это деревня. Полетит слух: Елкина сперла миллионы в валюте. Народу только дай повод, наврут, наvertят, с навозом смешают. За тебя боялась. Прилипла бы к тебе дурная слава.

– Мамуля, пусть ты права, – согласился приемный сын, – но Разгонов давно покойник. И Огарков на том свете. От ветеринарной клиники и избы ученого ничего не осталось.

– Ошибаешься, профессор жив, – еле слышно сказала Нина, – думаю, он знает правду! Пообещай, что отомстишь ему за Элеонору и за меня. Долго я сумасшедшего любила, а он мной пользовался, да и только.

Кузнецова показала на икону, которая стояла на тумбочке:

– Перед образом поклянись.

И что оставалось делать Петру? Конечно, он произнес клятву. Кузнецов не верит в Бога, не ходит в храм, но даже у равнодушного к религии человека в душе живет опасение: не надо врать перед образом, мало ли что...

Петя похоронил Нину, стал устраивать свою жизнь, но получалось

плохо, неприятности сыпались на его голову дождем. Придя к Родионову, он сказал:

– Матерью я считал Нину, к Норе тоже хорошо относился, но не хотел ворошить старые дела. Мысль мелькала: вдруг она и правда доллары ukrала? Я это выясню, и что мне с неприглядной правдой делать? А сейчас думаю: вдруг все неудачи, которые я постоянно терплю, из-за невыполненной клятвы на иконе? Можете проверить, есть ли около дома Огаркова человеческие останки?

Игорь замолчал.

– И что? – воскликнула я.

Детектив развел руками.

– Я взял двух парней, которые у меня работают. Приехали на место. Дома нет, он сгорел.

– Как и ветеринарная клиника Разгонова, – пробормотала я.

– Верно, – подтвердил сыщик.

– Так останки нашли? – перебила я.

– Перекопали весь задний двор, ничего, – отрезал Игорь, – но лес-то огромный. Спрятать тело могли где угодно.

– Елена подходила ко мне в больнице, – сказала я, – просила увезти ее из Фурска, говорила, что ее жизни грозит опасность. Но я посчитала медсестру странной, не совсем нормальной. Наша встреча произошла в психиатрической лечебнице. Вот и...

– Ты подумала, что у медперсонала, который общается с теми, у кого поехала крыша, у самого протекает потолок, – закончил за меня Игорь.

– Вроде того, – призналась я, – Елену я встретила вместе с владелицей санатория Инессой Гавриловной Фиркиной.

– Санатория? – удивился Игорь.

– Они так деликатно психиатрическую лечебницу называют, – пояснила я, – то санаторий, то пансионат, берегут нервы больных и их родственников. Ну согласишься, думать, будто твоя тетя живет в санатории, приятнее, чем знать, что она содержится в сумасшедшем доме. И посторонним не стыдно сказать, где родственница, и начальству.

Родионов взял салфетку.

– Кстати, о родне. Ты в курсе, что Инесса Гавриловна вдова брата Зинаиды Федоровны?

– Нет, откуда мне это знать? – удивилась я.

– Твой муж давно дружит с Ильей, – ответил Игорь. – Он не рассказывал историю семьи Ковригиных?

– Только в общих чертах, – ответила я, – Зинаида Федоровна вдова

Алексея Михайловича, бывшего главы Фурска. У нее два сына, старший Илья, нынешний мэр города, умный, успешный мужчина. И младший Леонид, тот, как говорит моя бабушка: «Не пришей кобыле хвост». Илья вдовец, его жена Анастасия умерла. У него есть дочь Светлана, та давно живет за границей. Ковригин более в брак не вступал. Все.

– У Зинаиды был брат Кузьма Федорович, – объяснил Родионов, – Инесса Гавриловна его жена. Она Фиркина по мужу. Зина в молодости носила ту же фамилию, Ковригиной она стала после похода в загс. Сестра и брат дружили, все жили в одном доме. Инесса до сих пор там обитает во флигеле.

– Я была у Ильи в гостях, а когда уходила, видела во дворе Фиркину, – вспомнила я, – она из машины вышла, со мной не поздоровалась. Я еще подумала, что она глухая.

– Илья Алексеевич, Зинаида Федоровна и Инесса Гавриловна вместе построили частную психиатрическую клинику, – пояснил Игорь, – наверное, лечебное заведение появилось, чтобы вдова не впала в депрессию после кончины мужа.

Я встала.

– Надо прямо сейчас поговорить с Еленой. Можешь организовать нашу встречу?

Глава 35

– Не знала, что вы уже дома, – сказала я девушке, стараясь глубоко не дышать.

В крохотной кухне отвратительно чем-то воняло.

– В нашей больнице за бесплатно долго не держат, – прохныкала Лена, – дали мне под зад коленом. Сил никаких, а они вон гонят. Вот тех, кто при деньгах, обхаживают. А я? Кому нужна нищая! Они меня выперли, чтобы Гальку Сорокину, наркоманку, под капельницу положить. Варька прямо заявила: «Бери шмотье и сваливай, кровать для хорошего человека нужна».

– Вы цитируете слова Варвары Литвиновой? Старшей медсестры токсикологического отделения? – уточнил Родионов. – Я с ней час назад беседовал.

– И что она про меня наврала? – рассердилась Лена. – Сама хороша! Мы вместе в училище парились. Знаете, как Варька тогда квасила! Сколько раз я ее на себе домой огородами перла? А теперь она святой прикидывается!

Игорь приподнял бровь.

– Литвинова тоже сказала, что вы сидели рядом с ней на занятиях. И лишь по причине вашей давней дружбы Варвара к вам по звонку прибегала, потихоньку капельницы ставила, чтобы вы после очередной пьянки на работу вышли. Но когда вас привезли по «Скорой», Варя не смогла ничего сделать, вас официально оформили. Вы должны сказать подруге большое спасибо за то, что она вас домой отправила. Когда вас поместили в палату, Литвинова упростила врача написать в медкарте «пищевое отравление». Не пьяная вы были, просто поели тухлятины. В этом случае никто вам на работу «телегу» не отправит. Но сегодня утром доктор в десять утра сменился, а тот, кто вместо него явился, вмиг понял бы: какая тухлая колбаса? Налицо последствия неумеренного потребления алкоголя. Вот почему вас, Елена, как вы говорите, «вон выперли». Кстати, медсестра просила меня учесть, что у Зайцевой тяжелый период в жизни, она поругалась с матерью, та выгнала дочь из квартиры, на работе Леной недовольны, у нее одни замечания. Литвинова хорошая подруга, она за вас переживает.

– Матери только бабло нужно, – простонала Лена, – в психушке сотрудники злые, они...

– Чем у вас пахнет? – не выдержала я.

– Плохо мне совсем, встать не могу, мусор не выносила, – заскулила хозяйка, – жрать нечего!

Родионов встал и открыл дверцу под мойкой.

– Фу! – поморщилась я. – Похоже, отбросы с Нового года не выкидывали.

– Страшно на улицу высовываться. Ужас я в алкоголе топлю, – нашла новую причину для оправдания своего пьянства Зайцева.

Игорь взял ведро и вышел, отсутствовал он около получаса, за это время Лена успела пожаловаться на всех, кто ее окружает, упрекнуть их в невнимательности, жадности, злости, клевете на нее. Зайцева самозабвенно обвиняла всех окружающих, всех, кроме себя.

Родионов вернулся с пакетом, вытащил из него чай, лимон, сыр, хлеб. Я, преодолевая брезгливость, помыла чашки, и в конце концов наша компания снова села за стол.

– Лена, – попросила я, – расскажите, почему и кого вы боитесь?

Зайцева обхватила ладонями кружку.

– Меня как бы двое. Одна пребывает в ужасе. Вторая понимает: раз я жива осталась, значит, Светка, хоть она и дрянь, меня не выдала. Наташка тоже догадалась промолчать, хоть ее виноватой сделали. Валерка... Ну зачем он так? Светлану отец за границу отправил. Натка в Москву смылась, одна я здесь в дерьме среди подлых людей живу!

– Ничего не понимаю, – остановил девицу Игорь, – постарайтесь по порядку объяснить.

Хозяйка сделала большой глоток чая и завела рассказ.

Лена Зайцева, Наташа Сытина, Света Ковригина, Валерий Зиновьев учились в одном классе. Валера и Лена любили друг друга, но тщательно скрывали свои отношения. Почему? Зиновьев сын начальника полиции, его отец дружил с мэром, с главным режиссером местного театра, с ведущими телевидения Фурска. Семья Зиновьевых относится к элите города. Зинаида Федоровна, мать Ильи Алексеевича, крестная Валерика. У нее двое сыновей, она никогда не скрывала, наоборот, часто говорила, что мечтала о внуке. Появление на свет девочки ее разочаровало. Да еще невестка Настя никогда не ходила в церковь, смеялась над попами, называла их толстыми мошенниками, которые у старушек последние копейки якобы на нужды храма отнимают. А Зинаида верующая.

Откуда Лена знала, что происходило в семье мэра? Ей все рассказывал Валера, у которого была воцерковленная мать. Ирина всегда в воскресенье стояла на литургии вместе с сыном. Около жены Юрия Петровича

неизменно занимала место Зинаида. Валера неоднократно слышал, как крестная бормотала:

– Господи! Ну почему ты не послал мне такую невестку, как Ириша? Отчего наказал Анастасией? Дура эта не позволила Свету крестить, заявила: «Вырастет дочка, сама разберется, может, она захочет огнепоклонницей стать, нельзя веру навязывать!»

Валера очень любил Зинаиду Федоровну. Его мать Ирина постоянно болела, вечно ездила по монастырям, просила себе здоровья. Юрий Петрович хотел нанять сыну няньку, но Зинаида рассердилась:

– Отдать малыша чужому человеку? Нет на это моего разрешения. У ребенка крестная есть.

Спорить со старшей Ковригиной дело бесполезное, поэтому Валера на время отсутствия матери перебирался в дом мэра, где ему оборудовали спальню. Валера обожал Зифе, так он звал Зинаиду Федоровну, по первым слогам ее имени и отчества. Маму мальчик тоже любил, жалел, что она больна, но Ирина занималась своим здоровьем, у нее не было ни времени, ни сил на сына. Валера не обижался, но все свои детские радости-горести нес Зифе.

Жить у Ковригиных он перестал в девять лет, потому что Настя как-то вошла в его комнату и сказала:

– Ты уже взрослый, неужели не ясно, что ты перетягиваешь на себя все внимание Зинаиды? Отнимаешь у Светы бабушку! Мать Ильи уделяет постороннему ребенку массу времени, а на родную внучку у нее и минутки нет.

– Ладно, – ответил мальчик, – я уеду.

– Надеюсь, у тебя хватит ума Зифе о нашем разговоре не наобедничать, – завершила Анастасия.

Валера перестал ночевать у Ковригиных. Но он не мог полностью избежать общения с любимой крестной. Рождество, Пасха, дни рождения членов семьи Ковригиных, именины, Новый год, Первое-Девятое мая... Праздников в календаре, как церковных, так и светских, предостаточно, а Зифа всегда приглашала крестника, усаживала его за столом по правую руку от себя. Анастасия приторно-сладко улыбалась подростку, но тот прекрасно знал: она его терпеть не может. Валера никогда не грубил вредной бабе, в воскресной школе при храме ему четко объяснили, как нужно вести себя со взрослыми. И мальчик, которого стали приносить на службу пеленочным младенцем, рос тихим, вежливым.

Потом Ирина внезапно умерла незадолго до смерти сына. Зинаида стала активно жалеть сироту, брать крестника на отдых. Настя «полюбила»

Валерия еще сильнее. Каждый раз, когда семья садилась за стол, Зифа читала молитву, Валера старательно ей вторил, потом они, перекрестившись, начинали есть. Однажды Света, которая очень хотела понравиться бабушке, тоже неумело наложила крестное знамение. Анастасию передернуло, но она промолчала, а Зинаида вмиг отреагировала:

– Светлана, ты не имеешь права читать молитвы и осенять себя крестом.

– Почему, бабушка? – тихо спросила девочка.

– Потому что ты нехристь! – отрезала дама.

– Это кто? – не поняла Света.

На лице Зинаиды засияла улыбка.

– Спроси у своей мамы, она все объяснит!

После трапезы Валера пошел гулять, путь лежал мимо окна спальни родителей Светы. Из открытого окна долетел голос Анастасии:

– Уйми свою мать.

– Я не имею на нее влияния, – ответил Илья.

– Она ненавидит Свету!

– Просто бабушке не нравится, что девочка некрещеная.

– Зина знает мое мнение по этому поводу!

– А тебе известно ее отношение.

– Перестань корчить из себя богомольца! Прекрати креститься перед едой, – пошла вразнос Настя. – Притворщик! Врун! Я прекрасно знаю: ты матери свистишь в уши, что пост держишь, на ее глазах пустую гречку вилок ковыряешь, а потом в ресторане мясо жрешь.

– Прекрати, – устало попросил муж, – уйми истерику.

– Нет уж! Слушай до конца, – взвизгнула Анастасия, – может, я, по твоему мнению, истеричка, зато честная. Откровенно Зинке в лицо говорю: Бога нет, есть жирные пузатые мужики с бородами, которые заворачиваются в парчовые занавески и, чтобы купить себе хорошую машину, у нищих старушек последние копейки отнимают. Тьфу! На дворе двадцать первый век, а у нас дома мракобесье. Зинка...

Раздался глухой звук, затем вопль Насти:

– С ума сошел? Ты меня ударил!!! Мерзавец!

– Не смей звать мою маму Зинкой, – подчеркнуто спокойно произнес Илья, – изволь проявлять уважение к ней. Мать верит в Бога, а ты нет. Вы обе имеете право на собственное мнение. Но со стороны невестки очень некрасиво демонстративно заказывать повару на обед тушеное мясо в Великий пост. Я равнодушно отношусь к религии, но ради матери ем

гречку, исключительно чтобы не волновать ее.

– Мне нужно под нее подделываться? – снова разозлилась жена. – Спасибо за совет. И почему роль той, которая прогибается, досталась мне? Может, твоя богомолка язык прикусит и перестанет говорить мне, что я за кусок курицы окажусь в котле со смолой?

– Зина старше, она моя мать, – отрезал Илья, – и ты живешь в ее доме, а не наоборот.

– Отлично, – протянула Настя, – вот они – точки над «і». А теперь вспомни: куда ушло наследство, которое мне от отца досталось? На чьи деньги ты свой бизнес поднял? Подозреваю, что ты никогда меня не любил, тебе бабло понадобилось.

– Дура! – вышел из себя мэр. – Фабрика работала еще до нашего знакомства. Ее мой отец построил.

– Работала? – рассмеялась Настя. – Загибалась! Ты предприятие почти до краха довел. Восстало из пепла дело после того, как я влила в него все, что имела, и занялась рекламой. Но вам с Зинкой все было мало! Ей Ирка нравилась. И Валерка мерзкий! Хитрый глист! Втерся в нашу семью! Короче! Если парень еще раз у нас появится, если Зинка посмеет еще раз унижить мою дочь, обозвать ее за то, что девочка в грязной воде в церкви не искупалась, то я от вас уйду, найму адвокатов, затею суд, добьюсь возврата всех своих денег плюс прибыли. Выбирай! Или уважаете меня и Свету, или ваш бизнес будет в заднице! И если ты на меня еще раз руку поднимешь, я такой шум в прессе подниму, что ты навсегда из кресла мэра вылетишь. Муж мой любимый, ты понял?

Ответа Ильи Алексеевича Валера не услышал, он ушел и решил более не приходить к Ковригиным.

Глава 36

Когда крестник под предлогом простуды не появился на Рождество, Зинаида позвонила Валере и передала ему подарки. На святочной неделе он продолжал «болеть», крестная встревожилась. А в дни Пасхи Зина поняла, что подросток просто не хочет бывать в ее доме, сама приехала к Зиновьеву и устроила ему допрос. Валера что-то врал насчет сложностей в учебе, но Ковригина поняла, что без Насти тут не обошлось, и стала еще сильнее изводить невестку. Одновременно доставалось и Светлане. А у девочки начались тяжелые дни, она давно по уши влюбилась в Валерия, но теперь видела его только в школе. Мальчик не желал общаться со Светой, он вел себя прилично, но всячески увиливал от разговоров с дочерью Насти и не испытывал к ней светлых чувств. Весь класс, включая Светлану, знал: Зиновьев сохнет по Наташе Сытиной. Подросток провожал Нату домой, нес ее портфель, Света умирала от ревности. Вот только никто из детей понятия не имел, что на самом деле ребят связывает дружба. Валера обожал Лену Зайцеву, и та отвечала ему взаимностью. Почему подростки тщательно скрывали свои отношения? Зачем Наташа и Валера старательно изображали перед всеми влюбленную пару?

Елена Зайцева не знала своего отца, ее мать пользовалась в Фурске более чем дурной славой. Все знали, что в последние годы правления Алексея Михайловича Ковригина, отца Ильи, мужа Зинаиды, госпожа Зайцева содержала притон, где весело проводили время мужчины из местной элиты. Злые языки болтали, что городской глава посещал бордель и обслуживала его сама владелица. Как отреагируют родители Валеры, а главное, крестная, когда выяснят, с кем он завел отношения? Наташа Сытина, лучшая подруга Лены, тоже росла в небогатой семье, но ее мать Анна Сергеевна работала в приличном месте, не пила, не курила, по мужикам не бегала. Правда, народ называл Анну Сергеевну колдуньей, шептался, что она может сделать приворот-отворот, приманить-отпугнуть удачу. Но, согласитесь, на фоне того, чем занималась в былые годы Зайцева, сушеные жабы лапы, которые заваривала в чайнике Анна Сергеевна, выглядели невинно. И никто мать Натальи с зельем в руках не видел. Если кто и пользовался ее услугами, то они твердо молчали. А подозрение... Этак и вас можно колдунами назвать. Наташа никак не могла понравиться в качестве невесты Зинаиде и родителям Зиновьева. Но ребята-то еще школу не окончили, рано им о создании семьи было думать.

Один раз, идя по коридору мимо спальни бабушки, Светлана услышала голос Зинаиды:

– Наташа Сытина? Кто она?

– Его одноклассница, – ответил мужской голос.

Света сразу узнала, кому он принадлежит, – Юрию Петровичу. А начальник полиции стал рассказывать о семье Натальи.

– Нам такая не нужна, – подвела итог услышанному Зинаида, – но разрушать их отношения не стоит. У нас мальчик, сам знаешь, что и где у него постоянно чешется. Если девчонка согласна, а ее мать глаза закрывает, то и мы ничего не видим. Пусть у Валерки будет одна подстилка, а не разные, меньше проблем со здоровьем. Прочитай сыну лекцию о контрацепции, купи ему презервативы. Нехай балуется. Женится он на той, кого мы ему выберем.

Света чуть не скончалась от ревности и с того дня стала еще настойчивее набиваться в друзья к Сытиной.

Как-то раз Светлана решила пойти в лес собирать малину. Все знают, что растут лучшие ягоды неподалеку от Обельяновска. Девочка села на свой велосипед с мотором, такие были почти у всех школьников, и быстро прикатила на опушку. Там она слезла с железного коня и повела его по дорожке, она знала, куда идти. Представьте удивление Светы, когда через минут пять она нагнала Наташу и Валеру, которые тоже шли по тропинке и толкали свои велики. Стоял июль, часы показывали послеобеденное время. Жара.

– Эй, вы куда? – крикнула Ковригина. – Купаться? Я с вами!

– Нет, нет, – хором ответила парочка, – нас по делам отправили.

– Кто? По каким? Куда? – тут же заинтересовалась дочь Ильи Алексеевича. – Эй! Стойте!

Света догнала ребят и схватила Валеру за рукав.

– Вы же с Наташей вроде поругались! Все говорят, что ты у нее под окнами плачешь, и чего? Вы идете вместе веселые, зачем врете про ссору?

Наташа, не отвечая, побежала вперед. Валера остался, он больно стиснул плечо Светы.

– Заткнись! Оставь нас в покое. Мы не хотим с тобой общаться! Дошло? Да? Вали, нажалуйся своей мамаше! Мне плевать!

Потом он толкнул Свету, та упала и так сильно ударилась о какой-то камень, что, когда встала, Валера уже успел исчезнуть. Света заплакала от обиды, но потом вытерла слезы и решила отомстить. Девочка понимала, зачем ее одноклассники подались в чашу. Небось у них там есть уютное местечко, где можно, не боясь чужих глаз, творить, что в голову взбретет.

Света полезла в свой рюкзачок, ей недавно на день рождения подарили дорогой фотоаппарат, она увлеклась съемкой птиц и всегда держала при себе камеру. В голову ей пришла идея. Надо идти по тропинке, она тут одна, скорей всего неподалеку есть полянка, на которой можно расстелить одеяло... Если ей повезет, она застигнет парочку в самый интересный момент, тихо нащелкает кадров, уйдет, а завтра повесит в школе на доске снимки. То-то все обрадуются поглядеть на то, как Наташка «ненавидит» Валерия.

Распираемая желанием отомстить, Света побежала по дорожке. Та в конце концов уперлась в кусты. Девочка увидела Валеру, Натю и... Лену Зайцеву, последнюю она узнала по смешной клетчатой кепке, такая была только у нее. Троица сидела на корточках спиной к Свете, Ковригина глянула сквозь ветки и разинула рот.

Я молча слушала рассказ Зайцевой. Когда Лена завершила повествование, Игорь спросил:

– Неужели вы не заметили Свету?

Лена поежилась.

– Теперь, когда вы знаете, что мы увидели, то поймете: мы впали в ступор. Лично я боялась пошевелиться, вздохнуть и охнуть. Когда убийца ушла, мы пришли в себя и тут заметили Светку. У нее было такое лицо! Не передать словами!

– И как вы поступили с Ковригиной? – задал следующий вопрос Родионов.

Елена вздрогнула.

– Она заплакала очень тихо, как собачонка больная заскулила. Валерка и Наташка ее обняли... В общем, мы все зарыдали и побежали прочь от страшного места, вышли на опушку, сели на поваленное дерево. И впервые нормально поговорили. Раньше-то Валерка Светку терпеть не мог, Наташка тоже от нее отворачивалась. А в тот день... Ковригина честно рассказала про то, что у них дома происходит, про Зинаиду, что Валерика любит, как сюда бежала, что думала про меня и наши отношения с Зиновьевым, а потом сказала:

– Теперь я попрошу отца меня за границу отправить. Как я жить буду после того, что видела, кто мою маму убил? Я же не могу в ментовку идти.

– Маму убил, – повторила я, – бедная Анастасия.

– Жуть, – прошептала Лена, – Светку как прорвало, словно пробку из нее вытащили, и она без умолку говорила. Все, что я вам от лица Ковригиной сказала, от нее самой в тот день услышала!

Она нам выложила все, даже то, как хотела снимки сделать, а потом их

вывесить, рыдала, и мы все плакали. Затем Валерка на часы взглянул, уже было поздно. Вдруг Светка на землю села.

– Мама моя, мама! Она там лежит мертвая! Ее нельзя так бросать! Папе я сказать не могу! Не могу!

Валерка ее обнял.

– Тихо! Ты молчи, я сам Илье Алексеевичу сообщу. Пусть он решает, что делать.

Потом он нас всех поцеловал.

– Девочки! Езжайте домой. Никому ни звука. Я все устрою.

Лена замолчала.

– Что дальше было? – спросила я.

Зайцева вздрогнула.

– Мы укатили. А в полночь мне Валерик позвонил, зашептал: «Лена! Выдохни! Настя жива! Я всю правду Илье сообщил».

И трубку повесил.

Елена начала щипать себя за запястье.

– Больше мы с ним не разговаривали. Валерка дома сидел, в школу не ходил. Света тоже не появлялась, Наташки не было. Звонить им всем домой я боялась. А потом по телику сказали, что Валерка из-за Наташки из окна выпрыгнул. Но это же неправда. Он меня любил, Сытина нас просто прикрывала. Ее вмиг все возненавидели, начали небылицы придумывать, говорить, что Валера обожал Свету, а Натка его околдовала, приворот сделала.

Лена поежилась.

– На самом деле черной магией Анна Сергеевна занимается. Это она обереги делает, колдует. Народ слышал звон, да не знал, откуда он, на Наташку стрелки перевел. Светлана больше в школе не появлялась, слух прошел, что ее за границу учиться отправили из-за Наташи, будто она у Ковригиной Валеру отняла, а у дочери мэра от этого эпилепсия началась, нельзя ей с Сытиной видеться. Снова Наташа виновата. Но одновременно еще трепались, что Валерка Натку обожал, а она его после скандала в театральной студии видеть не хотела. Он из-за этого самоубился. Где логика-то?

– У сплетен ее нет, – мрачно заметила я.

– И что уж совсем удивительно, – не утихала Елена, – так это поведение Анны Сергеевны, она говорила, что Валера порог дома Наташи обивал, руку-сердце ей предлагал, а дочь его вон гнала, вот он из окна и сиганул.

– Мне старшая Сытина именно так все и объяснила, – подтвердила я, –

еще она жаловалась, что Наташе из-за ненависти жителей Фурска пришлось уехать в Москву, поступить там в медучилище. Приезжала девушка домой очень редко.

Елена подпрыгнула на табуретке.

– Во врет! Ну да, народ хрень трепал, пальцами в Натку тыкал, она школу поменяла. Но главная причина ее отъезда: Наталья с матерью поругалась. С вокзала мне позвонила: «Ленуся, прощай! Я не вернусь. Устроюсь в Москве, дам тебе все координаты. Мамашу видеть не желаю. Она меня за квартиру продала». Я не поняла, при чем тут жилье, а Наташа объяснять не стала. Адрес и телефон она мне потом сообщила. Но я один раз всего ей позвонила, когда Анну Сергеевну с инсультом в клинику увезли. Вот тогда Наташа вернулась и стала за больной матерью ухаживать. Мы с Сытиной один раз встретились. Она объяснила, что не хочет медсестрой в Фурске пахать, ищет работу без общения с больными. Ее в Москве при виде крови не трясло, а как сюда вернулась, все! Боится к человеку с травмой подойти, руки ходуном ходят.

– Мне она сказала, будто никто не хочет брать на службу девушку, из-за которой сын начальника полиции погиб, – протянула я.

– Теперь, когда вы правду знаете, понимаете, почему она это говорила? – прищурилась Елена. – Как вам правду сказать, объяснить, что не может с пострадавшими работать?

– Истина такая страшная, что лучше придерживаться версии городских сплетен, – вздохнула я.

– Во-во, – кивнула Лена, – она боялась, но Натке-то в Москве было хорошо. А я здесь жила постоянно. Илья Алексеевич заявил, что его жена уехала куда-то в Европу лечиться, онкология у нее. И там умерла. А Света живет за границей. Я как все это услышала, в панику впала! Нам показалось, что Анастасия умерла, потом Валера сообщил: она жива. И где она? Какая онкология! Светка за границей? Почему она ни разу домой не прилетела, а? Ответ: Настю и Светку убили. Кто? Я же вам все рассказала. Первую бутылку я выпила в тот день, когда поняла: всех их в живых нет. Валерка не сам выпрыгнул. Анастасию и Свету где-то закопали. И кто жив? Наташка и я. Сытину не тронули, потому что она в Москву смылась. А про меня просто не знали. Валерка, когда Илье Ковригину правду сообщил, про меня не упомянул. А может, и про Сытину тоже не сказал. Соврал, что они со Светкой только вдвоем в лес ездили. Я пью не из-за распушенности. От страха. Пожалуйста, увезите меня отсюда. Нападение в магазине устроили, чтобы Натку убить. Это же понятно! Почему сейчас, спустя столько лет? Не знаю. Да не вышло. Так они вторую попытку предприняли, теперь она

овощем лежит. Я точно следующая. Я тихо сидела, просто пила. Но после того, что в бутике случилось...

Зайцева разрыдалась, я встала и обняла ее.

– Ну-ну! Мы что-нибудь придумаем.

Глава 37

Прошло десять дней. Мы с Романом и Игорем приехали в гости к Ковригиным. Я показала Зинаиде Федоровне, Илье, Леониду и Юрию Петровичу рекламный ролик, который запустят по местному телевидению.

– Ленечка! – пришла в восторг Зинаида. – Ты лучший, красивый, умный, элегантный, интеллигентный, стройный.

Роман закашлялся, а я схватила чашку и прикрыла ею улыбку. Ну ладно, красивый-стройный, материнская любовь слепа, Зинаида не носит очки, поэтому Леня, похожий на бегемота, кажется матери тростиночкой. Но как она углядела на видео его интеллигентность и ум?

– По-моему, хорошо получилось, – заметил Илья.

– Рома, отрезать тебе пирога? – засуетилась хозяйка. – Степе не предлагаю, она фигуру бережет.

Я решила сократить светскую часть беседы и перейти к интересующему меня разговору.

– Илья, ты не узнал Игоря?

Мэр прищурился.

– Простите, нет. Подскажите, где мы встречались?

– В школе, – усмехнулся детектив, – мы учились вместе. Ты пришел к нам в обеляновскую гимназию не в первый класс. Появился позднее. Я Гарик Родионов. Моя мама была главврачом роддома, отец...

– Гарька! – обрадовался Ковригин. – Сколько лет, сколько зим! Где ты живешь, чем занимаешься? Женат? Дети есть? Дружишь с Романом?

– Я обосновался в Москве, – ответил Родионов, – у меня детективное агентство.

– О! Вы коллега Юрия Петровича, – заметила Зинаида.

– Не совсем так, но близко, – кивнул Игорь, – моя фирма небольшая, сотрудников раз-два и обчелся. Но на жизнь хватает. Семей я не обзавелся. А ты, как мне говорили, женат, есть дочь.

Повисла пауза, потом Ковригин пояснил:

– Супруга скончалась, дочка училась в Англии и там осталась жить.

– Вы уверены? – спросила я.

– В чем? – уточнил Ковригин.

– В том, что Анастасия скончалась, – объяснила я.

Илья уставился на меня, а Зинаида Федоровна проворковала:

– Степонька, ты никогда не пробуешь десерт, вероятно, съешь

винегретик? Каким маслом тебе его заправить? Подсолнечным деревенским? Или итальянским, оливковым?

Я взглянула на Зиновьева.

– Юрий Петрович, вы нашли человека, который залез ночью в мой номер и украл копеечный браслет?

Главный полицейский Фурска взял с блюда еще один кусок пирога.

– Неприятно признаваться, но в данном случае я оказался бессилён. Скорей всего мелкий воришка решил ограбить первый попавшийся номер.

Роман отложил чайную ложку.

– Вы всерьез так считаете?

– Отели часто страдают от грабителей, – пустился в объяснения Зиновьев, – преступники входят вместе с большой группой туристов, смешиваются с толпой в вестибюле...

– Маленькое уточнение, – перебила я, – в Фурске нет орд туристов. В холле отеля у рецепшен всегда пусто. У меня создалось впечатление, что я вообще там одна жила.

– Уж больно много хлопот для простого воришки, – подхватил Роман, – коробка с пирожным, отправка к Степаниде портье, снотворное в десерте.

– Кто сказал, что оно там было? – вмиг отбил подачу Зиновьев. – Экспертизу проводили?

– Нет, – призналась я, – но Базиль почти сутки спал после того, как угостился пирожным.

– Тогда слова про снотворное бла-бла, – подчеркнул полицейский, – парень мог задряхнуть, выпив рюмашку.

– Базиль не употребляет спиртное, – возразила я.

– Не люблю бабской болтовни, – поморщился главный полицейский Фурска, – приучен делать выводы, опираясь на исследования, улики.

– Знаете, что интересно, – улыбнулась я и открыла сумку, – грабитель ничего не взял, кроме этого.

Все уставились на браслет, который я вынула из ридикюля.

– Дешевая бижутерия, – продолжала я, – купила браслет за сто тридцать шесть рублей в супермаркете, собираясь ехать к вам, точь-в-точь такой принадлежал женщине, которую убили в бутике «Бак». Несчастная упала, ненадежная застежка расстегнулась, украшение оказалось на полу и отлетело прямо ко мне.

– А ты, значит, взяла его и сховала! – неожиданно разозлился Юрий Петрович. – Прибрала к ручонкам чужую вещь? То есть совершила деяние, предусмотренное УК РФ. Воровство.

– Вы полагаете, что я увидела браслет, схватила его и спрятала, надеясь, что никто не хватится изделия ценой в полкопейки? – мирно спросила я. – И как дальше развивались события? Нечистая на руку Козлова позвонила Юрию Петровичу и рассказала, что у нее утащили нечестным путем добытое «сокровище»? Нелогично, однако.

– Все бабы не способны просчитать свои действия хоть на два шага вперед, – заявил Зиновьев. – Сначала сперла, а потом сообразила: кто-то еще мог видеть цацку, вдруг в полицию сообщит. Вопрос возникнет: почему сразу браслет не отдала? Вот я его и задаю сейчас. Конечно, блин, ты таскала при себе до вечера зажатое.

– Не каждый день я оказываюсь свидетельницей нападения, грабежа и убийства, – вздохнула я, – испугалась, растерялась, забыла, что подобрала украшение...

– Пой, птичка, пой, – фыркнул Юрий Петрович.

– Я могу своей жене купить все что угодно, – взвился Роман. – Зачем ей тырить чужое? Немедленно извинитесь перед Степанидой, она до глупости честная.

Зиновьев рассмеялся.

– Много богатых бабенок магазинным воровством промышляет. Скучно им, понимаешь, драйва не хватает, от безделья маются. Или у мужика своего работают, типа рекламщицами, стилистами. Да разве это работа!

Звягин широко улыбнулся.

– Во! – обрадовался Юрий Петрович. – Сами знаете, что я прав.

Я, в отличие от начальника полиции прекрасно зная, что радушное выражение лица Романа обещает крупные неприятности тому, кому оно адресовано, быстро наступила мужу на ногу и заговорила:

– Хорошо, допустим, я украли браслет, потом его внимательно рассмотрела, сообразила, что цена «добычи» сто тридцать шесть рублей, и решила отдать «раритет» вам. Напрашивается вопрос: почему я просто не швырнула браслет в помойку? Юрий Петрович, создается впечатление, что, обзывая меня воровкой, вы пытаетесь устроить скандал, хотите разгневать владельца фирмы «Бак», ждете его негодования, ухода вместе с женой из дома мэра. Но этого не произойдет. Откуда я знаю точную цену украшения? Уже сказала, что купила его на кассе, но цацка продается повсюду, в Интернете, на вокзале города Фурск, по всей Москве. И вот что интересно. Пустяковое украшение является копией очень дорогого изделия, которое фирма «Янсон и Янсон» сделала по спецзаказу для... Ильи Алексеевича Ковригина. Это его свадебный подарок жене Анастасии. Господин

Ковригин заказал эксклюзивное украшение с изумрудами и бриллиантами в белом золоте. Его супруга происходила из богатой семьи, но родители, боясь, что девочка вырастет капризной, не баловали ее. Илья, я правильно говорю?

Мэр кивнул и продолжил:

– Через три месяца после нашего бракосочетания родители Анастасии погибли. Они полетели отдыхать, в гостинице вспыхнул пожар, тесть и теща задохнулись в дыму. Я был удивлен и обижен за Настю, когда узнал размер ее наследства. Сидеть на деньгах и одевать девушку в дешевых сетевых магазинах? Иметь несколько квартир в Москве, сдавать их, складировать деньги, но ни словом не обмолвиться родному ребенку о недвижимости? Настя зарыдала, когда я ей браслет на руку надел. Не могла поверить, что он ей предназначен. Первый год мы жили счастливо.

– Я поговорила с одним из хозяев фирмы, они оставили за собой право тиражировать украшение, – продолжала я. – Вы подписали договор, поэтому вам предоставили скидку. Но за все годы, которые прошли со дня вашей свадьбы, никто не заказал реплику с драгоценными камнями в золоте. И понятно почему. Тот, кто может себе позволить отсчитать большую сумму, всегда предпочтет эксклюзив. Спустя пару лет «Янсон и Янсон» выпустили браслет как бижутерию, она тоже не дешевая, но вполне по карману среднему классу. Как обычно это бывает, вмиг на рынке появились дешевые копии, созданные в Азии. Илья, браслетик твоего дизайнера имеет успех, может, стоит подумать о карьере ювелира?

Мэр усмехнулся.

– Один раз только и смог скреативить.

– Получилась очень оригинальная вещь, – похвалила я Ковригина. – А где оригинал?

Глава 38

Мэр Фурска сложил руки на груди.

– В смысле? Я не понял вопроса.

– Анастасия умерла, – сказала я, – куда украшение делось?

Илья молчал.

– Сейчас ее браслет у кого? – продолжала я.

– Бесцеремонный вопрос, деточка, – процедила сквозь зубы Зинаида, – давайте завершим бесполезную беседу. Спасибо за показ ролика.

Родионов положил на стол фотографию.

– Илья Алексеевич, фирма «Янсон и Янсон» по нашему запросу дала положительный ответ. Данная драгоценность является той, которую мастер изготовил для госпожи Ковригиной. Ювелир поставил на внутренней стороне свое клеймо. У бижутерии, и уж тем более у пиратских копий, его нет.

На лице Ильи появилась растерянность, но уже через секунду он воскликнул:

– Где вы его нашли? Незадолго до смерти на Настю напал грабитель, избил ее, отнял украшение.

– Да, да, – кивнул Юрий Петрович, – мы не смогли поймать мерзавца.

– Сейчас я отвечу на ваш вопрос, – пообещала я, – но сначала послушайте небольшой рассказ. Некоторое время назад на вокзале города Фурска обнаружили женщину, она ничего не могла о себе рассказать, не помнила своего имени, но выглядела аккуратной. Даму решили отправить в психиатрическую лечебницу, которая якобы целиком принадлежит Инессе Фиркиной, вдове брата Зинаиды Федоровны. Несчастную повели к машине. По пути женщина увидела киоск, в котором на самом видном месте висела дешевая копия свадебного украшения Анастасии. Незнакомка бросилась к витрине, зарыдала, начала просить браслет. Сопровождающий ее человек выполнил просьбу несчастной, купил цацку.

Анонимная дама поселилась в клинике. Персонал с легкой руки врача Беличева стал именовать ее Люсенькой. Настоящие паспортные данные бедолаги выяснить не удалось. Никаких особых проблем Люся никому не доставляла, сама себя обслуживала, сопровождать ее в ванную-туалет, кормить не требовалось. Она по большей части молчала, произносила лишь отдельные слова, которые не несли никакой информации. И очень часто странно себя вела. Скажет больная «кефир», ей принесут чашку, а Люся

содержимое в окно выльет. И вдруг неизвестно как Люся оказывается в магазине «Бак» незадолго до ограбления и погибает, когда появляются бандиты. Вопросов масса. Каким образом больная очутилась в бутике? Почему преступники выбрали новый магазин, пока еще не популярный у населения, да еще явились в первой половине дня, когда выручка минимальна? По какой причине бандит, который застрелил Люсеньку, толкнул кассиршу? Хотя в последнем случае объяснение есть: Наташа находилась на линии огня, а жертва стояла у двери. Мерзавец понял: если он выстрелит в объект, то заденет Сытину, поэтому и опрокинул стул. Какой вывод можно сделать, задав себе эти вопросы?

Я повернулась к Игорю.

– О том, что планировалось не опустошение денежного сундука бутика, а убийство женщины, – подвел итог Родионов. – Кому могла помешать больная на всю голову дама?

– Со мной она разговаривала как вполне вменяемый человек. Правда, мы перебросились всего парой фраз, – заметила я. – А вот когда она увидела направленный на себя пистолет, понесла чушь. Но я списала это на страх. Когда я беседовала с психиатром Константином Петровичем Беличевым, который занимался лечением Люси, тот объяснил: первые пять-десять минут разговора несчастная производила впечатление обычного человека, потом начинала нести чушь. Продолжаю задавать вопросы. Как подопечной врача удалось покинуть клинику? Медцентр находится не так далеко от магазина «Бак», но пешком до него не дойти. Люся села в автобус? Взяла такси? Но у нее не было денег! Женщину из жалости подвезли бесплатно? Кто? Нет ответа ни на один вопрос. Когда я находилась в кабинете у Константина Петровича, ему позвонил Илья. Доктор разговаривал с ним, не называя его по имени, но я увидела на аватарке фото Ковригина, слышала голос, у телефона врача работала громкая связь. А сейчас Игорь вам кое-что покажет.

Родионов развернул свой ноутбук экраном к хозяевам дома и Зиновьеву. Я тоже видела монитор, хотя мне не обязательно было глядеть на него, несколько раз уже я изучила материал. «Лэптоп» продемонстрировал изображение Константина Петровича, из динамика зазвучал голос психиатра:

– Кха-кха! Я человек... ммм... подневольный, тотально одинокий, помощи ждать не от кого. Куда деться, если меня из клиники турнут? На мою пенсию даже кошка не прокормится.

– Уважаемый господин Беличев, – сказал невидимый Родионов, – вы уже объяснили свою мотивацию. Я понял, что вы никому не хотели зла,

помогали знакомому, которого очень уважаете.

– Да, да, – закивал Константин, – Илья Алексеевич золотой человек! Он оплатил очень дорогое лекарство для моей бедной жены. Она прожила благодаря Ковригину лишней год. И мэр не просил ничего противозаконного! Просто... э... это очень деликатная тема! Очень! Чрезвычайно! Крайне не хочется, чтобы она стала доступной досужим языкам... Но, учитывая то, что я узнал от вас... я поставлен в сложное положение... Значит, так. Все случилось не один год назад. Моя дорогая жена была еще жива, но диагноз уже был поставлен, название лекарства, которое могло ей жизнь продлить, мне известно. И заодно понятно, что я его никогда не куплю. Цена непомерная. Но даже если случится чудо и я найду средства, то ампулы не купить. Они продаются исключительно в США. Я пребывал в горестных раздумьях. Вдруг звонок, на проводе Илья Ковригин. Распрекрасно его батюшку Алексея Михайловича знал, он у меня консультировался. Прекрасный человек. Несмотря на недуг! Достойный. Умный. Сын тоже оказался милосердным, я заплакал, когда он сказал: «Константин Петрович, приезжайте ко мне домой. Знаю о вашей проблеме. Получите препарат».

Илья Алексеевич сдержал слово, коробка с ампулами оказалась в моих руках. Вы можете проигнорировать просьбу человека, который отодвинул смерть вашей любимой женщины, а?

– Что хотел от вас господин Ковригин? – осведомился Родионов.

– Поселить в клинике под моим пристальным наблюдением свою жену Анастасию, – наконец-то признался врач, – она была в тяжелом состоянии после черепно-мозговой травмы. Илья объяснил, что на супругу напали подонки, изнасиловали ее, хотели убить, нанесли ей несколько ударов камнем по голове и бросили умирать. Но Настя выжила. Сообщать народу, что случилось с его женой, Илья не хотел, потому что люди злы, одни порадуются чужому несчастью, другие начнут сплетничать, но и те, и другие заявят: «Свою жену от бандитов не защитил, на что же нам рассчитывать?» Настю привезли ко мне из московской клиники, никто, кроме меня, не знал, кто она, лицо ей мерзавцы изуродовали, сломали нос, скулы, рот превратили в месиво. Пластический хирург сделал ей несколько операций. Хорошо получилось, но Анастасия изменилась до неузнаваемости. Думаю, Фиркина тоже знала правду, но мы с ней никогда Люсю не обсуждали. Она у нас много лет жила. Полгода назад мне случайно попала методика итальянского врача по восстановлению больных, которые пережили насилие и тяжелый стресс. Весьма оригинальная. Я применил ее и получил удивительный результат. Люся

заговорила, но несла чушь!

– Какую? – тут же поинтересовался Игорь.

– Не скажу, – отказался Константин Петрович, – это врачебная тайна.

– Уж наверное, вы нарушили ее ради Ильи Алексеевича, – предположил Родионов.

– Я просто сообщил мужу об успехах, которые неожиданно быстро сделала его жена, – выкрутился психиатр, – пояснил: пациентка несет вздор, но ведь говорит, не молчит! Это огромная победа. Однако есть проблема. Глупости подопечная произносит уверенно, кажется при этом нормальной, ее слова слышат медсестры, некоторые больные. Жена Ковригина долго оставалась немой, а сейчас словно пробку из ванны вытащили и вода со свистом в трубу ринулась. Я-то понимал: мозг ее болен, бедняжка озвучивает невероятные, никогда не происходившие события, но другие-то не в курсе! Потом Люся назвалась Настей, сказала, что она Ковригина... Хорошо, что это произошло в моем кабинете. Я ее отвел в дом, закрыл и позвонил Илье Алексеевичу.

– И как отреагировал мэр? – спросил Игорь.

– Попросил меня некоторое время поддерживать жену в одиночестве, не выпускать на улицу, сказал: я решу проблему, – произнес врач. – Через несколько дней мне позвонил Юрий Петрович, потребовал ключ от дома, заявил, что заберет Анастасию, отвезет в Москву на консультацию, поинтересовался, как можно ее незаметно из лечебницы вывести. Я ему сообщил про заднюю калитку в заборе, там нет камер. Она предназначена специально для проходящих пациентов, которые не хотят, чтобы кто-либо узнал об их лечении в клинике. Зиновьев инкогнито пришел в мой кабинет, потом увел Настю, больше я ее не видел.

Родионов закрыл ноутбук.

– Психиатры часто сами становятся психами, – поморщился Зиновьев, – врач с ума сошел! Я о нем даже не слышал.

– Бред, – пожал плечами Илья. – Назовите хоть одну причину, по которой мне пришлось прятать Настю? Да, она попала в руки преступников. Но у нас была дочь-подросток, каково ей было знать, что с любимой мамой случилось? А? Я отправил Настю за рубеж, она там умерла.

– Нет, – отрезал Игорь, – госпожа Ковригина-младшая не покидала Россию. Это проверено по паспортной службе.

– Так я ее под другим именем отослал, – нашел ответ мэр.

– Каким? – не отставал Игорь.

– Не помню, – отмахнулся Илья Алексеевич.

- И где она скончалась? Страна?
- Забыл, – глупо соврал Ковригин.
- Игорь не стал спорить, вновь открыл ноутбук.
- Давайте посмотрим еще одно кино.

Глава 39

Теперь на экране появилось изображение пожилого мужчины.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил голос Игоря.

– Профессор Григорий Константинович Огарков, – неожиданно звонко произнес старик, – ученый с мировым именем, создаю вакцину от всех болезней. Работа из-за отсутствия финансовых вложений идет медленно, но я уже стою на пороге великого открытия.

– Вам знакомо имя: Савелий Михайлович Разгонов? – поинтересовался Родионов.

– Конечно, – поморщился профессор, – лаборант, простой помощник, не ученый. Открытие только моя заслуга.

– Слышали когда-нибудь об Элеоноре Елкиной?

– Савелий был неуправляемым бабником, – возмутился «гений», – оставалось лишь удивляться, чем этот дурак привлекал дурах! Ума, способностей, интеллигентности, умения поддержать разговор – ноль! А вот поди ж ты! Сто раз ему твердил: «Сава, наука требует самоотдачи, вдумчивости», а он! Балабол!

– Почему вы не наняли другого лаборанта? – удивился Игорь.

– Я пытался найти достойного человека, – честно ответил Огарков, – но никто не хотел жить в лаборатории. И платить много я не мог. Приходилось закрывать глаза на кобелирование Разгонова.

– Ну, вы сами шалун, – усмехнулся Родионов. – Помните Нину Кузнецову?

– Наши отношения с Нинушей строились на искреннем чувстве, плотская сторона вопроса являлась последней. Главное – духовное единство. А Разгонов! – Огарков махнул рукой. – Из-за того, что у Савы в брюках вечно огонь горел, я лишился лаборатории, был вынужден уехать на другой конец Московской области. Одного не пойму, как вы меня нашли?

– На вас зарегистрированы дом, участок, телефон, – пояснил Игорь, – нетрудно в этом случае человека обнаружить. Вы просмотрели запись, где Елена Зайцева рассказывает о том, что видели подростки. Хочется услышать вашу версию той давней истории.

– Я совершенно ни при чем! – заорал профессор. – Возникла необходимость опробования вакцины на человеке. Сава приводил маргиналов, они хорошо переносили инъекции. Но! Бомжи, как правило,

это букет болячек: чесотка, сифилис, триппер, туберкулез и еще масса всего. У меня собрался большой материал по совместимости вакцины с кучей недугов. Но! Не сделана проверка на здоровом организме! Где найти нормального человека, который согласится жить в лаборатории месяц, послужить науке? Бесплатно! Денег-то нет, чтобы вручить добровольцу. Бездомные соглашались ради чистой постели, еды, малой толики рублей. Нормального гражданина чем я мог прельстить? А? И вдруг Сава заявляет: «Есть женщина! Ее здоровью позавидует молодая кобыла. Елкина, подруга твоей Нинки. Я Норе пообещал: соглашаешься на исследование – после его удачного завершения пойдем в загс, оформим отношения. Я стану твоим навеки, ребенка усыновлю. Она сразу согласилась, завтра придет». Я удивился: «Ты решил жениться?» Он расхохотался: «Конечно, нет, просто заманил Норку! Когда она станет не нужна, я объясню: “Обещал тебе свадьбу после удачного завершения работы. А мы успеха не добились. Финита истории”». Помнится, я его предостерег: «Ох, смотри, достанется тебе за ложь». Он махнул рукой: «Фигня! Повизжит и перестанет. Мне плевать на бабские истерики». Но я разнервничался: «Вы поругаетесь, Элеонора всем про исследования расскажет. Неровен час менты заинтересуются, что и зачем я людям колю. У меня начнутся неприятности. Лучше найти кого-то другого, без обмана». Савелий разозлился: «Да мне ваши исследования вообще по барабану. Теперь у меня есть ветеринарная клиника, я бизнесменом стал. Хотел по старой дружбе вам помочь, из уважения к вашей деятельности. Все тип-топ станцуется. Я дуре объяснил: проверяем в лаборатории по заказу одной фирмы качество чая. Твоя задача его пить, и своей подруге Нинке скажи, что деньги за эксперимент получишь. Никому Элеонора ничего не разболтает, может только про чай трепаться. Правды она не знает».

Огарков закатил глаза.

– Ну я и согласился! Очень потом пожалел о своем решении. Несколько дней все нормально шло. Нора на самом деле пила отвар, только туда мы добавляли снотворное, она засыпала, и я делал укол. Потом утром анализы брал. Ничто не предвещало беды. И вдруг!

Огарков сдвинул брови.

– Чай она пила в десять вечера. Днем Нора мне нужна была активной, я тесты с ней проводил. С утра мы поработали, я ее отпустил отдохнуть. Она в домашнее переоделась, вышла на свежий воздух. Через какое-то время слышу со двора вопли. Я выглянул из окна и остолбенел! Спиной ко мне стоит мужик в летнем костюме, на голове панама, в руках камень. На земле лежит Нора, кричит истошно, незнакомец ее ногами топчет, молча! И

Разгонова нет! Как назло! Он со своей дурацкой собачьей клиникой поехал какие-то вопросы решать! Обещал вернуться последним автобусом. Я один! Вдруг! Появляется еще одна особа в платье, даже мне было понятно, что оно очень дорогое. Она явно видела лицо мужика, а я прекрасно разглядел ее черты. Тот, кто на Элеонору напал, ко мне тылом обращен был. Понятно объясняю? Елкина лежит на земле, незнакомец на ней прыгает, в руке камень, лицом он был повернут к тропинке, которая к шоссе ведет. Вторая женщина ему навстречу из леса вышла. Я ее прекрасно рассмотрел, а у мужчины только спину видел. Даже прическу его не опишу, панама волосы закрывала.

– Вы прекрасно описали ситуацию, – похвалил профессора Игорь. – Что было дальше?

Огарков передернулся.

– Кошмар! Женщина увидела незнакомца, попятилась, он к ней кинулся... Я от окна отбежал. Не хотел, чтобы меня заметили. Слышал только визг. Лег на диван и заснул. Вмиг! Разбудил меня крик Разгонова:

– Григорий, Григорий...

Обычно он меня только по отчеству окликал, а тогда просто имя твердил. Я в окно выглянул, увидел, что уже поздно, день прошел, я проспал его. Савелий обрадовался:

– Ты жив!

Такой фамильярности он тоже никогда не допускал. Исключительно на «вы» меня величал.

Я ответил:

– Да.

Он наклонился над Норой:

– Так! Каюк. Она убита! Видел, кто это сотворил?

Я ему рассказал про мужика в панаме, он спросил:

– Костюм бежевый, пиджак типа сюртук, на спине складки и хлястик, его две большие пуговицы держат, брюки мятые, свободные? Панама вроде шляпы, такие колонизаторы в Индии носили, поля мягкие, дно бесформенное и лента на ней полосатая. Да?

Я весьма удивился:

– Ты его знаешь?

Он отмахнулся:

– Потом объясню. Что-то еще запомнил про убийцу?

Я призадумался.

– Руки у него некрупные, сам мелкий, тощий, рост не назову. Он прыгал на Елкиной. А где другая баба?

– Никого тут нет. Одна Елкина! Вторая тетка вам почудилась от страха, – деловито сказал Савелий, – идите сюда, унесем ее за дом в лес, там и зароем.

Только он это произнес, меня словно по голове ударили. Лишь тогда я понял, что стал свидетелем жестокого убийства. Страшного. Господи! Не помню, как до дивана дошел, лег и заснул. Очнулся – ночь на дворе, Савелий водку пил вроде, я опять задремал. Утром он мне такую историю рассказал.

Глава 40

Экран мигнул. Огарков продолжил:

– Неуправляемый бабник завел интрижку с замужней дамой, а у той ревнивый муж. Супруга, думая, что супруг на работе, поехала к Разгонову. А ведь я ему сто раз запрещал в сарайчик, где он жил, своих любовниц приводить. Да Сава кивал и по-своему делал. Спасибо, хоть девки к нему лесом пробирались, я их не видел. Мне приходилось его кобелирование терпеть, где еще я помощника найду? И случилось несчастье. В тот день законный муж прелюбодейку выследил. Он приехал к моему дому, увидел перед лабораторией Элеонору, и у него случился нервный припадок. Он напал на Елкину, убил ее, потом увидел свою жену, которая весьма некстати приехала к Саве, набросился на нее... Вот так!

– Хм, странное объяснение, – протянул Игорь. – Если, как вы говорите, бабы ходили лесом к Савелию, почему та дама во дворе очутилась?

– Мне это понятно, – объяснил Огарков, – я знаю про реактивный психоз. Нормальный человек вследствие сильного стресса становится сумасшедшим. Ну, например, идет человек по улице, а на его глазах машина сбивает прохожего. И человек теряет рассудок. Такая болезнь неплохо поддается лечению.

– Разрешите уточнить? – спросил Родионов. – Элеонору Разгонов похоронил в лесу?

– Да, – подтвердил его собеседник.

– Где?

– Он мне не сказал, – спокойно ответил профессор, – где-то там... среди деревьев. Я же объяснил, что не смог участвовать в этом мероприятии, на диван рухнул. Для меня все, что случилось, явилось потрясением.

– А что произошло с неверной женой? – поинтересовался Игорь. – Она куда подевалась?

На лице профессора появилось странное выражение.

– Я уже говорил вам: понятия не имею.

– Неужели не спросили у Разгонова о судьбе женщины?

– Нет. Зачем?

– Из элементарного человеческого любопытства, – пояснил сыщик.

– Многие знания, многие печали, – пожал плечами профессор, – я задал Савелию вопрос: «Не приедет ли сюда полиция, не начнут ли меня

таскать на допросы, не помешает ли то, что произошло, моей работе?» Он ответил: «Нет, не волнуйтесь».

– И что было потом?

– Через несколько дней после катавасии Савелий уронил себе на ногу какую-то тяжесть, позвонил мне, сообщил: сломал два пальца и несколько плюсневых костей, они мелкие. А мне требовались кое-какие расходные материалы! Разгонов же еле-еле от кресла до туалета доходил. Пришлось самому ехать в Фурск, задержался я там, опоздал на последний автобус, пришлось ночевать на вокзале. Столько неудобств из-за неуклюжести Сава! Утром первым рейсом в семь я отправился до Обельяновска, сошел на площади, хотел двинуться в сторону леса и почувствовал, что очень тяжело чемодан тащить. Я направился в собачью больницу, она была рядом. Хотел, чтобы Сава, он там ночевал, мои покупки в лабораторию доставил. Подхожу к зданию... А вместо него пепелище! Потом выяснилось, что проводку замкнуло, вот и полыхнуло. Лаборант погиб.

– И вы купили дом на другом конце Московской области? – продолжил Родионов.

– Мне нравится свежий воздух, и для опытов нужен простор, – вывернулся профессор.

Но Игорь не утихал:

– Откуда у вас деньги на столь крупное приобретение?

Огарков молчал.

– Григорий Константинович, – спросил Игорь, – что я вам сказал до начала записи нашего разговора?

– На некоторые преступления нет срока давности, – пробормотал Огарков. – Если я украл в магазине ведро и через десять лет явился в полицию с повинной, меня отправят домой, потому что этот самый срок давно прошел. А с убийством и другими тяжкими преступлениями так не получится. Если лишил кого-то жизни, то и спустя пять-десять-двадцать лет отвечать придется.

– Вот-вот, – кивнул Игорь. – Помните мое обещание?

– В случае частного предельно откровенного рассказа о произошедшем вы не сообщите в полицию о том, что я... ну...

– Занимался шантажом, – подсказал Родионов.

– Только ради науки! – взвился его собеседник. – Мое открытие избавит человечество от всех болезней.

– Это просто замечательно, – улыбнулся детектив, – я с удовольствием буду жить в сию пору прекрасную. Но лучше сейчас вернуться в тот день, когда вы ездили в Фурск, вернулись и на завтра опять ринулись туда якобы

за какими-то расходными материалами.

– Почему «якобы»? Мне понадобились реактивы, которые я в первый приезд не мог взять, тяжело везти большое количество вещей, – забубнил профессор.

– Но не только в них дело? Так?

Огарков издал протяжный вздох.

– Вы из меня прямо печень вынимаете.

– С кем вы встречались в Фурске? – продолжил задавать вопросы детектив.

– С господином Ковригиным, – признался профессор.

– С мэром? – уточнил Родинов.

– С ним.

– И о чем шла беседа?

Григорий Константинович нахмурился.

– Поймите меня правильно, для исследований необходима лаборатория, аппаратура, всякое разное. Я не на госслужбе, никто бесплатно ничего мне не даст. Мою гениальную идею создания прививки от всех болезней глупые завистливые коллеги осмеяли, и...

– Господин Огарков, о чем у вас с главой города шла беседа? – повторил Игорь.

Профессор моргнул и выложил правду.

Поняв, что Разгонов погиб, Огарков поехал домой, испытывая сильный внутренний дискомфорт. Его волновала одна проблема: как вести научную работу без Савелия. Огарков вышел из автобуса, углубился в лес, дошел до дома и чуть не лишился чувств. Дом догорал. Два пожара в один день! Это уж слишком! Но Григорий Константинович оказался крепким орешком, он помчался в Обельяновск в пожарную часть. Почему не позвонил туда? Ну какой телефон в лесу?

Бравые парни вмиг откликнулись на его просьбу, посадили профессора в машину, включили сирену, полетели тушить огонь. Домчались до опушки леса быстро. Дальше начались проблемы. Среди деревьев большому автомобилю не проехать. Есть специальная техника и специалисты, которые занимаются тушением пожаров в лесах, придуманы вертолеты, они льют с неба воду. Но в Обельяновске ничего такого не было. Парни оставили ученого на пассажирском сиденье, велели ждать и ушли к месту возгорания на своих двоих. Перед уходом один из них сунул Григорию журнал:

– Во, почитайте, а то заскучаете, только что купил, совсем свеженький.

Григорий Константинович безразличен к прессе, глянцевого издания он

никогда в руки не берет и при других обстоятельствах не стал бы глупостями интересоваться. Но сидеть просто так, тупо глядя в окно, было очень некомфортно, Огарков начал перелистывать страницы и наткнулся на интервью Ковригина. Илья Алексеевич рассказывал о своем отношении к моде, о том, что нынче на пике интереса панамы, а не шляпы, пиджаки, похожие на сюртуки. Материал сопровождал снимок человека, который стоял спиной к фотографу. На герое красовался костюм с пиджаком, который был сшит как сюртук, на голове панамы, под снимком шла подпись: «Кто самый модный на деревне». Издание выпускали в Москве, и главный редактор решил посмеяться над щеголями из областного города.

Огарков, как зачарованный, смотрел на снимок, в тот момент, когда он все понял, дверь машины открылась, показался все тот же молодой брендмайор, он протянул профессору панаму и сказал:

– Во! Нашел ее на дереве, на ветке висела. Неподалеку отсюда, наверное, зацепилась, когда вы шли. Она дорогая. Я подумал, может, вы из-за потери шляпы переживаете.

Плакать по панаме, лишившись и лаборатории, и Разгонова, Огарков бы никогда не стал. Но он понял, как ему надо действовать, и расценил находку головного убора как невероятную удачу.

Григорий Константинович переночевал в избе у Нины Кузнецовой, а наутро отправился в приемную мэра. Ясное дело, секретарь его к Илье Алексеевичу пускать не хотела. Но когда женщина с самым честным видом его уверяла: хозяйина кабинета нет, он уехал в Москву, вернется через неделю, красивая дверь открылась и в приемную вышел Ковригин. Григорий Константинович не растерялся, вмиг вытащил из портфеля панаму, надел ее на голову и посмотрел главе Фурска в глаза. Ковригин застыл и сказал:

- Проходите. Елена, никого не пускайте, я очень занят.
- Остановите запись, – вдруг громко сказал Илья.

Глава 41

Картинка на экране замерла.

– Что не так? – осведомился Родионов.

– Пусть мама уйдет, – попросил мэр, – а мы поговорим.

Зинаида Федоровна, вопреки своей привычке спорить, почему-то молча встала из кресла.

– Нет, – резко скомандовал Роман, – пусть она останется.

– Ты не имеешь права приказывать в чужом доме, – зашипела Ковригина.

– Конечно, – согласился Звягин, – но никто не имеет права запретить мне сию секунду поехать к хозяину «Желтухи» и рассказать интересную историю.

Зинаида живо села, а мэр нахмурился:

– Хорошо. Я все расскажу. Старый прохиндей показал мне панаму, объяснил, что видел, как я убиваю Элеонору, наношу удары Насте. Потом навозный жук сделал мне предложение: или я дарю ему дом для лаборатории, покупаю туда все необходимое, или он напрямик топают в полицию. Но не к Зиновьеву, а к московскому следователю. Наверное, понятно, почему я согласился на первое предложение. Профессор получил все, о чем просил. С той поры он несколько раз в году требует денег на свои нужды. Расходы постоянно растут, но до июня этого года чек не был запредельно большим. А вот в первый месяц лета он принес платежку на девять миллионов, услышал мое «ничего себе!» и объяснил: ему необходима то ли центрифуга, то ли ускоритель. Короче, какой-то агрегат, его недавно изобрели японцы. Продается оборудование исключительно в Токио, без него фигня, которую идиот пытается создать, не получится.

Я ему твердо ответил: нет! Старый козел решил показать кривые зубы и твякнул:

– Подумайте хорошенько. В случае отказа я отнесу панаму в полицию, да не вашему Зиновьеву.

У меня стоп-кран сорвало, я доходчиво объяснил мерзавцу: головной убор не доказательство, я всегда могу сказать, что давно его потерял, прошло много лет. Никаких улик у старика нет. Если он начнет бегать в Москве по кабинетам, его в психушку отправят или посадят за попытки шантажа. Пусть проваливает, совсем охамел, мало ему того, что имеет, решил побольше откусить? А рожа не треснет? Он заверещал:

– Правду про вас сообщу.

Я рассмеялся.

– Пожалуйста. Вас в психушке запрут.

На том и расстались. Он убежал дико злой, на пороге обернулся.

– Мне пять минут до великого открытия осталось. А вы! Жлоб!

Я хотел ответить, но придурок убежал.

– Почему вы сразу не выгнали Огаркова? По какой причине ему много лет деньги давали? – удивилась я.

Илья сделал вид, что не слышит меня, и продолжил:

– Понимаю, вы что-то раскопали! В запаснике у вас есть некий компромат, иначе зачем сюда приехали целой гоп-компанией? Ладно, расскажу, что случилось. Но пусть мама уйдет, не хочу, чтобы она слышала. Зинаида Федоровна разнервничается.

– Хорошо, – согласился Родионов и вынул телефон, – но с ней побудет моя сотрудица. Анжелика, пройдите в дом.

Минут через пять, когда Зинаида в сопровождении женщины лет сорока покинула комнату, мэр продолжил:

– Не знаю, где Настя с Разгоновым встретилась, но у нее с ним вспыхнул роман. Я об адюльтере случайно узнал, от злости взбесился, решил поймать изменницу на горячем. Наврал супруге, что уехал в Москву, а сам затаился неподалеку от избы Огаркова в кустах.

– В кустах? – перебила я, взяла лист бумаги, ручку и начала рисовать. – За домом с двух сторон лес, с третьей тропинка, которая ведет к шоссе, кустарник только с четвертой. Где вы находились?

– Сказано уже, в малине или что там росло, не помню, ежевика, смородина, не важно, – буркнул Илья.

– Не в лесу? – уточнил Роман.

– И ты туда же, – разозлился Ковригин, – сто раз вам надо повторять? В кустах! В кустах! В кустах! Смотрю, Настька по двору марширует! У меня в глазах потемнело, ничего не вижу, не слышу, кинулся к жене... дальше туман. Вытащил меня из него голос супруги: «Что ты творишь?» Я очнулся, смотрю... на земле лежит какая-то баба. А Настя чуть поодаль стоит. У меня в руках камень почему-то. Анастасия закричала... дальше опять провал. Ничего не помню! Аффект! Не спрашивайте подробностей. Я их не помню совсем. Никаких. В какой-то момент я очнулся на земле. Рядом два трупа. Какая-то баба и жена. Я убежал. Домой приехал через некоторое время, упал на диван и заснул. Разбудил меня звонок Зиновьева. Он сказал: «Анастасия жива, ее Валера нашел». Мальчик потом из окна выпрыгнул.

– Сын был болен, – ожил Юрий Петрович, – после смерти Ирины умом поехал, все о смерти говорил. В ту ночь он по телефону с одноклассницей Натальей Сытиной беседовал долго, час-полтора. Отвратительная девица! Она влезла между Валерой и Светой, заказала порчу на девочку, заполучила моего мальчика, тот мучился из-за новых отношений, очень нервный стал. После каждой беседы с девкой без сил оставался. Но в тот день он, когда трубку повесил, вдруг ко мне заглянул: «Пап, не спишь? Я тебя люблю».

Мне бы насторожиться, у нас телячьих нежностей никогда не практиковалось, но я сильно на работе устал, поэтому не сделал стойку, сказал: «Ложись по-быстрому». А он из окна выпрыгнул!

Я не выдержала.

– Прекрасная попытка перевести разговор на бедного парня подальше от Анастасии. Хотите, я расскажу, как на самом деле все обстояло? У нас есть свидетель, о котором вы не знаете! Он сидел в кустах, о которых говорил сейчас Илья. Вернее, Ковригин врал! В зарослях густой, но не очень высокой жимолости прятались в тот день Валерий, Наташа Сытина, Светлана и еще один человек. Ребята никого не выслеживали, они случайно оказались около лаборатории. Они видели момент убийства Элеоноры, нападение на Анастасию, узнали того, кто все совершил, и мы знаем это имя тоже! Валеру убили, выбросили из окна. Но Сытина и Елена Зайцева живы.

– Зайцева! – опешил Зиновьев. – Она-то тут с какого боку?

Я перевела дух.

– Юрий, ваш сын на самом деле любил Лену. Но и он, и она понимали: начальник полиции никогда не разрешит своему сыну даже легкого флирта с девушкой, мать которой ранее содержала бордель для элиты города и сама обслуживала отца Ильи Алексеевича. Поэтому подростки тщательно скрывали свои отношения. Наталья Сытина, их лучшая подруга, служила прикрытием. Все думали, что Валера и Ната местные Ромео с Джульеттой. Ни вы, ни Зинаида Федоровна не позволили бы юноше и девушке пойти в загс. Но в качестве любовницы Сытина вас устраивала. Света слышала, как старший Зиновьев сказал: «Лучше одна постоянная подстилка». Отец не хотел, чтобы сын бегал от одной девицы к другой, еще венерическую болезнь подцепит! А вот про отношения Валеры с Леной вы не знали. И никто не подозревал.

Тут надо вспомнить, что незадолго до событий в лесу местная чиновница пришла посмотреть репетицию пьесы, которую ставила в клубе «ОК» Анна Сергеевна Сытина, мать Наташи. Место, где ребята могли

проводить досуг, мэр создал по просьбе дочери. Светлана не рассказала отцу, что безоглядно влюблена в Валеру, крестника своей бабушки Зинаиды Федоровны. Илья, может, ты вспомнишь, как она тебя уговорила открыть этот клуб?

Мэр оперся локтем о ручку кресла.

– Ну... объяснила, что ее одноклассники, да и другие дети, бегают по вечерам в Обельяновск, там есть притон, где им и водки нальют, и экстази продадут. Света была встревожена, она предложила основать клуб, где ее одноклассники смогут проводить время с пользой. В Фурске им просто некуда податься. Заведующей надо сделать Анну Сергеевну Сытину, очень хорошую женщину. Идея отвлечь тинейджеров от бессмысленного проведения досуга показалась мне правильной, я согласился.

– Светлана отлично придумала, – кивнула я, – но не сообщила отцу, что на самом деле «ОК» ей нужен для того, чтобы общаться с Валерой. Паренек, после того как Анастасия ему объяснила, что он отнимает у Светы любовь Зинаиды, старался как можно реже посещать дом крестной. Дочь мэра понимала: Наташе придется ходить туда, где рулит ее мама. Вслед за Сытиной появится и Валера. Никто из детей не знал, что Нату и мальчика связывает только дружба. Так вот, чиновница пришла проверить, как дети готовятся к фестивалю самодеятельности, и возмутилась: почему главная роль досталась Наташе, а не дочери мэра? Тетка явно хотела подлизаться к городскому главе, сделать его дочь звездой Фурска, но в результате ее глупого поведения вспыхнул скандал. Ребята вступились за Нату. Валера нахамил представительнице администрации и Светлане, последняя закатила истерику. Клуб закрыли, Валера выбросился из окна, Светлана исчезла из города. И людские языки, которые, как известно, страшнее пистолета^[3], начали усиленно работать, Наташу обвиняли во всех смертных грехах, считали ее виновницей гибели паренька. Мать Сытиной занимается черной магией, к ней бегают те, кто хочет приворожить мужчин, и это правда. Я была у Анны Сергеевны в гостях, видела, как к ней пришла клиентка. Но народная молва приписывала колдовство Наташе. В результате: Валерий мертв, Светлана неизвестно где, Сытина сначала была переведена в другую школу, потом уехала в Москву. В Фурск она вернулась спустя не один год только потому, что у ее матери, с которой отношения были испорчены вконец, случился инсульт. Но вернемся в то время, когда погибла Элеонора Елкина и кто-то напал на Настю.

– Я уже сказал: все совершил я из ревности, – отрезал Илья. – Что еще вам надо?

Роман посмотрел на друга.

– Только правду, одну правду, ничего, кроме правды. Продолжай, Степа.

Я откашлялась.

– В тот роковой день Света решила пойти в лес за малиной. У девочки было любимое место неподалеку от Обельяновска. Ковригина быстро докатила на велосипеде куда надо, пошла по тропинке и увидела Наташу и Валеру. Ребята поругались. Ковригина подумала, что парочка собралась заняться в лесу любовью, решила проследить за ней, сделать много снимков и повесить их в школе на доску. Девочку терзала ревность. Но когда Света подкралась к месту, где, по ее расчетам, устроились малолетние любовники, она увидела третью участницу компании – Лену Зайцеву. Троица не заметила Ковригину, все куда-то смотрели сквозь ветки, Света тоже глянула через кусты и стала наблюдать.

Я посмотрела на Илью и Юрия.

– Огарков наблюдал за происходящим из дома, лица человека, который убил Нору, а потом напал на Анастасию, он не видел. А школьники прекрасно его рассмотрели и были шокированы увиденным. Когда преступник умчался, дети тоже побежали прочь, но потом остановились, у них не было никаких сил. Они сели на опушке. До того момента Валера старательно избегал Светлану, и мы знаем почему. Наташа терпеть не могла дочь мэра, а Света ее ненавидела, думая, что у Сытиной любовь с Зиновьевым. Но в тот страшный день у них впервые завязался откровенный разговор, ребята вели себя как разумные люди. Наташа и Лена поняли, какой шок испытали Валера и Света, а те стали спрашивать:

– Что нам теперь делать?

Это может показаться странным, но бывшие недруги вмиг подружились. Света рассказала все, что знала об отношениях Анастасии, Зинаиды и Валерия. Это была истерика, она развязала девочке язык. Через какое-то время Светлана немного пришла в себя и зарыдала. Она вспомнила, что в лесу лежит ее убитая мама. И как теперь быть? Рассказать, что они видели, дети не могли, понимали: если откроют рот, семья Ковригиных будет уничтожена. Но и молчать невозможно, надо сообщить о смерти Анастасии, похоронить ее. Валера велел Лене и Наташе спешно уезжать, сказал:

– Вас тут вообще не было. Я все улажу.

Девочки уехали.

Я посмотрела на Зиновьева.

– Мы не знаем точно, что было потом. Но, думаю, сын сообщил вам, что случилась беда. Вы приехали, увидели окровавленную Анастасию и

тело Норы, Валера рассказал вам правду, назвал имя убийцы. Но вы, Зиновьев, привезли ребят и Настю в Фурск, помчались к Илье Алексеевичу и вместе решили разобраться с проблемой по-тихому. Светлану живо отправили в Англию. Девочка росла послушной, она могла вспылить, но никогда не была бунтаркой. Отец просто прикрикнул на нее и отослал за три моря. Про то, что в лесу еще находились Наташа и Лена, никто не знал, ребята не выдали своих товарищей. А вот с Валерой поладить не удалось. Мальчик, наверное, сказал отцу:

– Не стану покрывать преступника.

Юрий Петрович, вы сами выкинули родного сына из окна? Или попросили кого-то еще? Знакомых у начальника полиции в разных кругах много. Кое с кем я даже знакома. Трое парней, которые на моих глазах пытались увести Сытину из кафе, наверное, были наняты вами, так же, как мужчина, который хотел узнать у меня последние слова «любимой матери». Да и таинственный Андрей с пирожным тоже ваш человек. Конечно, они не полицейские. Обычные граждане, которым вы когда-то услуги оказали. Или нет? Уголовники?

– Не так все было, – вдруг сказал Зиновьев.

– Юра! – воскликнул Илья. – Заткнись.

– Устал я, – пожаловался начальник полиции, – и совсем не виноват, если разобраться, все из-за Ковригиных замутилось, которым я, дурак, верно служил.

– Юра! – повторил мэр. – Остановись.

Зиновьев махнул рукой.

– Сам закройся. Твоя Светка в Великобритании замуж вышла, ребенка родила, с тобой ни встречаться, ни разговаривать не желает, в Россию никогда не вернется, давно заморское гражданство получила. Неприятно, когда ребенок с отцом и бабкой общаться не желает, из своей жизни их навсегда вычеркнул. Но, во-первых, за дело. А во-вторых, как и в-первых, – за дело. Светлана жива! Жива! Есть вероятность, мизерная, но есть, что дочь тебя простит. А мой сын мертв! Все. Нет никаких надежд. Валерка мне часто снится, ничего не говорит, стоит, смотрит так, что я в холодном поту просыпаюсь. Конец истории! Я сейчас правду открою. Может, тогда сын мне скажет: «Папа, я тебя простил». Или я с ума сойду! Уже почти сошел! Степанида, не убивал я сына, своего единственного ребенка! Не толкал его из окна, не выбрасывал ни своими, ни чужими руками, жизни мальчика не лишал!

– Хочется вам верить, но не получается, – сказал Роман. – Степа Валерия не видела. Но я-то мальчика прекрасно знал. Умный, вдумчивый,

не истерик, и он был воцерковленный. Суицид для такого человека невозможен.

– Несчастный случай произошел, – вздохнул Зиновьев, – но виноват я. Илья встал.

– Я более не намерен участвовать в этом паноптикуме. Покиньте мой дом.

– Сядь, – велел Юрий, – хотя нет, выгляни в окно.

Ковригин не пошевелился, вместо него к окну приблизился Роман.

– Во дворе несколько машин с омоновцами.

Зиновьев поднял руку с телефоном.

– Один звонок, и парни появятся в этой комнате. Когда Степанида заговорила, я понял: все, конец, пора историю завершать. Вот и вызвал ОМОН. Илья, тебе никуда не деться. Я все выложу!

Юрий Петрович заговорил. Мне показалось, что он произносит слова, которые уже многократно повторял, беседуя с покойным сыном.

Когда Валера позвонил отцу, тот спросил:

– Ты где?

– Сейчас я тебе с почты Обельяновска звоню. Приезжай, пожалуйста, – вроде спокойно сказал парень.

– Да что случилось? – встревожился Зиновьев.

Сын не ответил.

– Поторопись, папа. Встретимся на шоссе, где указатель висит, сколько километров до Пскова. Только не бери полицейскую машину. На своей езжай.

Услышав эти слова, Юрий забеспокоился еще сильнее и поспешил на зов. Зиновьев всю жизнь служил в полиции, его вид трупа не шокирует. Но когда начальник местных стражей порядка увидел окровавленную, но живую Настю и тело какой-то женщины поодаль, он в первые секунды растерялся, потом поднял Анастасию, отнес в машину и поехал в Фурск, по дороге он стал спрашивать Валеру, и тот рассказал всю правду.

– Елкину вы бросили? – уточнила я.

– Она умерла, – буркнул Зиновьев, – надо было Настю спасти. Я сразу догадался: стряслось что-то ужасное. К трупу можно вернуться, он не убежит. Мне дальше говорить? Или кто-то еще сказать желает?

– Продолжайте, – попросил Роман.

После разговора с сыном Юрий Петрович решил: Настю необходимо положить в больницу, но не в Фурске. Въехав в родной город, Юрий высадил Валеру у дома, велел тому идти в квартиру, не высовываться до его возвращения, ни с кем не беседовать. Потом он связался с Ильей. Тот

сказал, что дочь недавно вернулась, заперлась в спальне. Юрий велел дать девочке снотворное, и вскоре они с мэром уже мчались в Москву. Зиновьев сидел за рулем, Илья сзади с Настей, которая находилась в полубморочном состоянии.

– Вот здорово, – не выдержала я, – до столицы не очень далеко, но и не пять минут ехать. Жене мэра было плохо, надлежало спешно поместить Настю в клинику. Вдруг она скончалась бы в дороге.

– Жизнь не знает сослагательного наклонения, – огрызнулся Зиновьев, – не соображаешь, почему мы в мегаполис направились?

– Конечно, понимаю, – сказала я, – просто удивляюсь, что жизнь второй половины оказалась для Ильи менее важной, чем пост мэра.

– Она не была моей второй половиной, – неожиданно резко сказал Ковригин, – Анастасия мое первое несчастье. Капризная, глупая, вздорная, специально доводила до скандалов мою мать, вечно упрекала меня в том, что я женился на ней из-за денег. Я вскоре после свадьбы пожалел, что связал с этой бабой судьбу, не наш человек Настя. Вечно она искала повода, чтобы обидеться, никакого покоя в доме не было. Незадолго до этого происшествия я стал думать о разводе. Поверь, для мэра это не простой шаг.

– В столице у Ильи был приятель, владелец клиники, – продолжал Зиновьев, – а когда Настя пришла в сознание, стало ясно: она безумна. Тихая такая сумасшедшая. Илья всем сказал, что Настя умерла. На самом деле ей сделали пластику. Слава богу, Анастасия молчала. И куда прикажете ее деть? Держать дома невозможно, точно кто-нибудь ее увидит, поползут слухи. Инесса забрала ее в свой центр. Анастасию вел самый опытный в клинике врач Константин Петрович. Инесса знала, что у него больна жена, Беликов хотел ей лекарство приобрести, но оно было слишком дорогое. Илья с врачом договорился.

– С Анастасией все понятно, – сказал Игорь, – вопрос: что было с телом Элеоноры. Вы его оставили, и все?

Глава 42

Зиновьев провел ладонью по лицу.

– У меня в мозгу две мысли тогда вертелись. Немедленно запереть Валеру и Светлану дома. Увезти Настю к врачу. Я-то видел, как жене Ильи плохо, понимал, что надо спешить, понятия не имел, что Огарков сидел в лаборатории и за всем наблюдал. Думал, после того, как Анастасия окажется в клинике, вернуться в Обельяновск, по-тихому заняться трупом Елкиной. Но на следующий день не получилось. Решил в четверг скататься в тот лес. А в среду Илья меня в гости позвал. Я приехал к другу, а тот рассказывает. К нему пришел Разгонов, бабник и мерзавец, сообщил, что у него давнишняя связь с Зинаидой Федоровной. Отношения начались еще при жизни Алексея Михайловича, у того вследствие болезни и возраста облом по мужской части случился. А Зинаида была неутомима в постели, она заскучала, и тут Савелий ей на пути попался, любовь пожаром вспыхнула. Сава, кроме Зины, других бабенок обхаживал, а мать мэра, несмотря на возраст, была страстная, несдержанная в эмоциях.

– Да уж, – пробормотала я, вспоминая, как Зинаида резко отреагировала на слова оператора про Разгонова, Петр не сказал ничего обидного, а дама взлетела ракетой.

– Савелий потребовал денег за молчание, в противном случае обещал прессе рассказать всю правду о своих отношениях с Зиной. Оно, конечно, ничего особенного, но грязь на Илью налипла бы. И спали они вместе много лет, – сказал Юрий и замолчал.

– И вы его клинику подожгли, – договорил за него Игорь.

Зиновьев поморщился:

– Так и думал, что вы это скажете. Нет. Несчастный случай это был. Проводка загорелась.

– Отлично у вас получается, – хмыкнул Роман, – мальчик сам выпал из окна, ветеринарная лечебница сама вспыхнула.

– Да, – повторил Зиновьев, – именно так. Вот лабораторию олуха, который вакцину от всего мастерил, я поджег. Зинаида приезжала к Савелию в лес. Сначала она квартиру снимала для утех, думала, что все шито-крыто, дом находился в Гречанкине, народ из Фурска там не бывает, деревня убогая, в ней жили пять старух, никто Ковригину не знал. Она парик надевала, одежду другую, маскировалась по полной. И вдруг подходит Зинаида к своей машине, откуда ни возьмись появляется бабка и

папку ей сует. Ковригина удивилась:

– Что вы хотите?

– Вы же мать нашего мэра, – зачастила пенсионерка, – передайте ему бумаги.

– Ошибаетесь, – возразила Зина, быстро села в машину, за руль схватилась.

Она прекрасно водит, без шофера на свиданки каталась.

Тетка завопила:

– Ага! А то я тебя не узнала!

Зинаида поняла, что более в Гречанкино не поедет, квартиру-дом ей снимать опасно, в отель только в Москве пойти можно. Но туда каждый день не наездишься. Вот и стала она к Савелию в его сарайчик бегать. Я подумал: вдруг там улики какие-то есть – и поджег сторожку. Приехал в лес, осмотрелся, никого нет. Облил домик бензином, спичку бросил. Как полыхнуло! Ветер в тот день сильный гулял, пламя на избу перекинулось. Ветеринарную клинику я не трогал. Савелию ее подарила Зинаида, в смысле, она дала денег на приобретение здания, а ремонт он на свои бабки сделал, нанял гастарбайтеров, те с проводкой накосячили. Разгонов в дыму задохнулся. Ни при чем я. А с Валерой...

Юрий Петрович опустил голову.

– Настю мы отвезли, вернулись к Илье. Света в гостиной сидит, вид безумный, проснулась она. Отец сказал:

– Отправлю тебя в Лондон, там образование лучше.

Дочь на него налетела:

– Преступнику надо в тюрьме сидеть.

И к двери бегом. Я ее схватил, Светлана начала выворачиваться, плакала:

– Не хочу в этом доме оставаться. Мою маму чуть не убили!

Я ее к себе повез. Вошли мы в квартиру, Валерка к нам идет.

– Отец, накажи ту, кто женщину убил и Анастасию изуродовал.

Я ему в ответ:

– Давай в столовой спокойно поговорим. Только Свету уложить спать надо.

Девчонка на дыбы:

– Хочу при вашем разговоре присутствовать.

Ладно, я не против. Стал подросткам объяснять, по какой причине лучше без барабанного боя все устроить. Напомнил, что Илья мэр, я начальник полиции... Светлана вскочила и бросилась в туалет со словами:

– Меня от вас тошнит.

Сын взял со стола бутылку коньяка, залпом выпил. Он вообще никогда алкоголь не употреблял, окосел в момент. Я ему ласково сказал:

– Сынок, застелю постель, ты спать ляжешь.

Пошел в его спальню, а когда вернулся, Валера у открытого окна стоял лицом к улице. Я на пороге, он в противоположном конце тридцатипятиметровой комнаты. Крикнул ему:

– Отойди!

Он повернулся, простонал:

– Тошнит, голова кружится, плохо мне.

Дальше события как в кино развивались. Я пошел к сыну, тот из окна высунулся, издал булькающие звуки и... упал. В секунду все произошло. Дольше рассказывать. И что делать? У меня мозг отказал, кто-то из соседей полицию вызвал, я вой сирены услышал, вниз помчался, ну и...

Зиновьев замолчал.

– Вы свалили вину на Наташу, – сказал за него Игорь, – соврали, что сын из-за любви, вызванной приворотом, из жизни ушел.

– А что делать прикажете? – развел руками Юрий. – Как объяснить, почему парень напился? В чем причина? И тут! Не успели наши доблестные газеты весть разнести, как появилась в моем доме мать Сытиной и заявила:

– Я знаю правду! Дочка рассказала, когда домой пришла. Есть предложение. Покупаете на мое имя квартиру в Москве, и я молчу до конца дней. Наташка тоже рта не раскроет, вы ее в другую школу переведете, потом она в Москву уедет, в училище пойдет.

Илья все сделал.

– Анна Сергеевна один раз «подарочек» потребовала или регулярно деньги вымогала, как Огарков? – поинтересовалась я.

Ковригин ответил:

– Одноразовая выплата была. Светлану я в Англию отправил, она не спорила. Молча улетела. Квартиру ей купил, деньги посылал. Ни слова в ответ.

– Значит, вам известно, что Наташа в курсе всего. Почему вы ее не тронули? – спросил Игорь.

– Мы не убийцы, – возмутился Зиновьев, – произошла цепь несчастных случаев. Думаете, трудно дурака Огаркова убрать? Да его за бутылку бомжи оприходуют. Но Илья предпочел деньги платить, не хочет он грех на душу брать.

– Но тем не менее грех случился, – остановила я Зиновьева, – ростовые фигуры в магазине – это же вы, Илья и Юрий! Константин

Петрович, наивная незабудка, сообщил вам, что у «Люсеньки» появилась речь, она несет чушь, и передал рассказ пациентки. Но это же не «чушь» была! Ведь так? Анастасия рассказала правду о том, что случилось в лесу, и вы решили ее убить.

– Зачем вам понадобился столь шумный спектакль? – удивился Роман. – Могли тихо отравить бабу в лечебнице. Она там как Люся значилась. По документам неопределенная личность. Похоронить ее и забыть.

Илья побагровел.

– Мы не хотели никому причинить зла. Просто сглаживали ситуацию. Юра уже объяснил: Валера выпал из окна случайно, Савелий погиб в дыму от пожара, который вызвала неисправная электропроводка.

– Это все правда, – подхватил Зиновьев. – На все места происшествий приезжала масса народа. Я мог договориться кое с кем, но не со всеми же!

– Настя моя жена, – сказал Илья, – когда-то я ее любил. И точно не хотел лишать ее жизни. Ну не способен я на это. Огаркову платил! Тело Анастасии вскрывал судмедэксперт, супруга умерла от инфаркта. От страха. Очень испугалась, когда я выстрелил! В моем оружии был холостой патрон. А вот у Юрия настоящие, чтобы эксперт не удивился. Но Зиновьев стрелял по товару.

– Да зачем вам этот кретинский спектакль! – вскричал Роман. – Смысл каков?

Илья посмотрел на друга юности.

– Константин Петрович мне объяснил: «Сейчас Люсю необходимо особенно беречь. В ее мозгу идет активная работа, неизвестно, что дальше будет. Возможно, Люсенька станет адекватной. Она уже очень похожа на вменяемую женщину, с ней надо минут пять-семь пообщаться, и только тогда вы сообразите, что она не в своем уме. Но она может опять речь потерять, в особенности в случае испуга.

– И вы решили Настю снова сделать немой, – догадалась я.

– Да, – одновременно сказали Илья и Юрий.

– Придумали ограбление, – уточнил мэр, – план был таков. В новый бутик заходит женщина, следом за ней врываются грабители. Пиф-паф! Да любая баба от ужаса с ума сойдет.

– Это все объясняет, – протянула я, – время, место... Зачем кассиршу толкнули, если заряд был холостой?

– Она близко от меня находилась, – пояснил Илья, – я вскинул оружие, пистолет чуть ли не у лица кассирши оказался. Не хотел ее обжечь, вот и толкнул. А в ногу охраннику Юрий случайно попал. Тот побежал за

прилавок и словил пулю.

– Ничего более глупого в своей жизни не слышал! – рассердился Игорь. – Идиотизм!

– Доктор каждый день мне по два раза докладывал, – мрачно уточнил Илья, – весело так, радостно: «Речь быстро восстанавливается. Ерунду Люся говорит, будто она видела в лесу убийство». Ну мы и решили быстро действовать.

– Не хотели мы смерти Анастасии, – повторил Юрий, – думали, она опять речи лишится. Доктор предупредил, что это случится, если ее хорошенько напугать!

– Вот только он забыл упомянуть, что от ужаса можно инфаркт-инсульт получить, в особенности если человек, как Настя, только-только начал восстанавливаться после тяжелой психической травмы, – процедил сквозь зубы Звягин.

– Илья, кто убил Элеонору и напал на Настю? – спросил Игорь.

Последовал ответ:

– Я.

– Вы настолько любите настоящего убийцу, что готовы на позор ради его спасения? – налетел на мэра Родионов.

– Ты не понял, что Елена Зайцева нам все рассказала? – спросила я.

Глава 43

Илья молчал.

Я вскочила и подошла к нему.

– У кого был долгий роман с Разгоновым? Кто ревновал Сава сильнее, чем Отелло Дездемону? Кто в свое время забеременел от Савелия и избавился от плода? Кто дал Савелию денег на ветеринарную лечебницу? Ответ один: Зинаида Федоровна. Вопросы. Кто терпеть не мог невестку? Кто изводил Настю придирками? Кто являлся в доме Ковригиных хозяйкой? Кто любил крестника больше родной внучки? Ответ один: Зинаида Федоровна. Интересная деталь. Разгонов, беседуя с Ниной, бросил фразу: «Жизнь вообще несправедлива. У Зинаиды кровать на позолоченных ножках, а ты в дыре живешь». Точно его слова не процитирую, но главное сказала: позолоченные ножки! Значит, он видел койку!

– Это не доказательство интимной связи, – перебил меня Зиновьев. – Почему ты решила, что Савелий посещал спальню Зины? Может, ему кто-то про кровать рассказал? И потом, обозревать койку вовсе не значит лежать в ней и не обязательно с кем-то в ней того самого! Не могла она его в особняк приглашать!

Но я продолжала:

– По моему мнению, дело обстояло так. Возможно, Сава затеял роман с Зинаидой не из любви к последней. Госпожа Ковригина могла ему много полезного сделать. Думаю, Зинаида содержала любовника, деньги в карманах Разгонова появлялись не только после махинаций с покупками для Огаркова. Роман длился много лет, Савелий устал демонстрировать постоянную страсть. Да и Зинаида постарела, а мужчине трудно спать с той, кто не вызывает сексуального влечения.

– Савелию столько не выпить, – неожиданно хихикнул Юрий, – хоть он и бабник, но всему есть предел.

– Зинаида решила, что возлюбленный завел новую даму сердца, – продолжала я, – она задумала выследить парочку и устроить разборку.

– Панама, костюм с пиджаком-сюртуком никогда не принадлежали Илье, – сказал Игорь. – После того как Лена Зайцева нам все рассказала, я поднял архив того модного журнала, нашел интервью Ильи. Речь в статье шла не только о мэре Фурска, но и о его матери, которая смело экспериментирует с одеждой. К статье прилагались снимки Зинаиды, одетой в тот самый мужской костюм, с панамой на голове. Снимки были

сделаны с разных сторон, один со спины. Ехидная подпись про модника из провинции относилась не к Илье, а к его матери. Огарков не раз видел, как дама тайком приходит к Саве в сарайчик, знал, кто она, понял, что это Зинаида Элеонору убила и напала на Настю, и с этой информацией примчался к главе города.

Ковригин неожиданно вступил в разговор:

– У матери бывают приступы ярости, причем часто без повода. В детстве мне периодически от нее доставалось. И Насте так влетало, что ой-ой! А Свету бабушка терпеть не могла. Мама человек настроения. В добрую минуту она для тебя все сделает, денег даст, квартиру купит, машину подарит, на работу устроит. А в злую...

– Убьет, как Нору, – договорила я, – а теперь вспомним, что увидела госпожа Ковригина, когда подошла к месту, где они с любовником славно проводили время. Во дворе в пижаме стоит Элеонора, вид у нее довольный, как у сытой кошки, она щурится на солнышке. Нору нельзя назвать юной, но она была много моложе Ковригиной. У Зинаиды от ревности в глазах, наверное, потемнело.

– Ее замкнуло, – пояснил мэр, – на моей памяти так не раз бывало. А Настя, почему она там оказалась? Точно никто не знает. Думаю, моя жена решила нарыть на свекровь компромат, стала следить за ней, узнала про Разгонова. Когда Зина обозвала Свету нехристом прилюдно, Настя на меня налетела, потребовала мать окоротить. Я отказался, жена крикнула:

– Ну тогда я ее сама опозорю.

Наверное, тогда у нее мысль зародилась свекровь в чем-то мерзком уличить.

– Анастасия последовала за матерью мужа, увидела, как та убивает Элеонору, испугалась, закричала, – повторила я слова Елены, – а Зинаида Федоровна в припадке невероятной ярости схватила камень и кинулась на невестку. Злость придала ей сил, а Настя от страха замерла.

Игорь кашлянул.

– То, как Зинаида прыгала на упавшей Норе, била ее ногами, потом накинулась на невестку, повалила Анастасию, лупила ее по лицу бульжником, – все это видели дети. Остальное лишь наши догадки. Кто за кем почему пошел... Что же касается свидетелей, то Валера погиб, Светлана давно в Англии, она не станет давать никаких показаний. Лена Зайцева девушка с подмоченной репутацией, алкоголичка, ее словам мало веры, и это лишь слова, улики нет. Наташа Сытина пока не очнулась. Анастасия умерла. Кто у нас остался?

– Огарков, – подсказала я.

– Безумный ученый, который создает вакцину от всех болезней? – поморщился Родионов. – Любой адвокат от его показаний камня на камне не оставит, и, главное, трупа Элеоноры нет. Нет тела, нет дела. Ведь так, Юрий Петрович?

– Еще Анна Сергеевна есть, – вспомнила я.

Игорь махнул рукой:

– Она ничего не скажет. Да и слова ее для следствия пшик. Сама она ничего не видела, передает историю со слов дочери. Это не засчитывается.

– Браслет! – подпрыгнула я. – Почему на руке Насти оказалась копеечная подделка?

Илья сгорбился.

– Жена любила это украшение, никогда его не снимала. Очень расстроилась, когда фирма стала делать такую бижутерию. Один раз мы с ней шли по улице, Настя к ларьку подошла и рассердилась:

– Смотри! Моя ювелирка за копейки продается.

Я ее успокоил:

– Сразу видно, что это дешевые стекляшки.

Но она долго возмущалась. Когда я ее Инессе передал, снял с руки браслет. Вещь очень дорогая, не один миллион стоит, нельзя с такой в сумасшедший дом ехать! Кто-то из персонала может определить стоимость украшения, украсть его. Драгоценность у меня в сейфе до сих пор лежит. Через пару дней Инесса позвонила, сказала:

– Настя держит себя за запястье и плачет. Она молчит, но, думаю, ей браслет нужен. Или купи дрянь в киоске.

Я так и поступил. Анастасия получила дешевый браслет и успокоилась. За те годы, что она под наблюдением врачей находилась, фейк несколько раз ломался, когда это случилось впервые, я сразу купил пятьдесят штук. Выдавал их Инессе по мере необходимости. Поймите, моя мама это моя мама. Я ее всегда защищать буду. Зинаида Федоровна не хотела никого убивать. Это был аффект. В таком состоянии человек за себя не отвечает, его всегда освобождают от ответственности. И дело-то коснулось узкого круга лиц.

– Никто никого не хотел убивать, – поддакнул Зиновьев, – просто так получилось. Вы порылись в навозе. И что? Дело об убийстве никто не возбудит.

Я молча смотрела на Юрия Петровича. Роман встал и вышел из комнаты, я поспешила за мужем. Мы вместе направились на парковку и поехали в Москву в одной машине.

– Абсолютно уверена, что ветеринарная клиника вспыхнула не из-за

плохой проводки! – воскликнула я. – Помнишь, Огарков говорил, что он рассказал Разгонову про «мужика в панаме», описал его костюм. Савелий общался с Зинаидой, небось знал, что у той есть такая одежда!

Роман притормозил у светофора.

– Возможно.

– Савелий был жаден до денег, – продолжала я, – уж он бы не упустил возможности шантажировать немолодую любовницу. Небось потребовал от мэрской мамы денег за свое молчание. И!.. Пожар вспыхнул!

– Мэрская мать, – повторил Звягин, – я бы в прилагательном пару букв поменял. Мерзкая мать. Согласен с тобой. Хотя это лишь предположение.

Но я не успокоилась.

– Совершенно уверена, что женщина, которая звонила Нине и сказала ей: «Я Элеонора», на самом деле была Зинаида. Уж не знаю, как Савелий шум и треск в трубке устроил.

– Это не так уж трудно, – усмехнулся муж, – работающая кофемолка, например, фен. И опять я с тобой согласен. И опять у нас только предположения.

– Вместо презентации нового бутика «Бак» у нас произошла презентация ящика Пандоры. В древнегреческом мифе Пандора открыла полученный от Зевса ларец, и из него по миру разлетелись все несчастья и бедствия. Илья Ковригин и Юрий Зиновьев тщательно скрывали то, что случилось во дворе дома Огаркова. А потом решили устроить ограбление и открыли тем самым свой ящик Пандоры, где хранились их собственные несчастья и беды. И они разлетелись! И до сих пор кружат над домами главных действующих лиц. Не один год прошел после того, как Игорь Родионов, будучи старшеклассником, подслушал разговор родителей, узнал, что Зинаида была беременна от Савелия. А эхо той истории до сегодняшнего дня долетело. И что теперь будет со всеми действующими лицами?

Роман свернул в переулок.

– Думаю, сейчас Илья спешно покупает себе и матери билеты куда-нибудь за границу. Ковригин понимает – их не задержат, нет улик, но тем не менее решит исчезнуть на время. Бутик я закрою. Потеряю деньги. Ну да ладно!

– Улик нет, – повторила я. – Костюмы кролика и утки скорей всего сожгли. И их не брали напрокат. Могли купить не в России.

Эпилог

Прошло полгода. Все Ковригины уехали из России. Билеты они купили до Франкфурта, далее их следы затерялись. Илья Алексеевич снял с себя золотую цепь мэра, к заявлению об отставке он приложил справку от врача. Предынфарктное состояние. Пошатнувшееся здоровье не позволило Ковригину далее рулить Фурском.

Юрий Петрович тоже оставил свой пост, и тоже из-за плохого самочувствия. Зиновьев продал дом, купил квартиру в Москве, сдал ее и вместе со второй женой улетел в Таиланд. Они поселились в месте, куда не заезжают туристы. Более ничего о них Игорь Родионов не узнал. Наташа Сытина восстановилась, живет в Москве, работает медсестрой в частной клинике, снимает квартиру. Анна Сергеевна тоже уехала в столицу, где у нее есть апартаменты. Но старшая Сытина продолжает их сдавать, сама ютится в маленькой однушке, которую приобрела, продав все свое имущество в Фурске. В провинции жилье намного дешевле, чем в мегаполисе, но, похоже, у несчастной бедной тетушки имелись накопления. Нынче Анна Сергеевна постоянно публикует в разных бесплатных газетах и в Интернете объявления: «Верну мужа», «Стопроцентный приворот» и тому подобное. Общается ли она с дочерью, неизвестно.

Зайцеву, взяв с нее обещание даже не смотреть на алкоголь, Роман перевез в Москву. Лена работает на нашем главном складе, получает достойную зарплату, взяла в ипотеку жилье. Я часто сталкиваюсь с ней в служебных помещениях и ни разу не почувствовала от Елены запаха спиртного.

Несси и Магда живут припеваючи. Алекс, он же Франциск, ходит хозяином по дому. Впрочем, вчера Агнесса Эдуардовна сказала мне, что хочет назвать шоссейно-кустарникового Май Кунина Теософиком.

– Такого имени нет, – робко возразила я.

– Есть! – отрезала Несси. – Вчера я познакомилась с одним мужчиной, он представился: «Я теософ^[4], что означает: великого ума человек». Ну я и подумала, котик такой разумный! Нельзя звать его Франциском. Да и несчастливое это имечко.

– Почему? – спросила я.

– Был корабль «Франциск», он утонул со всеми пассажирами, – затараторила Агнесса, – потом об этом кино сняли. Обревелась я, его глядячи. Там такой Ди Каприо красивый.

– Пароход именовался «Титаник», – поправила я.

– Да? – засмеялась соседка. – Но все равно. Франциск не подходит. Но и назвать котика Теософом как-то не очень. Он же пока ребенок, быть ему Теософиком.

Я открыла рот и тут же закрыла его. Нет ни малейшего смысла спорить с Несси, через некоторое время она опять изменит коту кличку.

– Еще теософ велел мне записаться на его курсы, – сказала Агнесса Эдуардовна, – они, правда, совсем не дешевые, но он мне, как близкому человеку, дает скидку! Полтора процента!

– Кот читает лекции? – растерялась я.

– Степа! Мой мальчик Теософик! – возмутилась Несси. – А друг теософ! Это он ведет занятия, цикл рассчитан на три года! Прослушав его весь и сдав экзамен, я узнаю, как жить счастливо!

– Несси! Не тратьте деньги, – остановила я Захарьину, – я могу дать вам абсолютно бесплатный рецепт счастья.

– О! Слушаю! – обрадовалась Агнесса. – Только гимнастику делать не хочу. В свое время я посещала группу «Китайский восторг», вывихнула ногу в позе «змея с лягушкой на голове». Потом щиколотка долго болела.

– Нет, мой рецепт без членовредительства, – пообещала я. – Стать счастливой очень просто. Надо просто радоваться всему, что у тебя есть, и не желать того, чего у тебя нет.

notes

СНОСКИ

1

См. книгу Дарьи Донцовой «Бизнес-план трех богатырей».

2

Трендсеттер – человек, который вносит нечто новое.

Грибоедов А. С. «Горе от ума». Действие 2, явление 11. Молчалин:
«Ах, злые языки страшнее пистолета».

4

Теософия – теоретическая часть оккультизма, мистическое богопознание.